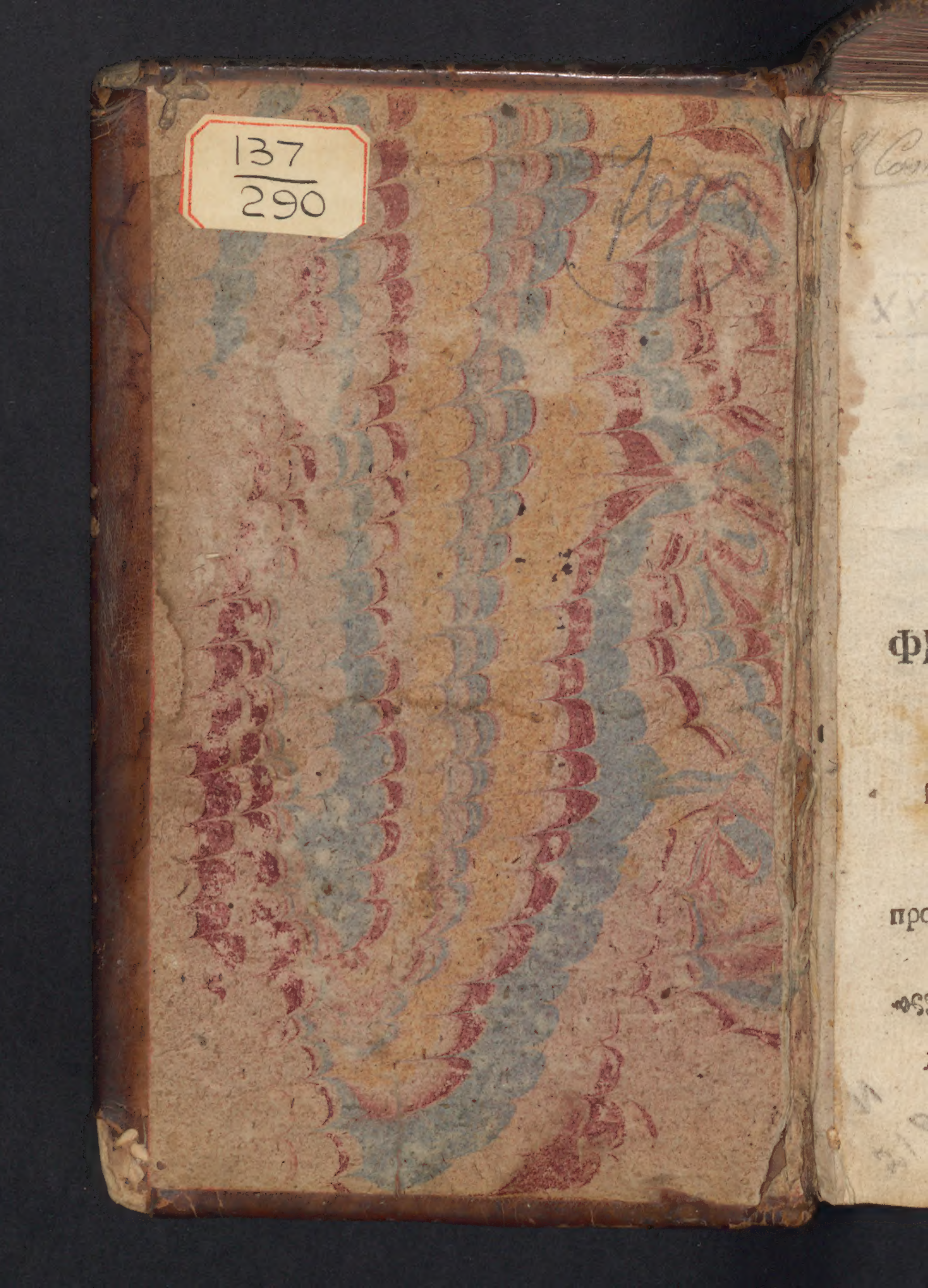


137
290

ИСТОРІЯ
о
раззореніи
ТРОИ,
столичнаго града
ФРИГІЙСКАГО ЦАРСТВА
изъ
разныхъ древнихъ писателей
собранная,
противъ перваго изданія пятымъ тисненіемъ напечатана.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1765 года.

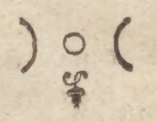
СОДЕРЖАНІЕ.

Въ сей Исторіи содержится описаніе о раззореніи града Трои Фригійскаго царства, и о созданіи его, и о великихъ ополчительныхъ бранехъ, како ратовашася о ней Царіе и Князи вселенныя; и чего ради толико и таковое царство Троянскихъ державцовъ низвержеся, и въ полѣ запустѣнія положися всеконечнымъ разореніемъ? и которые паки Царіе и Князи ратоваша оную, и кои ополчахуся за ню, и колико время ратовахуся, и кто отъ нихъ на брани паде, и коимъ оружіемъ, и чьимъ пораженіемъ? Вся сія здѣ подробну описуются.

Писаша же ю первые Историки, Дитъ Грекъ, и Фригій Дарій, истинніи свидѣтели ополченіямъ Троянскимъ, зане они сами бяху на бранехъ списатели и самовидцы бывшему

шему въ сложенiи дѣлъ своихъ. Сего ради право и написаша ю.

Потомъ же въ различныя времена, Гомеръ, Виргилiй, и Овидiй Соломенскiй кождо ихъ написаша ю, но не истинно; многiя бо въ нихъ несогласiя и басни обрѣтошася, наипаче же Овидiй Соломенскiй баснословно зѣло написа: ибо введе боги, ихъ же почиташе древнее Еллинство, помогающiя Грекомъ, воюющимъ Троянъ, и съ ними бывшiя на брани, яко живые человѣки, и иная многая тамо баснословиша. А сiя истинная и правая Исторiя Диктомъ Грекомъ написана.



О ЦАРѢ ПЕЛЕИ, ПРИВОДЯЩЕМЪ ЯЗОНА, ДА ПОШЛЕТСЯ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО.

Въ царствѣ Өессалійстѣмъ, егоже жители Мирмядоняне нарицахуся, царствоваше Царь нѣкій благороденъ и правдивъ, именемъ Пелей, съ супругою своею Царицею Өетидою, отъ ихъ же супружества произыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, именемъ Ахиллесъ, иже послѣди на Троянстѣй брани чудная мужества храбростію силъ своихъ показа, и Мирмядонянъ своихъ вознесе, и въ храбрости

паче прочихъ прослави подвигомъ военачалія своего. Отецъ же его Царь Пелей, имѣ у себе брата старѣйша себе, именемъ Язона, прежде его царствующа царствіемъ державы Ѳессалійскія, иже долголѣтнымъ своимъ пребываніемъ зѣло состарѣвся, и крѣпцѣ изнеможе, и отъ великія оныя старости очи ему омрачистася. И сего ради правленію царства Ѳессалійскаго бысть не ключимъ, и великимъ недоумѣніемъ одержимъ, и болѣзньми многими отягчеваемъ, отдаде правленія своего скипетръ Пелею, брату своему, вручилъ же ему, яко присному брату, и сына своего. Имяше бо Царь онъ сына у себе, именемъ Язона, зѣло во отроческихъ лѣтахъ, и наказа о немъ прилѣжно Пелея, брата своего, предъ всѣмъ сигклитомъ, и предъ граждана своими, да попеченіе преискренне покажетъ о воспитаніи юнаго. И

И егда, рече, приспѣетъ отроча въ возрастъ юношества своего, да предастъ ему царство Ѳессалійское, яко истинному наслѣднику. Царь же Пелей обѣщася сотворити тако, и клятвами яко же узами себе связа, еже соблюсти царство Ѳессалійское, и предати оное сыну его. Тогда Царь Язонъ старый вѣнча Пелея брата своего на царство Ѳессалійское, и пріемъ юнаго своего сына, и плакався вельми предаде его брату своему. Самъ же не по мнозѣхъ днехъ умре, и плачь великъ по себѣ остави Мирмядонняномъ. Царь же Пелей по смерти его нача веліе попеченіе и пріязнь имѣти о сынѣ его Язонѣ, поминая обѣщаніе свое и союзъ присвоенія, милуя вельми дѣтскій возрастъ его, имяше бо въ чести велицѣй, яко сына своего любезнаго и преискренняго, донелѣже онъ младъ бяше. А егда

Алєѯандръ
Си

же приспѣ въ возрастъ юношества своего, бысть мужъ вельми храбръ и силенъ, смѣлъ же и мужественъ, ктому же и преимѣющъ своею красотою надъ всѣми по премногу сіяше, еще же свѣтлодушенъ бяше, и великодаровитъ ко всѣмъ являшеся, и добротою нрава всѣхъ повинуя къ себѣ, и вси людіе вельми любляху его, и не меньши Царя Пелея во всемъ почиташа Язона. Царь же Пелей видѣвъ его отъ всѣхъ любима и велико почитаема, внутреннею завистію скорбяше нань, помышляя абіе власти своея отпаденіе, и царства Өессалійскаго лишеніе. И сего ради ненавиству мысль зачатъ на Язона, лицемѣріемъ же честь и любовь къ нему показуя, въ сердцѣ же своемъ сокровенъ имяше ядъ зависти, хотя лукавствомъ погубити его, но бояшеся народа, зане вельми любляше Язона. Язонъ же Царя

Пелея

Пелея вельми любляше и предпочиташе, яко преискреннаго отца. Онъ же ненавидяше его, яко истиннаго врага, и прилѣжно о томъ поучашеся, пути многіе изыскуя, како бы могъ погубити его безъ срамоты своего поползновенія.

Въ то же время слуху такову раздавшуся по всей вселенной, яко есть за границами царства Троянскаго островъ нѣкій великъ и красенъ, въ немъ же царствуя живяше Царь нѣкій благороденъ и богатъ, именемъ Оетесъ. Противу же сего острова другій бяше островъ малъ, именемъ Колхида, мало гребію отстоящъ отъ великаго острова. На семъ островѣ Колхидѣ живяше нѣкій овенъ, его же руно все бѣ злато. Стояше же той овенъ въ великихъ волшебныхъ устроеніяхъ, поставленъ за стреженіемъ бога Арриса; къ сему же приставлени бѣша

Ерини Holo

волы нѣкіе , пламени огненныя отрыгающе. И хотящему коему отъ человѣкъ онаго златоруннаго овна имѣти , съ тѣми волы надлежало братися , и побѣдивши ихъ подъ иго работы понудити , и землю ону , на ней же волы оны бяху , изорати. И сицевая аще сотворитъ, ко иному подвигу абіе мужественнѣ да ополчится. Еще бо имать змія нѣкоего чешуею грозна , пламенемъ огненнымъ дыхающа, и съ нимъ брань спустивши убити его подобаетъ , и отъ челюстей зубы его извлещи , и посѣяти на предреченной землѝ отъ воловъ изоранной , и отъ сего сѣмени , еже есть отъ зубовъ зміевыхъ , плодъ абіе израстетъ , зане скоро вооруженніи нѣцыи воини отъ землѝ родятся , и между себе брань дивну сотворятъ , и сами себе пагубятъ. Сими убо бѣдственными пагубами , а не иными стезями можашеся имѣти зла-

ное руно. И въ сихъ хотящимъ братися Царь Оетесъ свободенъ даяше приходъ ко златорунному оному поисканію всякому приходящему, зане самъ всячески получити его невозможе. Тогда отъ всѣхъ странъ прихождаху къ нему Князи и вельможи, и сынове ихъ, многою храбростію свѣтлїи воини, хотяще имѣти себѣ онаго златорунтаго овна и не возмогоша, и не сокровищное угодіе себѣ снискаша, но конечнаго убійства препыканіе взыскаша, и лютѣ погибоша ничтоже получивше.

Да яко убо Царя Гелея слухъ дойде о семъ, иже долго желаше погубленія Язонова, на то воздвиже сордце и духъ прилѣжно внемля, яко сею виною паче можетъ погубити безъ срамоты своего поползновенія. Призвавъ убо его къ себѣ, и сицевыми словесы

 начатъ

начатъ увѣщевати его, глаголя: О прелюбезный и дражайшій Язоне, пресвѣтлый и благородный сыне мой, вѣсть бо благородіе твое, яко азъ тя по наказанію отца твоего любезно воспитахъ, яко истиннаго и любезнаго своего сына, поминая родственную любовь союза братска, юже имѣхъ ко благородному отцу твоему и къ тебѣ, щадя юность благородія твоего, нощію бо и днію не даяхъ покоя духу моему, яко да достойна и свѣтла самодержца покажу тя царству Ѳессалійскому, тѣмже и не погрѣшихъ надежды, яко же непщую, ниже отпадохъ желаемаго ми намѣренія, но вся сія, яко же азъ желахъ, сбышамися благостройнѣ, и сего ради по премногу веселяхся красуяся, яко сицева дивна сподобихся воспитавъ наказати тя премудрѣ, и нынѣ ты вселюбезнѣйшій, достигль еси въ возрастъ юношества своего

и уже

и ужѐ воинъ храбрый и чудный быти показуешися, сїяя отвсюду премудростїю и благородїемъ паче прочихъ человѣкъ, и свойственно есть благородному искати чести и хвалы къ повышенїю благородїя своего. Такожде и храброму во ополчителъныхъ подвигахъ обучати себе, и мудрому же подобаетъ съ прилѣжнымъ опасенїемъ разсмотряти и разсуждати полезная. Тѣмъ бо паче утверждаетcя и благородїе, и укрѣпляется храбрость. Зримъ же нынѣ во единой особѣ благородїя твоего вся сїя свѣтлая имства, мудрость же, и благородїе, и храбрость вкупѣ соединены. И сего ради молю благородїе твое, да не облениши ся послушати мя, яко отца; полезная совѣщаю ти, яко да направиша себе въ путь подвига ко златорунному поисканїю, и крѣпцѣ да потщишися сїе удивительное сокровище во свое царствїе

 при-

привести. И аще сицевая чудная сотвориши, то помысли, вселюбезный и дражайшій сыне, яко удивити имаши подвигомъ своймъ всю вселенную, и по завѣщанію отца твоего свѣтлый Царь царству Ѳессалійскому явишися, сіяя чудною сею побѣдою. Азъ бо извѣстно вѣмъ, яко мощно ти сицевая совершати, аще покажеши мнѣ усердное и благопослушливое свое изволеніе. Сицевая же и йна многа Царь Пелей изрече, яко же нѣкій льстивый ловецъ лукавыми словесы своими, аки многоплетенными мрежами отвсюду объемъ улови юношу, предложивъ ему смертный убійства ядъ, медомъ краснословій отвсюду услажденъ.

Язонъ же помраченныя льсти Царя Пелея, стрыя своего, отнюдъ не разумѣ, и толикихъ пагубъ во златорунномъ исканіи ничто

же вѣдый, любезно обѣщася повелѣние его совершити. Царь же Пелей вельми возвеселися о семъ, чая извѣстно совершити симъ погубленіе Язону. Вскорѣ убо повелѣваетъ уготовляти корабль, и украшати его лѣпотнѣ обычаемъ царскимъ. Уготовлену же бывшу кораблю, и вложену въ него всякихъ царскихъ сокровищъ и брашенъ довольству, ихъ же вина̀ плаванія прошаше, и егда сія совершишася; тогда Язонъ пріемъ отъ Царя Пелея отпущеніе, весело входитъ въ корабль. Мнози же юноши многою храбростію красновидные съ нимъ входятъ въ него: въ нихъ же бѣ мужъ воистинну сильнѣйшій и крѣпкій Геркулесъ Князь, родися [яко же глаголютъ о немъ] отъ Зеуеса и Алкме́ны, Амфитріоновы жены. И сей убо Геркулесъ во свое время многихъ исполиновъ изгуби, и на рукахъ своихъ подъ-

ѣмъ нестерпима величества крѣпчайшаго сокруши Антефума, и ина многая чудная доблести и мужества показа, его же Еллини сихъ ради обезумишася, богомъ быти нарекоша, Иракліемъ того именующе. Вшедшимъ же имъ въ корабль, исходятъ абіе изъ пристанища, и пути своего емлются. Вѣтру же вѣющу имъ поспѣшну, не по многѣхъ днехъ Троянскаго царства дойдоша, и весело входятъ во оно пристанище, и вметавше якори сташа, и исходятъ радующеся на брегъ, шатры своя изнесше на землѝ поставиша, и отъ прилежащихъ ту источниковъ во́ды чистыя почерпаху и веселяхуся, и пребываніе ту умыслиша себѣ сотворити на дни нѣкія, яко да плавающіи отъ бѣдъ морскихъ прохлажденіе и отдохновеніе пріимутъ, и ко прочему пути крѣпцы и благодушни будутъ.

Трояне

Трояне же видяще корабль онъ во украшеніи царстѣмъ, такожде и шатеръ оный, въ немъ же Язонъ пребываше, во устроеніи сущъ царстѣмъ вельми украшенъ стояше. къ томуже и языкъ Греческій, Трояномъ незнаемый, слышаще зѣло удивишася, како безъ повелѣнія и воли Царя Троянскаго Грекове толику дерзость сотвориша, ставше своевольнѣ въ пристанищѣ его, и со тщаніемъ абіе во градъ возвратившеся, Царю своему возвѣстиша. Царь же Ламедонтъ егда слыша таковая возвѣщенія, возмутися духомъ, и ярости и гнѣва вельми наполнися, въ безчестіе себѣ и въ досаду велику вмѣнивъ быти толикое Греческое дерзновеніе, къ тому же еще возмнѣвъ, и ко граду своему отъ нихъ быти тайное нѣкое умышленное злоумнѣ ловительство. Посла своего абіе посылаетъ ко Грекомъ, повелѣвзетъ

 рещи

рещи имъ, яко да безъ всякаго укоснения отъ землй его отъидутъ. Аще ли же преслушаютъ тя, прещениемъ ратнаго ополчения и смертнаго убийства да запретиши имъ. Посолъ же егда сия услыша, абие на путь препоясася и ко Грекомъ отыде, и пришедъ въ станъ ихъ, въ шатеръ Язоновъ вниде, посольства своего вину повѣдуетъ сими словесы: Царь Лаомедонтъ, Троянскаго царства господь, о пришествии вашемъ зѣло чудится. Почто въ землю его внидосте отъ него свободы не восприявъ, его же есть царская мысль, въ мирѣ любитъ царствие свое защищати. Вы же въ толику гордость высокоумия вознесшеся, возмутисте духъ его, оскудѣниемъ премудрости и разума вашего недостаткомъ безчестие благородию его царскому наносяще, и державу царствия его осрамляюще, сицевое безсту-

дие

діе свое явивше въ земли чуждей тако дерзостнѣ и сице настоятельнѣ; повелѣваетъ вамъ, да не задержанѣ имате изъ земли его изыти. Ащели же ни, то въ день утренній аще ощутитъ повелѣнію его васъ быти презорливыхъ, повелитъ своимъ навреждетіемъ вашей напасти, и васъ самихъ на конечное незгодіе погибели предастъ.

Егда же Язонъ посольство сіе слыша, весь гнѣвомъ разжеся. Посланному сицевая словеса отвѣщевая, рече: друже! посольства твоего рѣчи добрѣ слышахомъ, и дары, яже отъ Царя твоего къ намъ посланныя, обычаемъ благородныхъ любезнѣ воспріяхомъ. Обаче же глаголемъ ти, опасно донеси Царю твоему о насъ возвѣщая, яко мы въ дальнія страны ѣхати мыслихомъ, нужда насъ въ сіе мѣсто мимошественнѣ

укло-

уклонитися понуди. И аще бы Царя вашего царское благородіе украшало, насъ бы подобало ему честствовати, зане аще бы его подобный случай самого во Грецію привелъ, не бы толико безчестие отъ насъ потерпѣлъ, но преимѣющу честь достойну благородія своего воспріялъ бы. Но понеже онъ того не восхотѣ, и вмѣсто благаго самъ себѣ злое избра, безчестіе наводя намъ, ничто же предъ нимъ злое сотворшимъ, ниже бо мы къ царствію его чѣмъ приразихомся, ниже благородіе его обезчестихомъ, ниже гражданъ его чѣмъ оскорбихомъ, ниже землю державы его чѣмъ опустошихомъ, но тако просто и яко же прилучися нападе на насъ толикимъ гнѣвомъ, и обиду дивну тобою днесь нанесе намъ. Всѣялъ самъ по изволенію своему сѣмя злобы въ сердца наша, иже послѣди израститъ ему плодъ

золъ

волѣ во время свое, его же и неволею жати понудится: и аще не нами, то инѣми нашими Греческими славными, иже настоящую сію обиду нашу услышатъ. Не прибытки отъ сего пріобрящетъ Царь вашъ; но шкоды неизреченныя будетъ имѣти. Мы бо отъ земли его абіе отъидемъ, ничто же зла сотворивше ему, ниже безчестяще его, но сами безчестіе пріемше отъ него отходимъ, якоже и самъ явѣ зриши. И сія рекъ Язонъ стоскнувся печалію умолче.

Геркулесъ же словесы Язоновыми не удоволився, посланнику изливаетъ сія словеса: друже! кто ты ни буди, рцы убо царю твоему, что мы въ день завтрешній весьма отъ земли его отыдемъ, но будущаго третіяго лѣта день сей не пройдетъ, онъ же насъ узритъ, аще живъ будетъ, хощетъ или не хощетъ

хощетъ, якоры вметавше станемъ въ семъ пристанищи, о немъ же нынѣ прещеніемъ ярости своея воспретилъ намъ. Тогда же о данной намъ отхожденія свободѣ не будетъ ему совершенна воля, насъ отъ береговъ своихъ отринути. Въ то бо время поля̀ града сего мертвецы Троянскими настланы будутъ. Князи бо ваши, и воеводы, и воини мечемъ свирѣпымъ умертвятся. Прочіи же въ плѣнъ и въ работу во Грецію отведены будутъ, и тамо измрутъ работающе въ землѝ чуждей, и самъ Царь вашъ, который на́чалъ дѣло сіе, бѣднѣ на той брани животъ свой испровержетъ, и славный сей градъ его до конца грабленіемъ испразднится, и высокія стѣны его и стрѣльницы до основанія разметаны будутъ; да научатся къ тому Троянстіи Царіе чужихъ не вредити, благородіе ихъ осрамляюще толикимъ безче-

безчестіемъ, ему же ты самъ вина и свидѣтель достовѣренъ. И сія изрекъ Геркулесъ умолче; и тако посолъ пріемъ отъ нихъ отпущеніе, возвратися ко Царю своему.

Язонъ же абіе по отшествіи посла Троянскаго повелѣ шатры и прочія вещи, изнесенныя на брегъ, покоя ради паки на корабль носити; и потомъ сами возшедше, и вѣтрила распростерше, въ путь свой поидоша, и по многи дни плавающе къ царствію Оетеса Царя во блазѣй цѣлости здрави приходятъ. Егда же Оетесу Царю пріиде слухъ о пришествіи Грековъ, зѣло возвеселися о нихъ, и абіе повелѣ благороднымъ своимъ на брегъ моря изыти, и честно пріяти ихъ. Прочему же воинству и народу повелѣ изыти во стрѣтеніе ихъ съ тимпаны и органы, съ трубами же и гусльми, и со прочими

орудіи

орудіи играній мусикійскихъ. Пришедшимъ же благороднымъ Оетесовымъ на брегъ къ кораблю Греческому, самъ Язонъ изыде къ нимъ. Они же падше поклонишася ему, и отъ лица Царева поздравленіе благородію его изрекоша честнѣ. Язонъ же поклонися имъ, и о здравіи благородія царскаго, якоже лѣпо, любочестнѣ вопросилъ. Потомъ же Язонъ въ царскомъ нарядѣ вельми украсився, на избранный свой конь всяде. Такожде и Геркулесъ въ чудномъ украшеніи на конь свой убрался; потомъ же и иніи благородніи и храбрыи Гречестіи лѣпотнѣ украсившеся, на кони своя всѣдоша, и во урядѣ чина своего кождо ихъ во слѣдъ Язона и Геркулеса благочинно поидоша градомъ къ палатамъ дому Царева. Людіе же начаша гласити во многія трубы и органы и прочія мусикійскія играния, и дивно бѣ видѣти Греческое

ское пошествїе ; граждане бо вельми дивляхуся красотѣ и храбрости Язоновой и Геркулесовой , и прочихъ Греческихъ благородныхъ и красновидныхъ юношей , стекахуся съ женами и съ дѣтьми видѣти бывшее , ходяще зѣло стѣсняеми. Пришедшимъ же имъ къ дому Цареву , Царь Оетесъ отъ мѣста своего воставъ, Грекомъ во срѣтенїе во множествѣ благородныхъ изыде , и отъ палатъ своихъ на землю сниде. Язонъ же пришедъ поклонися Царю , и якоже есть благородїе его предпочте ; такожде и Царь поклонися ему , и обїемъ цѣлова его любезнѣ , достойную честь воздая благородїю его. Такожде и Геркулеса достойною честїю почте , и прїемъ Язона за руку по лѣствицамъ во врата многихъ камеръ восходитъ. Пришедшимъ же имъ въ палату царскую , Царь Оетесъ сѣде на своемъ царскомъ мѣстѣ , и Язону подлѣ

себе

себе сѣсти повелѣ. Сѣдшимъ же имъ, Царь Оетесъ любочестнѣ вину пришествія у Язона вопрошаетъ; Язонъ же воставъ отъ мѣста, Царю Оетесу сицевыми словесы возглагола: о пресвѣтлый и благородный Царю! аще повелитъ ми державное благородіе твое полною свободою изыти ко златорунного овна исканію, се есть вина пришествія моего къ твоего благородія величеству. Царь же тако отвѣща ему: о прелюбезный и благородный Язоне, пресвѣтлый и дражайшій друже мой! буди о семъ воля твоя, якоже хощетъ благородіе твое, и никто же возбраняяй ти есть: азъ бо совершенну и вцѣлу волю радостно подаю изволенію твоему, токмо нѣкая неудобства обрѣтаются въ златорунномъ ономъ исканіи, о нихъ же нынѣ неудобно намъ есть продолжити словесъ, но послѣди возвѣщу ти. Язонъ же поклони-

ся

ся Царю, и повелѣ ему Царь паки сѣсти на своемъ мѣстѣ; и абїе Царь повелѣ уготовляти рабомъ своимъ различная брашна и питїя, хотяше бо сотворити вечерю чудну и преславну Греческаго ради пришествїя. И паки повелѣ Царь во своемъ царскомъ дворѣ палату нѣкую пречудну и позлащенну и мусїею украшенну уготовати, и лѣпотнѣ украсити ко обитанїю Язонову, да ту пребываетъ; Язонъ же паки воставъ поклонися Царю.

О МЕДЕИ, КАКО ОТЦЕМЪ СВОИМЪ НА ОБѢДЪ ПОЗВАНА.

Уготовлену же бывшу брашну во мнозѣ изобилїи, настилающися столы, и поставленными кубцемъ и чарамъ златымъ и сребряннымъ, належащу времяни ясти, Царь Оетесъ восхотѣ благородїя

своего

своего милость Грекомъ показати, по нѣкую дщерь свою посылаетъ, яко да пріидетъ весело праздновати обѣдъ съ новыми гостьми, ихъ же царь во мнозѣ веселіи воспрія. Бѣ бо Оетесу Царю дщи, именемъ Медея, красна сущи вельми и благородна, яже отъ отроческихъ лѣтъ всю себе издаде свободныхъ хитростей наказанію, землемѣрію же и астрологіи, и прочимъ хитрѣ научився, и еже предразумѣвати будущая добрѣ вѣдящи, къ тому же въ чарованіяхъ и въ волшебныхъ хитростяхъ зѣло изучена бѣ, яже волшебными силами и чинми и заклинаніи чародѣйными свѣтъ обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры извождаше, и блистанія, и громы, и страшныя землетрясенія, рѣчныя же быстрины кривыми мѣсты текущія вспять изліятися и наводнятися творяше; и паки въ лѣтней теплотѣ отъ древесъ листье отъимаше, и въ

и въ непогодіе бурное и въ зиму цвѣсти и плоды изводити понуждаше, и младыхъ человѣкъ творяше старыми, старыхъ же ко юношеской силѣ приводя. Сію вѣроваше древнее Еллинство богиню быти; такова бо бяше оная Медея, единородная дщи Царева, ей же отецъ ея притти къ себѣ повелѣ. Медея же повелѣніе Царево слышавъ, вельми украсися многоцѣнными ризами и царскими другими утварьми, якоже обычай есть благороднымъ красоту прилагати къ красотѣ, и тако урядився благопристойнѣ къ возлежащимъ на трапезѣ во множествѣ дѣвъ благородныхъ пріиде, ей же Царь Оетесъ, отецъ ея, подлѣ себя сѣсти повелѣ. Послѣди таковымъ своимъ неразсмотреніемъ благородіе свое вельми оскорби, и сердцу своему печаль и тугу зѣлну нанесе, и всему царству своему срамоту велику и укоризну наве-

де, яже послѣди настоящая исторія изъявитъ.

И абіе обѣду скончавшуся, Медея повелѣніемъ отца своего отъ мѣста своего воставъ, Царю отцу своему и Язону поклонися, такожде и Геркулесу, и во своя камеры отыде. Утру же бывшу Царь Оетесъ паки повелѣ пиръ великъ уготовляти, веселяся пришествію Язонову. И егда время обѣда пріиде, паки по Медею посылаетъ, повелѣвая притти ей на обѣдъ. Она же въ чудномъ царскомъ нарядѣ зѣло украсився паче перьваго, пріиде въ палату царскую, и подлѣ отца своего сѣде, якоже и прежде. Веселящуже ся Царю и гостемъ его на трапезѣ возлежащимъ съ нимъ, такожде и слугамъ царскимъ въ веселіи велицѣмъ предстоящимъ, егда вси людіе уже крѣпцѣ возвеселишася, Медея рече отцу своему:

своему : О пресвѣтлый и благородный отче мой , великій Царю , аще повелитъ ми держава твоя , да возглаголю цѣломудреннѣ чиномъ дѣвическимъ , и да сотворю вопрошеніе къ Язону о семъ , съ которою онъ хитростію ко златорунному исканію помышленіе свое подвиже , и пріимъ отъ него отвѣтъ возмогу разумѣти , колико есть премудръ , мняся сопротивлятися власти бога Арриса. Ей же отецъ ея рече : глаголи, благороднѣйшая и пресвѣтлая дщи моя , якоже вѣси премудрѣ. Медея же мало помолчавъ , тако возглагола Язону, сыну Цареву : Язоне , да не вознепщуешъ благородіе твое начинаніе се , о немъ же глаголати хощу , ниже инъ нѣкій безстудства видъ да напишетъ ми о семъ, яко азъ есмь дѣва , отроковица сущи царская, съ твоимъ же благородіемъ глаголати яко незнаема дерзаухъ ; возвѣсти ми истин-

истинчу, о немъ же вопрошу тя: почто дерзнулъ еси себе вдати толикимъ явнымъ и пагубнымъ бѣдамъ, надѣяся на храбрость свою подвиглся еси искати златорунного овна? или не вѣси, любимиче, колики суть во златорунномъ семъ исканіи учинены смертныя погибели? которою хитростію, молю тя рцы ми, можеши сопротивитися власти бога Арриса? или коею мудростію можеши превозмощи смертоносныхъ оныхъ воловъ, пламени огненныя отрыгающихъ? или паки которымъ художествомъ имаши на ужасныя плещи ихъ рало ярма работнаго возложити, и понудити бразды провлачити? которою же ли храбростію ополчишися противу онаго великаго змія, чешуею грознаго, пламени огненныя дышущаго? Тѣмже милуя и щадя юность благородія твоего, цвѣтущую красотою толикою, и сіяющую

ющую царскимъ благородіемъ, глаголющи; престани, Язоне, отъ таковаго несчастливаго случая, аще хощеши чинити мудрѣ, и не приступай къ смертному предѣлу, иже живота твоего цвѣтъ конечно отыметъ. Язонъ же къ словесемъ Медеинымъ сице рече ей: о пресвѣтлая и благороднѣйшая госпоже! нынѣ ми простирзеши великую бѣду, сія глаголя ужасити мя мыслиши, яко же непщую, и во всеконечное вложити отчаяніе, яко да ужаснувся престану отъ начатаго ми умышленія. Срамъ бо есть, госпоже великая, благородному, паче же храброму, не искусивъ подвига коего дѣломъ вещи отъ словесъ единыхъ ужаситися и бѣжати? Да аще сія сице имутъ, како же азъ могу сицевая сотворити. И аще сотворю се, яко же ты глаголеши ми, то уже которою особою могу притти во отечество

 мое,

мое, или которыма очима возврю на благороднаго старыя моего? коими ли усты возглаголю благороднымъ Греческимъ, или кое лице явлю ко всѣмъ гражданомъ моимъ, яко не видѣхъ поля, ниже узрѣхъ ополченія, повергохъ же орудія моя, и бѣглецъ явихся? ни, госпоже моя; но лутче ми есть умрети въ земли чуждей, нежели съ толикимъ безчестіемъ возвратитися здраву и цѣлу во свое отечество. Къ нему же Медея тако рече: добрѣ, Язоне, и ясно уже нынѣ зрю тя, яко къ чудному сему златорунному подвигу ино ничто же имаши споспѣшествующее тебѣ, точію едину храбрость, на ню же надѣяся въ пагубу явную самоизвольнѣ животъ свой пометаеши; не вѣси бо, яко сей свѣтлый подвигъ храбростію единою исправитися не можетъ, но подобаетъ ти съ храбростію вкупѣ имѣти вѣденіе

же

же и премудрость. Аще бо храбрость и свѣтло есть имство, кромѣ же мудрости неискусно есть и неутвержденно, и всюду зыблемо, и не похваляется отъ добрѣ-вѣдящихъ. И сего ради паче азъ благородїю твоему желаю полезный предложити совѣтъ, яко да имъ отъ толикихъ бѣдъ совершенно избавишися, и здравъ во блазѣй цѣлости возвратитися имаши во свое отечество. Зане азъ едина есмь, яже добрѣ могу власти Аррисовы разрушити, и вся его хитрости и начинанїя властїю своею низложити хитростїю, и до конца разсыпати, и ни во что же обратити всеконечнѣ, твое же поистиннѣ щадя благородїе, понеже отвсюду зрю тя смертными бѣдами объята суща, токмо аще самъ ты изволенїю моему покоришися. Ей же Язонъ тако рече: о пресвѣтлая и великая госпоже! все, еже ми повелишъ

велитъ благородіе твое, радостно поистиннѣ и воседушно творити обѣщаюся, видѣвъ толику милость благосердія твоего, яко обѣщаваешимися избавити мя отъ толикихъ моихъ пагубныхъ бѣдъ, хотящихъ абіе постигнути мя. Тѣмъ же и азъ изволенію благородія твоего готовъ есмь послѣдовати, и творити вся заповѣдуемая и повелѣваемая тобою. Тогда Медея рече ему: аще отвезеши мя во твое отечество, и аще вѣренъ будеши, еже не оставити мя, донелѣже дыхаеши, азъ воистинну сотворю ти, что златаго овна онаго достигнеши, и съ побѣдою сею чудною здравъ во свое отечество возвратишися. Язонъ же обѣщася взяти ея себѣ въ жену, и клятвами страшными, яко же узами желѣзными, себе связа, еже соблюсти ему къ ней вѣрность во вся дни живота своего.

О НАКА-

О НАКАЗАНІИ МЕДЕИНѢ, НАКАЗУЮЩЕЙ ЯЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ

Егда же Язонъ клятвами себе утверди; тогда Медея начатъ прилѣжнѣ наказовати Язона о златорунной оной брани. Даде ему первѣе образъ нѣкій златъ, глаголя, въ немъ силу тако у быти, что противу пламени велми возмогаетъ. Паки даде ему тыкву мокроты нѣкія чудныя наполнену, яко да сію мокроту во уста воловъ вливаетъ частыми окропленьми, и до конца угаснетъ пламенное отъ нихъ испущеніе; самъ же первѣе да помажется ею. Потóмъ же даде ему нѣкій зеленаго камени перстень, наказуя его: егда, рече, пріидеши ко змію оному, тогда камень перстня сего предъ очима его да повержеши, и тако огнь престанетъ испущати, и не пожжетъ тя. Потóмъ же

мечемъ голымъ и своею храбростію крѣпцѣ уже да борешися съ нимъ. И егда вся сія совершиши, тогда ко оному себе да направиши, и не скоро да нападеши на него. Но помоляся молитвою трижды, и тако пріими его. И сице Медея крѣпцѣ наказавъ Язона, повтвори наказаніе свое паки, да не забудетъ. Язонъ же пріятъ отъ Медеи наказаніе, удивися счастливому сему случаю.

О ВЗЯТІИ ЗЛАТОРУННАГО ОВНА.

Во утрій же день Язонъ ко Царю пріиде, и тако рече ему: о брагородный и пресвѣтлый Царю! часъ ми есть изыти, аще повелитъ благородіе твое, ко златоруннаго овна взысканію. Ему же Царь Оетесъ сице рече: слыши, благородный и преславный Язоне, единожды бо изрекохъ благородію

городію твоему о семъ совершенную свободу и полную, яко же хощеши: никто же возбраняяй ти есть, но токмо, вселюбезный возвѣщаю ти самую истинну, яко многія во златорунномъ семъ исканіи устроены суть смертныя пагубы огненнаго естества дышущихъ воловъ, и ужаснаго онаго огнепальнаго змія претительное стремленіе. Тѣмже вельми ужасаюся шуихъ случаевъ, да не твоего бы благородія достоинство въ лютыхъ онѣхъ стремленіяхъ погибло. Тѣмъ же и неволею даю совѣтъ изволенію твоему, иди здраствуяй на чудный подвигъ сей, и здравствуяй возвратися сѣмо, яко же азъ желаю. Язонъ же пріимъ отъ Царя совершенную свободу, всѣде на избранный конь свой, такожде и Геркулесъ, и прочіи Греческіи, и благородніи Князи и вельможи Царя Оетеса провождающе Язона.

 И яко

И яко прїидоша на брегъ моря, Язонъ скоро съ коня сниде, и сотворивъ цѣлованїе со всѣми ими, абїе входитъ въ корабль вземъ съ собою рало со всѣмъ устроенїемъ его, и пустився отъ великаго острова во инъ островъ, нарицаемый Колхида, и скоро дойде его малою гребїю. Язонъ же егда изыде на брегъ острова Колхиды, вскорѣ на ся оружїе облачи, и препоясася мечемъ своимъ, и копїе въ десницу свою прїимъ, другою же рукою по земли влекїй рало со всѣмъ устроенїемъ его, и къ стражѣ овна путь воспрїя, и первѣе на волы воззрѣ, толь великїя огненныя крѣпкїя пламени дышуще, яко воздухъ весь и землю очервленяюще, и все мѣсто то огнемъ ярости объемлюще, да яко Язону никакоже мощно бѣ приступити зѣльныя ради теплоты страха, но Медеинымъ дѣйствомъ и добрыхъ

ея наказаній не забы, лице свое и шею и руки данною отъ Медеи мокротою помазавъ; образъ бо ему отъ нея данный на шею повѣсивъ пламени предложи, и нача съ волы онѣми крѣпцѣ брань творити, и тако пламеннымъ воловымъ огнедыханіемъ сгорѣ щитъ его отъ пламени, и копіе его огнемъ скончася. И поистиннѣ Язонъ животъ свой скончалъ бы отъ огня, аще не бы отъ Медеи данную мокроту частыми окропленіи во уста ихъ вліялъ; ей же вліяннѣй бывши дышущихъ воловъ уста, аки желѣзными цѣпьми сцѣпляются, и яко клеемъ спаятельнымъ неразлучно соединяются, и сего ради преста пламенное испущеніе, и воловъ онѣхъ смертоносный угасе огнь. Превозможе же Язонъ, и многаго смѣльства наполнися ко крѣпкимъ ужасныхъ воловъ рогамъ руки простираетъ, и восхитивъ

за рога покушается сѣмо и овамо преводити, и не сопротивляхуся ему. Сего ради и рало на плещи ихъ спаснымъ пщанїемъ налагаетъ, понуждая бразды провлачити; и сице обращену бывшу дерну, широкое оное поле вoскапывается частыми браздами горѣ и долу проходящи. Егда же сїя соверши Язонъ, оставивъ волы оны на полѣ, самъ же приходитъ ко змїю великому, его же змїй егда приходяща узрѣ, возмятеся вельми и возсвиста ужаснѣ, нача пламень изпущати, и вельми яростнѣ дыхати, и все мѣсто оное огненнымъ пламенным дыханїемъ наполняетъ, и небо належащее великимъ разжиганїемъ краситъ. Язонъ же яко видѣвъ такое величество ужаснаго онаго змїя, вострепета, и огнь толикъ нестерпимаго пламене зря, изумленъ стояше, и егда отъ ужасти страха воспомяне

Медеино

Медеино наказаніе, извемъ отъ нѣдръ своихъ зеленаго камени перстень къ свѣту змїеву предповерже, его же блистанія ужасеся змій, и преспа пламени испущати. Язонъ же страхъ отложивъ, въ мужество паки облечеся, и смѣлствомъ многимъ наполнився, извлече мечь свой, нача брань крѣпку творити со змїемъ, жестокія чешуи его мечемъ отражія, и толь долго крѣпцѣ боряшеся съ нимъ, да яко ужѐ змій не могій терпѣти частыхъ пораженій его, на долгомъ ономъ полѣ простреся, и смертоносный свой испусти духъ. Язонъ же и главу его мечемъ отдѣли, и извлече зубы его, и посѣя на предреченной земли отъ воловъ изоранной. И абіе отъ зубовъ змїевыхъ плодъ чуденъ израсте; скоро бо вооруженніи нѣцыи воини отъ земли родишася, и нападше сами на себе смертными язва-

ми

ми братися начаша; жестоко убо творится ополченіе промежъ братіею земною и мрачно, зане раздѣльными полки на брань не нападаютъ, ниже хотятъ да раздѣлившеся, но смѣшенно единъ другаго убиваетъ, послѣди же отъ нихъ ни кто же явися побѣдитель, но вси вкупѣ падоша погубленніи. Волшебныя бо хитрости волшебнымъ дѣйствомъ разрушишася, и змію предреченному умерщвленну бывшу, и воломъ на полѣ еле живымъ оставленнымъ, и братіямъ земнымъ умершимъ, Язонъ отъ смертныя бѣды избысть, веселъ ужѐ и смѣлъ ко златорунному овну приходитъ, въ немже ни единаго противленія бранняго обрѣте: но помолився молитвою, восхити его за рога, и удавленіемъ смерти предаде. Снемъ съ него одежду его златую, возвратися обогащенъ златымъ ограбленіемъ, и прі-

и пріиде на брегъ острова Колхиды, и оттуду вшедъ паки въ корабль, пріиде на онъ поль къ великому острову, на немъ же Геркулесъ и прочіи благородніи Греческіи ждуще его, иже никако же его здрава къ тому пріитти чаяху. И егда узрѣше его здрава, возрадовашася радостію многою, и тако поидоша во градъ веселящеся о здравіи Язоновѣ и о преславнѣй побѣдѣ его. Царь же Оетесъ лицемѣрнымъ веселіемъ ужè воспрія его, понеже завидитъ ему о толицѣй побѣдѣ его, единаче же повелѣ уготовляти трапезу свѣтлу, яко же и прежде. Егда же Язонъ пріиде въ палату Цареву, Царь вопроси его любочестнѣ о здравіи его: Язонъ же поклонися ему, возвѣщая здравіе. Сѣдшимъ же имъ вечеряти, Царь Оетесъ по Медею дщерь свою посла, да пріидетъ къ трапезѣ въ палату

царскую,

царскую, и сѣде на своемъ мѣстѣ, яко же и прежде. Царь же нача вопрошати Язона о златорунной оной побѣдѣ. Язонъ же вся подробну исповеда ему, и вси дивляхуся чудящеся, много же веселяхуся на пиршествѣ здравія ради Язонова. Скончавшуже ся обѣду, Язонъ поклонися Царю и въ палату свою отыде. По златорунной же оной брани Язонъ во царствіи Оетесовѣ ожидая благополучнаго плаванія цѣлъ пребысть мѣсяцъ. Егда же возвѣя вѣтръ благопоспѣшенъ; тогда въ нощную темноту пріиде Язонъ къ Медеи, и веемъ ея отведе тайно на корабль свой, и веемъ вся своя такожде тайно отыде со всѣми своими на корабль свой, безъ отпущенія царскаго, и повелѣ вѣтрила корабленныя распростерти, и пути своему вдася. Вѣтру же вѣющу ему зѣло поспѣшну, не по многихъ днехъ таковымъ

благо-

благостройнымъ плаванiемъ въ желаемые предѣлы царства Θессалiйскаго здравiи прiидоша во блазѣй цѣлости, и къ Царю Пелею во мнозѣмъ веселiи своемъ приходятъ, радующеся о случившихся имъ.

О СОВѢЩАНIИ ГРЕЧЕСКИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ, И О ПОДВИЖЕНIИ, И О ПРИШЕСТВIИ ИХЪ КЪ ТРОИ ЗА ОТМЩЕНIЕ ОБИДЫ ЯЗОНОВЫ.

ЯЗонъ же егда во царство Θессалiйское прiиде, ни о чѣмъ ему иномъ толико радѣнiе бысть, ниже о прiятiи царства Θессалiйскаго, ежебы прiяти отъ руки Пелея, стрыя своего, по завѣщанiю отчю и самого того Царя Пелея, ниже о брацѣ Медеинѣ, о немъ же прежде тяжкими клятвами ей толико страшнѣ кленяшеся, еже хотяше съ нею сотворити вскорѣ

вскорѣ, егда пріидетъ во свое царство; но вся сія оставль, яко неключима, въ месть и отмщеніе противу Лаомедонта Царя сердце многорадиво воздвиже. Многу у него о семъ со Геркулесомъ сообщену бывшу совѣту, пріидоша вкупѣ къ Царю Пелею, сказующе ему тяжку жалобу на Царя Лаомедонта Троянскаго, и молящe его, да во отмщеніе обиды ихъ помощь воинственную подастъ имъ. Царь же Пелей обѣщаса имъ съ воинствы своими самъ пойти, и обиду ихъ вкупѣ мстити. Они же поклонишася ему, и отъ палаты его изшедше вельми радостни быша, и вскорѣ абіе Геркулесъ въ корабль вшедъ, ко Царю Теламону отходитъ, моля его о помощи воинства противу Лаомедонта Царя. Царь же Теламонъ самъ обѣщася съ воинствы своими пойти съ ними на ополченіе противу Троянъ. Геркулесъ же

отшедъ

отшедъ оттуду, пріиде ко Царемъ братіямъ единороднымъ, Кастору и по Поллуксу, моля ихъ такожде о воинствѣ на Троянъ. Они же радостнѣ съ воинствы своими обѣщашася пойти съ ними. Геркулесъ же отыде оттуду, и ко Князю Нестору пріиде, бѣ же Князь Несторъ Геркулесу сердечною дружбою и сладкою любовію союзенъ; Геркулесъ же моляше его о помощи воинства на Троянъ. Несторъ же вельми радостно обѣщася самъ съ воинствы своими пойти съ ними на Троянъ. И егда Геркулесъ отвсюду собра себѣ помощь ратную, радостенъ возвратися во царство Ѳессалійское. Обрѣте бо Царя Пелея готова суща на ополченіе со всѣмъ воинствомъ своимъ, и сказуетъ ему Геркулесъ, яко обѣщашася, рече, благородный Царю, помогати державѣ вашей Царіе сами и съ воинствы своими, и о семъ Пелей и

Язонъ

Ясонъ вельми возвеселишася. Не по мнозѣхъ же днехъ пріидоша Царіе и Князи Гречестіи съ полки своими во царство Ѳессалійское, и вси вкупѣ соединишася, и бысть радость и веселіе велико о соединеніи согласія единодушнаго. Во единъ же день повелѣша Царіе и Князи Гречестіи изыти всему воинству ихъ на поля Ѳессалійскія, воеводскаго ради избранія; и изыдоша повелѣніемъ ихъ вся воинства, и вельми чудно и удивительно зрѣніе ополченія Греческаго; многочисленно бо вельми воинство ихъ бяше, и все урядно; доспѣхи бо ихъ бяху щиты возлащенныи и шлемы злат окованныи; оружія такожде позлащенныя, и яко вода изчищены блещахуся; паволоцы же верьху доспѣховъ ихъ различныя цвѣты имущія зѣло многоцѣнныя, такожде и кони ихъ сильни и украшени и быстри бяху. Воини же сами многою храбростію

и смѣльствомъ цвѣтаху, и яко различніи златовидніи цвѣти блистахуся; вси бо они яростно и устремленно ско ко ополченію имуще, стояху кождо ихъ во урядѣхъ своихъ благостройно и чинно и удивительно. Сами же Царіе и Князи и чиноначальницы многою храбростію и смѣльствомъ зѣло сіяюще бяху, и во управленіи воинственнаго ополченія свѣтліи правители, и здраваго совѣта мудростію великою наполненніи бяху, и всѣми внѣшними имствы надъ всѣми цвѣтяху паче прочихъ. Тогда бо вси Царіе и Князи и начальницы общимъ совѣтомъ избраша себѣ воеводу Царя Пелея, мужа многою мудростію и разумомъ здраваго совѣта въ разсужденіи цвѣтуща, и даша ему всего ополченія власть. И тако Царіе и Князи и начальницы поздравляху Царя Пелея. потомъ же и все воинство поклонишася ему, хвалу благоро-

благородїю его вси вкупѣ воздаяху, и тако вси разыдошася. Во утрїй же день Царь Пелей повелѣ всему воинству на корабли восходити; вѣтру же абїе возвѣявшу имъ поспѣшну, тогда же и сами Царїе и Князи на корабли своя возшедше, и вѣтрила распростерше исходятъ изъ пристанища, и пути своего касаются, и не по мнозѣхъ днехъ благостройными вѣтры къ предѣломъ царства Троянскаго достигоша, и въ темноту нощную въ пристанище Троянское внидоша, и въ тихомъ вѣло молчанїи исходятъ на землю и шатры своя поставляютъ, Трояномъ отнюдъ ни что же вѣдущимъ. Тогда Царїе и Князи и начальницы въ шатеръ Царя Пелея снидошася, и многїе совѣты о градоимствѣ испыташа. Геркулесъ же предъ Цари и Князи сицевая словеса изрече: о благороднїи и свѣтлїи Царїе и Князи и началь-

начальницы! аще благоволитъ благородїе ваше послушати словесъ моихъ сихъ, донелѣже о пришествїи нашемъ не вѣдомо врагомъ нашимъ промышленнѣ надъ ними и премудрѣ потщимся сотворити въ сїю нощь, да не толикая тщета и пагуба войску нашему будетъ. Полезно бо быти мню, да раздѣлится войско наше на двѣ части равно, и отъ единыя половины войска нашего да учинятся три великїе полкѝ. Первому полкỳ да предначальствуетъ Князь Несторъ, второму Царь Касторъ, а третїему Царь Поллуксъ, надъ ними же всѣми управленїе да иматъ Царь Пелей, истинный начальникъ и воевода избранный всего Греческаго ополченїя, и въ семъ мѣстѣ брега да пребываютъ. Отъ другїя же половины войска нашего такожъ да учинятся три великїе полкѝ, и первому полкỳ да предначальствуетъ Царь Теламонъ

монъ, другому же Язонъ, третіему же азъ со своими товарыщи, и да идемъ тайно ко граду въ сады, прилежащія тамо, и ту да сокрыемся, ожидающе дневнаго свѣта, донелѣже о пришествіи нашемъ Царю Лаомедонту скажется, онъ же абіе со всякимъ тщаніемъ уклонитъ мысль свою безъ всякаго бреженія на брегъ моря ратоватися съ вами, не вѣдый насъ близъ стѣнъ града его сущихъ. И егда изыдетъ онъ на ополченіе къ вамъ; тогда да предложатся ему отъ войска вашего три великія преграды, крѣпцѣ борющеся съ нимъ въ семъ мѣстѣ берега; мы же въ то время во градъ его внидемъ, и пріимемъ его, и паки изшедше позади его будемъ ратующе, и сице легко отъ насъ казнимъ будетъ, и избыти не можетъ смерти, но да убіется ту. И егда Геркулесъ словеса своя скончя; тогда вси Царіе и Князи началь-

начальницы совѣтъ его обще похвалиша, и вскорѣ сему быти повелѣша. Тогда Греки въ молчаніи тоя же нощи оружія своя пріемлютъ, и всѣдше на кони своя, вельми тихо ко граду пріидоша, и коварственно зѣло въ сады оныи вшедше, зѣло тихо себе полагаютъ, ждуще дневнаго свѣта.

О брани гречестѣй и троянстѣй, и о убіеніи царя Лаомедонта, и о расхищеніи Трои.

Прошедшей убо нощи, востающу же утру, о пришествіи Грековъ Лаомендонту Царю уши его многимъ сказаніемъ наполняются. Царь же абіе вся своя воины понуждаетъ оружія взяти, и иныхъ гражданъ своихъ, кои во юношескомъ цвѣтѣ бранными оружіи битися не устрашаются. Уго-

щовавъ же Царь полки вооруженные, абіе исходитъ на брегъ мóря, невѣдый поистиннѣ непріятелей своихъ близъ стѣнъ града его лукавнѣ крыющихся, и чесо ради скоритъ противу видимыхъ враговъ своихъ на ополченіе. Греки же сущіи не брезѣ мóря, видяще войско Троянское, со многою скоростію на нихъ грядущее, на кони своя всѣдше противу ихъ готовятся смѣло. И сего ради Князь Несторъ первый со своимъ полкомъ на брань приходитъ спѣшно, ничимъ же ужасшися, и брань между Грековъ и Троянъ воистинну жестока и остра спустися: отъ копейныхъ бо сокрушеній гремѣніе бываетъ веліе, щиты разбиваются, и шлемы низпадаютъ, звучитъ на воздухѣ трескъ сабельный, и отъ частаго сраженія брящаніе. Падаютъ воини ови ранени, ови убиты, убійство творится веліе, червленѣется земля,

окро-

окроплена сущи кровію. Но одолѣ Троянское множество, зане единъ Князь Несторъ съ единымъ полкомъ своимъ невгодіе бранное терпяше. И се найде Царь Несторъ; онъ бо бяше мужъ храбрый, скоро со множествомъ вой притече, и многихъ Троянъ уби, овыхъ же ранитъ, овыхъ съ коней низлагаетъ, такожде и воинство его крѣпцѣ борющеся, Троянъ вельми стѣсняютъ; тѣмъ же Трояне падаютъ, терпѣти свѣжаго стремленія не могуще, падаютъ лютѣ умирающе. Тогда паки отъ десныя страны полкъ Троянскій зѣло крѣпокъ приближися, и на Грековъ устны меча нападаютъ, и толь лютѣ начаша ихъ сѣщи, да яко въ краткое время мѣсто великое поля мертвецы Греческими постлаша. Вопль же велій воста о смерти убиваемыхъ; Грецы бо на брани сильнѣ оскудѣваху, и изнемогаху падающе. Тогда Царь

Полуксъ отъ лѣвыя страны Греческаго ополченія зряше сомнѣніе брани, и толико убійство Греческое видѣвъ, разъярися со своимъ полкомъ, и мужески нападе на Троянъ, и многихъ уби отъ нихъ, и раненыхъ низложи. Тогда же Греки въ пришествіе его паки мужество воспріемше противу Троянъ, и ставше крѣпцѣ мужески и неужасно сѣчахуся съ ними; вопль же велій и убійство зѣльми умножашеся, падаютъ бо отъ обоихъ странъ трупія мертвыхъ, и кровь ихъ разливашеся по всему пространству поля.

И се приступи на брань лѣвое крыло ополченія Троянскаго; тогда же и самъ Царь Лаомендонтъ съ великимъ полкомъ нападе жестоко на Греки, лютѣ поражая ихъ мечемъ своимъ, овыхъ убивая, овыхъ же жестоко уязвляя, овыхъ съ коней низглагая,

тѣмъ

тѣмъ же Греки падаютъ, терпѣти Царева устремленія не могуще. Тогда паки отъ страны Греческія самъ Царь Пелей съ полкомъ своимъ изыде на брань, и преновленнѣй бывши брани, Греки паки поле пріобрѣтаютъ. Царь же Лаомедонтъ, яко левъ рыкая, многихъ Грековъ немилостивнѣ убиваетъ мечемъ своимъ, и пламенемъ ярости дыша, о защищеніи своихъ весь разношашеся. Егда же Греки вси отъ него побѣгоша, тогда Князь Несторъ не могій терпѣти толикихъ убійствъ, творимыхъ отъ Царя Лаомедонта, пріемъ копіе, и печалію великою стѣснився, нападе на Царя, и съ коня сверже его. Но нѣкій Троянинъ, именемъ Седаръ, видѣвъ Царя своего пѣша, и сего ради яко вѣрный рабъ о своемъ господинѣ устыдѣся, направивъ копіе свое, Князя Нестора порази, и на землю предъ ноги Царя своего поверже. Царь же Лаомедонтъ ви-

дѣвъ Князя Нестора предъ собою поверженна, мечемъ голымъ крѣпцѣ боря его, и во многихъ мѣстѣхъ порази его, отъ ранъ же оныхъ множество крови течаше, и безъ сомнѣнія убитъ бы былъ. Несторъ Лаомедонтовою десницею, аще не бы помощи отъ своихъ себѣ получилъ, иже отъ землй подъемше его, въ шатеръ отнесоша.

Царь же помощію своихъ на конь свой паки взыде, и повелѣ въ трубу трубити, и по трубному оному гласу седмь тысящь къ нему воиновъ приступиша, и нападоша съ Царемъ своимъ толь лютѣ на Греки, да яко всѣхъ ихъ въ бѣгство понудиша, и на конецъ брега догнаша. И поистиннѣ вси бы ту Греки были злѣ убіени, но внезапу нѣкій Троянинъ воинъ, именемъ Дотесъ, бѣднѣ уязвленъ прибѣже отъ Трои, сказуя Царю града его разрушеніе. Царь же

Лаоме-

Лаомедонтъ егда услыша сія, горько испусти воздыханіе, и тою же трубою повелѣ созвати языкъ свой, и пойде ко граду своему. Приходящу же ему близъ града, видѣвъ велію часть враговъ своихъ изъ града изшедшихъ, и противу его со оруженіемъ грядущихъ, и паки обозрѣся вспять, и видѣ тѣхъ враговъ, ихъже на брѣзѣ побѣди, созади его во оружіи грядущихъ, всхлипавъ горько, и что множае, спущается убо и разжизается ополченіе неравно, зане Греки Троянъ вельми множествомъ превосходятъ, падаютъ убо трупы Троянскіе сѣмо и овамо, и кровь ихъ яко вода ліяшеся; ниже закоснѣвъ оный бранный и сильный и толь храбрый Геркулесъ пріиде, иже на конѣ крѣпцѣ сѣдя, смертоносными убо язвами стѣсняя Троянъ, его же Трояне крѣпости и смѣлства понести не могуще падаютъ, и путь ему чрезъ

полки невольно отворяютъ. На Царя убо Лаомедонта сей сильный нападе яростно, и главу его люте отсѣче, и посреди своихъ неистовствѣннѣ поверже, еже видѣвше Трояне плачутся, лишенни суще Царя своего правленія. Греки же пребывающе во своемъ свирѣпствѣ, всѣхъ Троянъ бывшихъ на брани мечемъ посѣкоша, ни единаго же жива оставиша, и поле Троянское трупіемъ мертвыхъ Троянъ покрыша. Сами же во градъ вшедше, сокровища градская испытуютъ, и богатства гражданская похищеніемъ грабятъ, и относятъ ко своимъ кораблемъ. На палату же Лаомедонта Царя нападше, обрѣтоша тамо Ексіону дѣвицу, отроковицу сущу, Царскую дщерь Лаомедонта Царя, юже вземше предаша Теламону Царю во мзду труда его, сего ради, яко той Царь Теламонъ во градъ Трою первый побѣдитель оружіемъ

жїемъ вниде. Прочихъ же благородныхъ и благообразныхъ женъ и дѣвицъ поемлюще, въ корабли своя отвождаху, и чрезъ весь мѣсяцъ Греки въ грабленіи Троянскомъ упражняхуся. И егда вся ужè сокровища Царская же и гражданская испраздниша; тогда и самую ону Трою великую, царствующій и преславный той градъ, раскопати умыслиша, еже и сотвориша, низложиша стѣны его, и врата и стрѣльницы и палаты царскія и гражданскія разметаша, прочая же вся зданія древянная огнемъ попалиша, корабли же своя Троянскими богатствы наполнивше, во своя царствія отыдоша.

Разрушену же и раскопану граду Троѣ до основанія, Царю его Ламедонту неправеднѣ убіену бывшу, толико благороднымъ убіеннымъ, толико мужемъ храбрымъ

на брани умерщвленнымъ, толико благороднымъ женамъ и благообразнымъ дѣвицамъ въ плѣнъ и въ работу отведеннымъ, честнороднѣй Ексіонѣ, того Царя дщери, плѣннымъ чиномъ Теламону женою учиненнѣй, мужи мудріи любезнѣ разумѣйте, какови въ мирѣ семъ слѣпыхъ дѣлъ случаи отъ худыхъ и отъ легкихъ обидъ учатъ воздержатися; имѣютъ бо въ себѣ малыя обиды по подобію дѣйства великаго огня, его же малая искра прочими питаніи вскормлена сущи въ пеплѣ, скоро высокія изрыгаемыя пламени возводитъ, да научатся Царие и Князи чужихъ невредити, приходящихъ же въ ихъ царствія не отъ злохотнаго умышленія, да царствѣ ихъ испытуютъ тайная. Каково бо бѣ Ламедонту Царю, яко на голомъ брезѣ своемъ Грекомъ пристанія не даде. Видите такогаго славнаго

Царя

Царя толь безчестный конецъ, и сего ради да внемлютъ настоящей исторіи чтецы, толь худою и малою виною толь великихъ и толь сильныхъ произыде пагуба, яже и донынѣ плачевнѣ удручаетъ человѣческіе слухи.

О ЦАРѢ ПРІЯМѢ, И О ЦАРИЦѢ ЕККУБѢ, И О ИМЕНАХЪ СЫНОВЪ ЕГО.

Умершу же Царю Лаомедонту, остася у него сынъ, именемъ Прямъ. Сей же во время паденія отца не бѣ въ Трои: зане градъ нѣкій противенъ себѣ имяше, и подъ градомъ онымъ съ воинствомъ стояше, и о взятіи града того прилѣжнымъ промысломъ упражняшеся, и въ томъ обступленіи надеждою побѣды косняшеся съ женою своею и съ дѣтьми. Пріиде же къ нему сей грозный слухъ, яко отецъ его Царь

Лаомедонтъ убїенъ бысть, градъ его Троя отъ врагъ взятъ; сестра его Ексїона въ плѣнъ отведена; воини же его и граждане мечемъ посѣчены; благородныя жёны и отроковицы восхищены, и въ чужее отечество отведены; царская сокровища и гражданская вся расхищена суть. И егда вся сїя услыша Царь Прїямъ, изнеможе духомъ, и расторжеся во многїя слезы и рыданїя. И вскорѣ скончеваетъ брань граднаго обступленїя, и спѣшными стопами скоритъ ко Трои, юже егда видѣ разорену сущу и раскопану, и въ полѣ запустѣнїя положенну, наипаче нача плакатися и рыдати, и по многїи дни упражнятися въ рыданїи и слезахъ. Сей убо Царь Прїямъ имѣ у себе нѣкую благородную жену, именемъ Еккубу, отъ нея же зачатъ роди пять сыновъ, и дщери три, отъ нихъ же перьвородный нарицашеся Гекторъ,

торъ, безмѣрныя храбрости воинъ, силою многою бранноносецъ, его же дѣйства въ долгой памяти пребываютъ, не безъ вины воспоминаема во вѣки. Вторый же сынъ его нарицашеся Парисъ, иже инако именуемъ бѣ Александръ, ученъ бѣ весьма въ мастерствѣ лучномъ и стрѣлахъ. Третій же сынъ его нарицашеся Деифобъ, мужъ храбръ, и въ совѣтныхъ разсужденіяхъ свѣтелъ. Четвертый же зрашеся Еленъ, мужъ разума многа, зане зѣло бѣ наученъ свободныхъ хитростей наказанію. Пятый звашеся Троилъ, юноша многосиленъ на брани, или бѣ инъ Гекторъ, или вторый отъ него и во всемъ войскѣ Троянскомъ ни единъ бѣ юноша толикими силами славенъ. Во дщерехъ его первая бяше Елеуза: сія сказуется Енеева быти супруга. Вторая же бяше Касандра: сія убо сіяше красотою дѣви-

дѣвическою, но паче цвѣтяше свободныхъ хитростей наказаньми, предразумѣвати будущая добрѣ свѣдущи. Третія же послѣдняя Поликсена бяше отроковица чюдныя красоты и благообразія безмѣрнаго, о ея же лицѣ и красотѣ и о нравѣхъ ея чудная написа Дарій. Той же паки Царь Пріямъ имѣ у себе тридесять сыновъ естественныхъ, отъ различныхъ женъ ему рожденныхъ, и сильныхъ конныхъ бранниковъ, имъ же имена суть сія: Динадаронъ, Андроній, Ексдронъ, Какикабулъ, Емарганонъ, Сизій, Маргаритонъ, Амѳимакъ и прочія, ихъ же сильная мужества и доблести настоящая исторія послѣди изъявитъ.

О СОЗДАНІИ ТРОИ.

ПО многи же дни Царь Пріямъ въ рыданіи и слезахъ пребываше, сѣтуя день и нощь, и никако же покоя себѣ дати могій. По семъ же егда дождю плачевному слезъ его изчищену бывшу, и отъ печалей своихъ мало отдохнувъ, во благодушіе облечеся. Угодно бысть ему паки Трою раскопанную соорудити, и во своемъ достоинствѣ поставити; и повелѣ отвсюду собрати себѣ мастеры многія, и пріидоша къ нему отъ всѣхъ странъ здатели зѣло хитры, и златоліятели и архитектоны, и мѣди ковачи, и прочіи мужи художніи и разумніи. И паки повелѣ Царь Пріямъ взяти отъ Царей подлежащихъ Троянскому скипетру сокровища ихъ, и вложити ихъ во своя сокровища. Повелѣ же паки со всего царствія своего собрати дани сугубыя, и

вложи-

вложити я во своя же сокровища, и тако бысть богатъ зѣло. И повелѣ раскопанныя мѣста очищати и равняти. И егда сія совершиша, повелѣ съ прилѣжаніемъ утверждати основаніе, идѣже стѣнамъ градскимъ быти. И сему бывшу, повелѣ заложити стѣны градныя окрестъ, и возводити вся вкупѣ по изравненію, такожде и стрѣльницы и врата вкупѣ же повелѣ дѣлати. И тако по повелѣнію его начаша вся вкупѣ творити зѣло хитрѣ, и успѣваше дѣло въ рукахъ ихъ, и зиждяху лѣта нѣкая, ихъ же настоящая исторія не изъявляетъ; но токмо поставиша градъ онъ зѣло чуденъ и великъ. Величество же града бяше три дни долгота его, такожде и широты равныя; высота же стѣнамъ града онаго двѣсти локтей бяше; врата же его и стрѣльницы зѣло хитрѣ устроены бяху,

и различ-

и различнымъ мрамором украшены, и мусїею подписаны; высота же ихъ триста локтей бяше, и мѣдїю покровенны; входъ же града того шестїю враты устроенъ бяше; около же града того рвы ископаны бяху глубоки зѣло, и каменною стѣною извнутрь ограждены; чрезъ ровъ же той противу вратъ онѣхъ мосты каменны устроены бяху; по конецъ же мостовъ онѣхъ башни поставлены бяху зѣло чудны, мраморомъ различнымъ украшены, и мусїею подписаны и мѣдїю позлащенною покрыты, яко да другомъ любезны подаваху входы, врагомъ же жестоки возбраняху приступы; посреди же града того рѣка нѣкая, Стапкусъ именемъ или Скомандра течаше, яже градъ онъ на двѣ части равны раздѣляше. Среди же града того на единѣй странѣ рѣкй оныя Царь Прїамъ чудный свой царскїй домъ повелѣ поста-

поставити, и палату ону чудную, нарицаемую Иліонъ, ей же высота пять сотъ лактей, бяше зѣло хитрѣ устроена чудною рѣзбою, и златомъ, и мусіею и мраморомъ различнымъ украшена, и златомъ чистымъ подписана и покровенна, и отвсюду красотою блистаяся процвѣташе, и всѣхъ человѣкъ на зрѣніе красоты своея понуждаше, и вельми удивляше. Внутрь же стѣны палаты оныя златомъ же и сребромъ и мусіею зѣло хитрѣ украшены бяху. Такожде двери и окна палаты оныя чудны, прединною и позлащенною рѣзбою украшены бяху чуднѣ. Верьху же палаты небеснаго бѣгу теченіе прекраснѣ зѣло изображено бяше; такова бо бѣ оная палата, яко ни у коего же прежде его бывшихъ Царей по всей вселеннѣй обрѣтеся, о ней же чудная написа Фригій Дарій. Такожде и иныя многія чудныя палаты

латы на дворѣ царстѣмъ устроены бяху, и мусїею и мраморомъ различнымъ украшены, и рѣзбою различныхъ подобїй звѣрей же и птицъ, и златомъ подписаны и покровенны. Пространство же двора онаго зѣло велико бяше; стѣны же его такожде различными мраморы и мусїею украшены бяху чуднѣ; врата же златомъ и сребромъ и мусїею, и чуднымъ образомъ рѣзбою устроены зѣло предивнѣ. Среди же двора онаго древо нѣкое рукотворимыя хитрости чуднѣ устроено бяше; самое бо оное древо даже и до верьха его отъ злата чиста учинено бяше; розги же его бяху сребряны; листвїежъ такожде отъ злата чиста и зѣло тонка сотворены бѣша зѣло хитрѣ; плодъ же дрéва того отъ каменїя драгаго и бисера учиненъ бѣ; высота же того дрéва локтей бяше пятьнадесять; на розгахъ же дрéва онаго птицы

птицы нѣкія различными подобіи устроены бѣша отъ злата чиста, и кояждо отъ нихъ свою пѣснь хитрыми нѣкіими устроеньми, яко отъ жива языка гласа пѣніемъ испущаху, всѣхъ удивляюще; внутрь же града того Княжеския и Вельможескія домы и палаты окрестъ царскаго двора поставлены бѣша безчисленніи; улицы же по всему граду равны размѣрены быша, въ нихъ же воинскихъ и купецкихъ человѣкъ, и различныхъ художествъ рукодѣльниковъ безчисленныхъ множество, живяху по разнымъ художества своего улицамъ, ово иконописцы, ово златоліятели, ово среброкузнецы, ово мѣдиковачи, ово бронники, ово седѣльники, ово столяры, ово шевцы, ово усмари, ово тектони, ово землемѣрители и прочіи. Отъ всѣхъ бо странъ Царь Пріямъ повелѣ собрати жители оны, и насели Трою

великій

великій онъ царствующій свой градъ, и бысть многолюденъ градъ и богатъ: много же бяше ту и премудрыхъ людей, и воинственныхъ бранноносцевъ чудныхъ, и ту первѣе обрѣтошася шахматныя потѣхи; ту и игры вскорѣ разгнѣвимыя тавлейныя, и скорыя шкоды и прибытки напрасныя зерни; ту трагедія и комедія изобрѣтены быти сказуются, и прочія веселыя музыкальныя игранія. Никогда бо чтется, ни въ коемъ царствіи таковъ инъ преславенъ градъ толикаго величества, толикія красоты, каковъ бѣ чудный градъ Троя великая, юже Царь Пріамъ во обитаніе себѣ созда.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ЦАРЯ ПРІЯМА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦАРЕМЪ, О ОТДАНІИ СЕСТРЫ ЕГО.

Егда же Царь Пріямъ градъ Трою предъумыслимымъ концемъ соверши, вняшнымъ сердцемъ разгорѣвся, всѣхъ своихъ гражданъ призвати къ себѣ повелѣ. Сшедшимъ же ся имъ на нѣкоей площади, яже посреди града, на оной поставлени быша. Царь Пріямъ сія словеса изрече къ нимъ: о любезнѣи мои граждане! вы вѣстѣ, коль немилостивною и лютою безчеловѣчною яростію подвигшеся Грекове, нападоша на отечество наше туне, и безъ всякія вины убиша отца моего, славнаго и благороднаго Царя Лаомедонта, опровергоша градъ его, погубиша благородныхъ его, умертвиша оружіемъ воиновъ его, изсѣкоша мечи прочихъ гражданъ его, восхитиша царская сокровища его, разгра-

развграбиша градская вся имѣнія, и поимаша въ плѣнъ благородныя и прекрасныя жёны ваши и дѣти; наипаче же всѣхъ горши есть, яко восхитиша благородную Ексіону, сестру мою отроковицу сущу царскую, и тѣмъ паче посрамиша царство державы нашея. И мнѣ убо моихъ, вамъ же вашихъ въ толикомъ жестокомъ свирѣпствѣ умертвиша родителей, мы же въ то время немощни весьма бѣхомъ сопротивитися врагомъ нашимъ, занеже безъ градовъ и домовъ гладни и малочисленни бѣхомъ. Нынѣ же, вселюбезніи, отъ толикихъ злыхъ нашихъ обстояній всеконечнѣ ужè свободихомся, якоже и сами видите, коликимъ возмогаемъ воинствомъ, коликими храбрыми бранносцы себе ополчаемъ, коликимъ богатствомъ изобилуемъ, и коликими брашенными потребами обогащени пребываемъ, и коль во крѣпцѣ

 поста-

поставлени есмы градѣ. И нынѣ убо есть ли комуждо васъ въ мысли противу толь лютыхъ враговъ нашихъ и немилостивыхъ, смертныхъ вредителей, руцѣ на оружіе обратити, и на разореніе ихъ мужески потщатися? Но зане, вселюбезніи, бранныи случаи всегда подъ сомнѣніемъ бываютъ, и неизвѣстна суть дѣла воюющихся; тѣмже отъ ополченія унятися безопаснѣе видится: праведно бо есть, яко же мню, посольствомъ взыскати немилостивыхъ тѣхъ, да аще благоволятъ ми отдати сестру мою, то воистинну вся иныя шкоды ихъ и обиды сотворенныя ими совершенно отъ насъ да оставятся. И сего убо сотворити не восхотѣхъ безъ вашего повелѣваемаго совѣта, и того ради о семъ вашему даю вѣденію, и что ми о томъ возвѣстите, любезніи мои, да слышу. Они же сія слышавше весело, вельми похвали-

хвалиша совѣтъ Царевъ, и вскорѣ сему быти повелѣша. Тогда Царь Прїямъ избра въ посольство Антенора Князя, мужа храбра и разумомъ мудрости вельми сїяюща, и разсужденїемъ здраваго совѣта зѣло цвѣтуща, и тѣломъ добрѣ стройна, и повелѣ ему, да ко Греческимъ Царемъ въ посольство себе управитъ. Антенорь же повелѣнїемъ Царевымъ абїе на путь препоясуется, и вскорѣ на корабль восходитъ, и вѣтрила распростерти повелѣвъ, пути своего емлется. И первѣе ко Царю Пелею приходитъ, сказуя себе посла быти отъ Царя Прїяма, посольство же свое повѣдуетъ сими словесы: Царь Прїямъ, Троянскаго царства господь, благородїе твое любезнѣ молитъ и воспоминаетъ ти; понеже во оно мимошедшее время туне нападосте на отечество его, благороднаго отца его Царя Лаомедонта

убисте, градъ его славный до конца раззористе, благородныхъ его вельможъ и свѣтлыхъ воиновъ оружіемъ умертвисте, гражданъ его немилостивно мечи изсѣкосте, благородныхъ женъ и дѣвицъ въ плѣнъ отведосте, сокровища же его царская и градская грабленіемъ восхитисте, и вся лютая царству его показасте, наипаче же сестру его царскую, благородную Ексіону царевну восхитисте, и во своя царствія отведосте, и нынѣ срамотнѣ зѣло творитъ надъ нею держатель ея; тебе убо, зане ты многаго разсужденія Царь еси, онъ Царь Пріямъ молитъ и любезнѣ благородствіе твое проситъ, да въ толицѣхъ злыхъ нанесенныхъ ему отъ вашихъ царствій обидъ, могло бы ся сотворити сіе малое добро благородіемъ твоимъ, еже бы возвратити сестру его во отечество

ея

ея; вся же иныя шкоды и обиды ваша оставляются отъ него. Ей великій Царю, да не обленишися самъ сотворити по словесемъ его, и иныхъ благородныхъ Царей на сіе изволеніе привести.

И тако Антеноръ рѣчи своя сконча. Царь же Пелей егда сія услыша, весь гнѣвомъ разжеся, и рече Антенору: почто ты, друже, сихъ ради реченій твоихъ дерзнулъ еси наступити предѣлы наша? къ тому же еще и неправду написуеши намъ, укаряя насъ; мы бо Царя твоего ничимъ же обидѣхомъ, но зане Царь Лаомедонтъ, родитель его, вину представи зла своего, тѣмже и умре самъ по изволенію своему, никому же его на сіе понуждающу, еже безчестіе наносити славнымъ. Да аще Царь твой сицевыхъ ради продерзостей умре, что ты

о себѣ быти мниши, укаряя насъ въ палатѣ нашей, и обидою понося насъ, ею же сепротивихомся Царю Лаомедонту? почто же нашихъ славныхъ и благородныхъ обиду забылъ еси, и ни во что же вмѣняя полагаеши? глаголю же ти, яко аще не бы дѣло посольства защищало тя, безъ сомнѣнія повелѣлъ быхъ казнити тя, тѣмже отыди отсюду скоро, да не умреши смертію безлѣпотною. Антеноръ же абіе отыде отъ Царя, и на корабль свой возшедъ, скоро отходитъ отъ царствія его, и ко Царю Теламону приходитъ, къ нему же съ корабля сшедъ приступи, и посольство свое повѣдуетъ сими словесы: Царь Пріямъ, Троянскаго царства господь, благородствіе твое любезнѣ проситъ, да сестру его, юже въ палатѣ вашей въ неподобномъ держиши супружествѣ, отдалъ бы еси ея Царю, зане много есть къ вашей

чести, царскую сестру въ неподобномъ имѣти супружествѣ; ибо отъ равнаго есть благородія, или и вящшаго быти можаше, зане могла бы отдатися обычаемъ царскимъ, яко же лѣпо есть благороднымъ браки творити: нынѣ же укорнымъ прелюбодѣйствомъ благородіе ея мучится. И сего ради да благоволитъ держава твоя возвратити оную въ отечество ея, да здраваго совѣта любовію отъ Царя Пріяма насладишися. И тако Антенорь речи своя скончa. Къ словесемъ же Антенорововымъ Царь Теламонъ гнѣвомъ разжеся, и смѣятельнымъ лицемъ рече ему: друже! кто ты нибудь, о легкости бо азъ твоего ума удивленіемъ подвижуся, зане ни онъ мнѣ, ни азъ ему никоею же дружбою союзенъ, и сего ради и слышати ми его моленія нѣсть къ хотѣнію; вѣсть бо Царь твой мене пришедша, которой

сѣ нѣкоими иными Греческими славными ; и яко самъ азъ прежде иныхъ всѣхъ во градъ Трою перьвый побѣдитель оружїемъ внидохъ, тѣмже и не легокъ даръ , яко же мню быти, воспрїяхъ себѣ Ексїону, зане многимъ излїянїемъ крове моея получихъ ю ; во мзду бо труда моего предана мнѣ бысть Ексїона , творити ми о ней мое изволенїе , и немощно мнѣ толь драгую вещь туне отдати , аще не острїемъ меча смертоноснаго. И тебе же самого азъ зѣло мню буя быти , яко сицева дѣла ради дерзнулъ еси прити въ предѣлы царствїя нашего , къ тому же паки и безчестїя укоризну наводя намъ , яко реклъ еси , Ексїону благородїемъ цвѣтущу паче насъ , яже толико лѣтъ въ палатѣ сѣ нами , благородїю царствїя нашего сѣ покоренїемъ повинуется , госпожа тебѣ сущи. Ты же рцы ми , откуду воспрїалъ еси толику смѣльства дер-

дерзость, яко досаждаеши ми со многою укоризною въ лице благородія нашего въ палатѣ моей, чужеземецъ сый и рабъ? и аще небы дѣло посольства твоего соблюдало тя, то поистиннѣ на древѣ повѣсити повелѣлъ быхъ тя; тѣмъ же отыди скоро отсюду: аще ли же мало закосниши, то безъ сомнѣнія имаши въ смертную бѣду впасти. Антеноръ же изыде отъ него, и въ корабль свой вниде, и вскорѣ отходитъ отъ царства его ко Царемъ Касторy и Поллуксу, и съ корабля своего сшедъ приступи къ нимъ; и посольства своего образъ, яко же Царю Пелею, по всему изрече, моля ихъ о отданіи сестры Царевы. Тогда Царь Касторъ со гнѣвомъ отвѣща ему сице: друже! кто ты ни буди, ниже мы вѣримъ, ниже мнимъ, еже бы намъ повредити чимъ Царя Пріяма; но отецъ его, Царь Лаомедонтъ, вину

 пред-

представи зла своего, и сего ради, яко небрегій, безсовѣтно растор-гнеся; нанесе бо обиду благороднымъ, тѣмъ же и умре смертію язвенною, и что есть намъ къ симъ? самъ бо по изволенію своему, яко же сотвори, тако и пострада. Тѣмъ же всуе дерзнулъ еси, неразумія мглою отвсюду объятъ, сихъ ради вещей къ предѣломъ царства сего коснутися. И сего ради, яко же мню, зѣло мало любезенъ себѣ быти животъ твой показуеши, поносья намъ, и досаду плетый Царемъ въ палатѣ ихъ; и аще не бы дѣло посольства твоего защищало тя отъ смерти, безъ сомнѣнія погиблъ бы еси здѣ срамно. И сего ради скоро потщися изыти отсюду; аще ли же ни, то абіе вся лютая на тебѣ случатся. Антеноръ же сія слышавъ, абіе со тщаніемъ на корабль свой взыде, и вскорѣ отшедъ отъ нихъ

нихъ ко Князю Нестору приходитъ, къ нему же съ корабля сшедъ приступи, и посольство свое, яко же Царема Кастору и Поллуксу, по всему изрече. Несторъ же егда сія услыша, весь гнѣвомъ ярости разжегся, и яростнаго ради неистовства своего бысть блѣденъ, и на Антенора грознымъ лицемъ воззрѣ косо, и ему сицевая словеса изрече прещеніемъ устремительнѣ: рабе лукавый! откуду тебѣ произыти возможе толикія дерзости смѣльство, яко сицевыми реченіи дерзнулъ еси опорочити ушеса моя? и аще не бы мя благородіе мое обуздало, языкъ твой отъ челюстей исторгнути повелѣлъ быхъ, и въ безлѣпіе Царя твоего тебе по удомъ коньми влачима по граду расторгнутися учинилъ бы; тѣмъ же бѣжи отсюду скоро, да не погибнеши лютѣ: аще ли же мало укосниши здѣ, то безъ со-

мнѣнія злою смертію умреши. Антенорѣ же сиценыхѣ словесѣ ужаснувшись, скоро отыде отѣ него, дивяся толику суровству и безчеловѣчію Князя Нестора, и на корабль свой взыде, и скоро отыде отѣ него, и по многіи дни плаванія своего отѣ волнѣ морскихѣ лютая озлобленія пострада. Дойде же здравѣ во пристанище Троянское, и первѣе вниде вѣ палату Цареву, идѣже Царь Пріамѣ во множествѣ благородныхѣ сѣдяше.

Антенорѣ же ставѣ предѣ Царемѣ, возвѣщаетѣ подробну случившаяся ему вѣ Греціи, и первѣе сказуетѣ Царю тяжкій отвѣтѣ, бывшій ему отѣ Пелея Царя, такожде претимыя обиды отѣ Теламона Царя ему реченныя, Кастора же и Поллукса Царей поносные отвѣты, жестокія и острыя устрашенія, отѣ Князя Нестора нанесен-

нанесенныя. И егда же услыша сія Царь Пріямъ, зѣло оскорбѣ, и отъ великія своея печали изнеможе духомъ, мало разумѣвая посла своего въ рѣчахъ его, и о пріобрѣтеніи сестры своея бысть отчаянъ.

О СОВѢТѢ УЛОЖЕННОМЪ, ЯКО ДА ПАРИСЪ ВО ГРЕКИ ПОШЛЕТСЯ.

Въ послѣдующій же день Царь Пріямъ всѣмъ снитися повелѣ гражданомъ; и яко снидошася вси, тогда Царь Пріямъ сицевая въ нихъ словеса излія: о любезніи мои и храбріи граждане! вы сами добрѣ вѣсте, коль лютою и ненавистною виною подвигшеся Грекове на отечество наше нападоша, отца моего убиша, гражданъ его оружіемъ умертвиша, благородную сестру мою восхитиша, градъ нашъ опровер-

гоша, благородныхъ женъ и благообразныхъ дѣвицъ вашихъ въ плѣнъ и въ работу отведоша, сокровища же царская и гражданская во своя царства отвезоша, и вся лютая царству нашему показаша; мы же вся сія поистиннѣ тяжкія обиды ихъ съ молчаніемъ и смиреніемъ претерпѣть восхотѣхомъ, нежели трудитися шумѣніемъ ополченія; и сего ради разумнаго Антенора, посла нашего, послахомъ къ нимъ, моляще ихъ токмо о отданіи сестры моея, вся же иныя шкоды ихъ и обиды своя втуне оставляюще, но ни тако успѣти что возмогохомъ: не токмо бо желанія своего отъ сихъ лютыхъ враговъ нашихъ не получихомъ, но нижѐ слышати моленія нашего восхотѣша отъ лютости своея: тако одержими суще, и отъ высокоумія въ гордыню возвысившеся, намъ тяжчайше воспретиша, нижѐ сло-

вомъ

вомъ познатися восхотѣша, яко зло сотвориша. Коликими бо прещеньми посла моего пресбидѣша, и коликими лютыми убійствы ему воспретиша, не восхотѣвше съ нами отнюдь грѣтися примиренія живыми теплотами, но тако лютѣ ненавистію, яко мразомъ отвсюду омерзше, тяжкія вражды внутрь себе питаютъ.

И сего ради, любезніи мои и мужественныи Трояне, глаголю вамъ и воспоминаю, есть ли убо комуждо васъ въ мысли противу враговъ нашихъ толь лютыхъ, и толь немилостивыхъ воспріяти сердца̀ своя мужественна, и смѣльствомъ храбрости отвсюду оградившеся, въ лице врагомъ нашимъ крѣпцѣ со оружїемъ стати, прободающе ребра своя, и мечи разсѣкающеся съ ними на́полы, не щадити храбрыхъ главъ вашихъ,

вашихъ, ниже имѣнію истощанія.

И что ми о семъ, любезныи мои, возвѣстите, да слышу, и пріиму малъ покой духу моему. И егда Царь Пріамъ скончa словеса своя; тогда граждане единодушно вси вкупѣ возопиша, яко единѣми устны, желающе вельми конечнаго отмщенія врагомъ своимъ; обѣщевающися крѣпцѣ противу ихъ во оружіяхъ стати, не щадяще имѣній своихъ и персонъ. Возвеселися же о сихъ Царь, и вельми похваливъ храбрыхъ гражданъ своихъ во свою палату отыде, и повелѣ призвати сыны своя, и пріидоша къ нему вси, и сѣде кождо ихъ на своемъ мѣстѣ по достоинству ихъ. Царь Пріамъ сице рече сыновомъ своимъ: о любезніи мои сынове! вѣсте, яко азъ васъ родихъ, вы же отъ мене родистеся, и кождо

ждо насъ союзомъ симъ вкупѣ вси связаны есмы исоединени; и сего ради должни есмы во всѣхъ полученіяхъ радостныхъ и печальныхъ другъ другу соединятися и сопріобщатися. Нынѣ же, вселюбезніи мои и благородніи сынове, колика бѣда объемлетъ душу мою, и колика печаль поядаетъ сердце мое отъ обдержащія напасти, внезапу на мя пришедшей. Сія много время коснящи въ сердцѣ моемъ, ужѐ сокруши мя, поминая и предъ очи полагая мысленнѣ убійство отца моего, безчестное отвезеніе сестры моея, разрушеніе града моего, погубленіе гражданъ моихъ, плѣненіе женъ и дѣвицъ благородныхъ, расхищеніе сокровищъ моихъ, преобидѣніе посла моего, и вся лютая, яже нанесоша на мя Грекове немилостивіи: и того ради изнемогаю духомъ, и сокрушаюся печалію велико-

кою

кою. Убіеннымъ бо бывшимъ родителемъ нашимъ и гражданомъ, вамъ же, сынове мои, живымъ сущимъ, и въ толицѣй силѣ пребывающимъ, заповѣдую, яко отецъ, и молю коегождо васъ, препояшитеся храбростію силъ вашихъ, и будите въ сыны сильныхъ, воздвигните храбрости вашея силу на сія злая, грозну восприимите мысль, тяжкія сія обиды оружіемъ своимъ мстити. И обращься къ Гектору рече: и ты, любезнѣйшій сыне мой Гекторе, иже во всѣхъ братіяхъ твоихъ первородный, иже лѣтами и храбростію силы предваряеши прочихъ братію твою, симъ моимъ воспоминаніемъ имися, и заповѣдей моихъ изслѣдованіе смѣло восприими; буде убо ты сего дѣла начальникъ и воевода, и братія твоя тебѣ да повинуются, и вси Царіе намъ подвластніи послушати тя имутъ.

И сія

И сія рекъ Царь Пріамъ очи своя наполнивъ слезъ умолче.

ОТВѢТЬ ГЕКТОРОВЪ, ПЕРЬВОРОДНАГО СЫНА ЦАРЕВА

Любимѣйшій господь мой; и отче благордный великій Царю! аще мы о своихъ обидахъ не радимъ и не отмщеваемъ себе, то уже и неблагородни есмы въ человѣцѣхъ естествомъ; ибо и безсловесная животная видимъ нѣкогда себѣ отмщевающа. Возвѣщаю же извѣстно о изволеніи моемъ благородію твоему, яко ни единъ же въ твоихъ сынѣхъ, дражайшій отче, толико желателенъ убійства врагомъ нашимъ, яко же азъ: да яко же есмь перьвый въ нихъ родомъ, сице перьвому подобаетъ ми желати и отмщенія, и того ради въ крови ихъ десница моя окровавлена изгубитъ,

губитъ, иже дѣдовъ моихъ и граж-
данъ проліяша кровь. Но едино
дерзнухъ благородію твоему вос-
помянути, дражайшій отче, да
хотѣніе сего дѣла безсовѣтнѣ не
воспріимется, духъ желанія сво-
его на се взимая; то бо можетъ,
яко же глаголютъ, поистиннѣ
благо нарещися начáло, ему
же конецъ честенъ послѣдуетъ.
А еже видѣти токмо начало бла-
го, и начинати дѣло, конца же
опаснымъ здраваго совѣта разсуж-
деніемъ неиспытовати, не раз-
сужденія, но дерзности есть дѣ-
ло. Множицею бо случается та-
ковымъ неразсмотрителемъ не
постизати конца благаго, но
строптивъ пріемлютъ, и зѣло
въ раскаяніи о не разсмотреніи
своемъ бываютъ, тщету подъ-
емлюще паче, неже прибытокъ прі-
обрѣтающе. Таково нѣчто дабы
и насъ не постигло нерасмотре-
ніе; вѣси бо, дражайшій отче,
Аѳрику

Африку и Европу днесь Грекомъ быти повинну, и коликимъ Греки преизобилуютъ богатствомъ; коликими ополчаются воинствы; коликими храбрыми ополчители возмогаютъ; вѣмъ бо, яко и во Азіи мнози возмогаютъ человѣцы, но не суть во ополчимомъ навыканіи зѣло бранливи, и сего ради коль сомнительно есть, аще оружія противу сильнѣйшихъ насъ неизслѣдимымъ совѣтомъ понесемъ, едва или никако же постигнути можемъ, какъ будетъ конецъ желаемый. Чинъ бо нашъ днесь, иже толикимъ покоемъ цвѣтетъ, толикою славою блистаетъ, почто же хощемъ труды тяжкими смутитися, и отъ веселаго покоя приити ко убійству бѣдно персонъ нашихъ? воистинну Ексіона нѣсть толикою цѣною искуплена, да за ея пріобрѣтеніе, аще случится, умрети толико славнымъ.

Да

Да не возмниши же мя, дражайшій мой отче, яко сія азъ бранным страхомъ или сердца моего малодушствомъ изношу, но сомнѣваюся страхомъ шуихъ и несчастливыхъ случаевъ, и да не твоего царскаго благородія достоинство во властельныхъ паденіяхъ упразднится.

ОТВѢТЪ ПАРИСОВЪ, ВТОРАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Умолча же по сихъ словесѣхъ разумный и храбрый Гекторъ; но Парисъ словеса Гекторовы слышавъ, отъ мѣста своего воста, и сими словесы возглагола: о пресвѣтлый и благороднѣйшій Царю! слыши о концѣ поспѣшномъ, да возвѣщу благородію твоему, и дамъ о семъ совѣсти твоей извѣстно знамя, яко отъ боговъ сія неложно воспріяхъ. Прежде бо малыхъ

лыхъ сихъ дней случися ми изыти на поле во множествѣ ловцовъ, и звѣремъ сѣмо и овамо изысканнымъ бывшимъ, ничесого же возмогъ себѣ любезна уловити. Солнцу ужè обращающуся близъ вечернихъ предѣлъ, и ужè помышляющу ми воградъ возвратитися, внезапу явися мнѣ елень нѣкій на горахъ пустыхъ лѣсовъ оныхъ; текохъ же абіе во слѣдъ его зѣло быстро, мняхъ бо угонити его, и оставихъ всѣхъ товарищей моихъ, устремихся на гнаніе еленя. Егда же притекохъ къ чащамъ лѣса онаго, внезапу елень отъ очей моихъ изчезе. Что же прочее, утрудихся азъ самъ, такожде и конь мой весь мокръ бысть, капли каплямъ прилагая отъ велика пота; снидохъ же азъ съ коня своего, и къ вѣтви нѣкоего дрéва привязахъ, и снемъ съ себе тулъ свой и сайдакъ, его же ношахъ, снидохъ на землю опочити и воз-

и возглавіе отъ нихъ учинихъ, и се сонъ нѣкій крѣпокъ абіе нападе на мя. Спахъ же зѣло крѣпко, и видѣхъ во снѣ томъ вельми дивно виденіе, яко богъ Меркурій явися мнѣ, иже три богини водяше съ собою, Афродиту, Палладу, и Юнону. Нося же и яблоко нѣкое чудно, пріиде ко мнѣ, и рече ми сице: Парисъ! се приведохъ тебѣ три богини сія, имѣющія прю между себе сицеву: ядущимъ бо имъ на нѣкоемъ торжественнемъ брацѣ, яблоко нѣкое чудныя рѣзбы повержено бѣ въ нихъ, на немже написано бѣ, да краснѣйшей отъ нихъ дастся, и кая отъ нихъ краснѣйша есть возвѣсти имъ; твоему бо суду предаются, и каждо тебѣ за мзду суда твоего обѣщаетъ мною воздаяніе неложно. Аще учиниши Юнону госпожу быти яблоку, оно устроитъ тя во всѣхъ вельможахъ земскихъ быти первaго: аще ли же

Палладу

Палладу, то всякую премудрость отъ нея во мзду получиши: аще ли же Афродиту, то краснѣйшую и благороднѣйшую жену отъ Грекъ приведетъ ти. Тогда азъ отвѣщахъ Меркурїю: не могу, рекохъ, о семъ извѣстна и истинна суда дати имъ, аще не вси наги предстанутъ ми. Сложиша убо абїе ризы своя три предреченныя дѣвицы, и тогда изслѣдимися суду быти истинну, яко Афродита тѣхъ другихъ двухъ добротою красоты своея явѣ превзыде, и сего ради учинихъ ону быти госпожу яблока онаго. Она же о полученїи яблока вельми бысть весела, и обѣтъ Меркурїевъ мнѣ вторицею подтверди. Тѣмъ же великїй Царю, аще благоволитъ держава твоя, посли убо мя во Греки; азъ бо не ложно мысль благородїя твоего веселїемъ исполню. И сїя изрекъ Парисъ словесемъ своимъ конецъ сотвори.

ОТВѢТЪ ДЕИѲЕБОВЪ, ТРЕТІЯГО СЫНА ЦАРЕВА.

Скончану же бывшу Парисову отвѣту предреченному, воста Деиѳебъ, третій сынъ Царевъ, отъ мѣста своего и рече: о пресвѣтлый и великій Царю! яко аще бы земледѣлатели спасным совѣтомъ разсуждали, колика на нивахъ восхищаема бываютъ отъ птицъ сѣмена ихъ; то никогда бы браздамъ сѣменъ своихъ подали, и вси бы человѣцы гладомъ скончалися: такожде и корабельницы аще бы крѣпцѣ размышляли, колика озлобленія и страхи отъ морскихъ треволненій подъемлютъ, множицею бо и потопленіе приключается, и престали отъ плаванія; то ужѐ къ тому не вълаемо бы намъ было море, и вся купледѣйствія погибли. Такожде бываетъ и при совѣтныхъ разсужденіяхъ; на бѣды

бо аще кто не дерзаетъ, то и желанія своего не получаетъ. Сице же, великій царю, и настоящее дѣло сіе инако, яко же непщую, исправитися не можетъ, токмо бранію ратнаго ополченія. И сего ради да пошлются убо корабли, воевати Грековъ, зане совѣту Парисову искуснѣ прекословитися не можетъ. Аще случится ему оттуду благороднѣйшую жену привести, то поистиннѣ легко можеши пріобрѣсти благороднѣйшую свою сестру. И посемъ Деиѳебъ умолче.

ОТВѢТЪ ЕЛЕНОВЪ, ЧЕТВЕРТАГО СЫНА ЦАРЕВА

По скончаніи же рѣчей Деиѳебовыхъ, воста Еленъ, четвертый сынъ Царевъ, отъ мѣста своего, и мысль свою изъяви сими словесы: о благородный и пре-

свѣтлый Царю! да не прогнѣваетъся на мя величествїе твое, зане хощу рещи предъ тобою самую истинну, отцу моему сущу ти и благодѣтелю. Понеже убо ты, великїй Царю, истинный и правый Царь именуешися, яко же и есть; то почто къ толицѣй неправдѣ благородїе свое уклоняеши, и почто злому сему начинанїю не возбраниши, но ужѐ и въ дѣло беззаконїе се произвести покушаешися? кая бо есть правда, или коего благородїя дѣло, еже восхищати жéны чужїя, и отводити ихъ во своя отечества, и тѣмъ беславити свою царскую державу? ни, господи мой великїй Царю, да не ниспадетъ къ толику грѣху благородїе твое, еже сотворити по словесемъ Парисовымъ, и утвердити совѣтъ брата моего. Аще бо ты самъ множицею о семъ порицаеши Грековъ сицевая творящихъ; почто же къ

толику

толику же беззаконїю и самъ ниспасти порѣваешися? Ни, господи мой, ни; да не сотвориши тако, яко зѣло срамно есть; къ тому же еще и бѣда велика хощетъ быти царству твоему, аще сотвориши се. Вѣсть бо благородїе твое мене наказанна суща въ вѣденїяхъ будущихъ, яко о хотящихъ быти мало изыде отъ устъ моихъ слово ложно; еже бы не послѣдовала сему самая правда, и збытїе вещемъ. Тѣмъ же и о настоящемъ семъ дѣлѣ благородїю твоему возвѣщу, и дерзновенно реку, и за истинну слово свое укрѣплю, яко аще сынъ твой Парисъ во Грецїю пойти дерзнетъ, и на землю Греческую наступитъ, и оттуду благородную жену похищенїемъ приведетъ во Трою; то безъ сомнѣнїя вѣждь, яко сей славный градъ нашъ Троя великая въ пепелъ превращенъ будетъ отъ Грекъ,

и граждане твои оружїемъ падутъ, и насъ всѣхъ, иже отъ твоея крове изыдохомъ, узритъ твое царское око мечи разсѣкаемыхъ, и по удомъ раздробляемыхъ, послѣди же и самого тя преславнаго Царя узрятъ человѣцы на песцѣ разсѣчена лежаща, и удивятся вельми, и главами покивающе рекутъ: како толикъ и таковъ великїй Царь и сынове его безсовѣтнѣ падоша, и славный его градъ разсыпася, и въ полѣ запустѣнїя положися! И сїя изрече Еленъ премудрый, поистиннѣ бывъ исполненъ царскою мудростїю; самъ же стоскнувся печалїю великою умолче, и яко боля сѣдѣ на своемъ мѣстѣ. Въ сихъ словесехъ Елена премудраго сомняшеся мысль Царева, и исполнися смущенїя велика; и сего ради во всѣхъ предстоящихъ отвсюду бѣ молчанїе тихо, ниже

бо кто смѣлъ едино слово испустити.

ОТВѢТЪ ТРОИЛОВЪ, ПЯТАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Тогда Троилъ, отъ сыновъ Царевыхъ юнѣйшій, видѣвъ, яко вси многаго ради смущенія молчатъ, расторгъ молчаніе сими словесы возглагола: о мужіе благороднія и зѣло смѣліи! почто смущаетеся во многихъ гласомъ единаго малодушнаго книжника? ни ли сущее есть книжнику отметати брани, бѣжати нахожденія, ихъ же едино творитъ малодушство любити пищи, и во единомъ питаніи брашенъ и питія сытостію надыматися? Кто бо отъ человѣкъ совершенно вѣстъ будущая? тѣмже да шествуетъ Еленъ, аще страхомъ поражаетися, во мольбищахъ служити жреческая;

ческая, и да оставитъ прочихъ, иже стыдѣнїемъ срамоты покрытися не могутъ, во оружномъ сраженїи взыскати отмщенїя. И обращься ко Царю тако рече: почто о его рѣчахъ толь суетныхъ, толь худыхъ, Царю славный, смущаешися? повели корабли готовити, и войску бранному на путь препоясатися, яко совѣту Парисову не мощно есть противитися. Аще бо ключится ему оттуду привести благороднѣйшую нѣкую жену; то поистиннѣ благородїе Ексїочино абїе узриши, великїй Царю; благотворнымъ бо премѣненїемъ каяждо отъ нихъ познаетъ свою страну и отечество, мы же къ тому безпечальни будемъ, не терпяще толикїя укоризны отъ враговъ нашихъ. И по сихъ словесехъ Троилъ умолче.

Угодися же совѣтъ Троиловъ всѣмъ предстоящимъ; вси бо

совѣтъ его вельми похвалиша, произволиже на се и самъ Царь.

Тогда нѣкій воинъ отъ предстоящихъ, именемъ Партеусъ, сынъ нѣкоего философа велика, именемъ Евфобрія, приступивъ рече ко Царю: о великій и преславный Царю! вѣмъ бо, яко добрѣ вѣсть благородіе твое мене имуща отца Евфобрія, сто и осмьдесятъ лѣтъ ужè жившаго, и всякія мудрости совершенно навыкшаго, въ знаніи бѣга небеснаго и въ вѣденіи будущихъ зѣло искуснаго: сей многажды ми о сей вещи рече, и за истинну слово свое утверди, яко аще, рече, сынъ вашъ царскій дерзнетъ пойти во Грецію, и оттуду приведетъ во Трою жену благородну; то ужè славный градъ вашъ сей до конца опровержень будетъ отъ Грекъ, и къ тому не возградится въ вѣчное время, и

жители его ови оружіемъ умрутъ, ови же въ плѣнъ и въ работу отведены будутъ, и къ тому не возвратятся, и тако измрутъ. И сія дерзнухъ державѣ твоей возвѣстити, великій Царю, яко да сія слышавъ благолѣпнѣ о семъ разсудиши, яко нѣсть добро словеса мудрыхъ мужей презирати, отъ великаго ихъ разумѣнія и отъ многаго искусства премудрости глаголанныя, и сія рекъ умолче. Къ словесемъ же Партеусовымъ, сице изрекшаго, ропотъ велій воста въ палатѣ Царевѣ отъ предстоящихъ, его бо и отца прореченія отвергающе, и совѣту его волити не хотяще. Тогда Царь Пріямъ повелѣ абіе сыновомъ своимъ Парису и Деиѳебу, такожде и Княземъ, Енею и Полидаму, да во Грецію съ ополченіемъ въ путь препояшутся. Повелѣ же имъ и корабли уготовляти, и воинству вооружатися. И сему повелѣ-

повелѣнію бывшу, абіе вси разыдошася отъ палаты Царевы зѣло радостны и веселы, яко Парисъ во Греки съ воинствомъ имать отыти.

Егда же увѣда о семъ Кассандра, дщи Царева, зѣло расторжеся во многія слёзы, и въ горести души своея пріиде въ палату Цареву, дождевными каплями слезъ своихъ окроплена сущи, и рече ко Царю: почто повелѣлъ еси, великій Царю, основанія Троянская разрушати Парису, брату моему, иже толикимъ временемъ и труды и иждивеньми состроенная тобою свѣтлая зданія въ краткое время разсыплетъ пошествіемъ своимъ симъ? вѣчно бо раззорится Троя, и твое благородіе царское прейдетъ, и сынове твои оружіемъ падутъ, и благородніи твои и свѣтліи воини на бранѣхъ умертвятся,

и граждане твои мечи изсѣчени будутъ, прочіи же въ плѣнъ и въ работу отведутся, благородныя же жены и дѣвицы срамное насиліе потерпятъ, имѣнія же твоя царская и гражданская вся разхитятся, и прежде даже не совершитися сицевымъ злымъ, благоволи удержати Париса, да не идетъ во Грецію, и да не раззоритъ тако града нашего.

И егда Кассандра сія изрече, тогда высокимъ гласомъ вовопи, со многими слезами Царя отца своего прилѣжнѣ моля, да престанетъ отъ начатаго. Царь же повелѣ ея абіе изгнати изъ палаты своея, и заповѣда ей, яко да не входитъ къ нему. И аще бы Трояне совѣтованіе Гекторово, Кассандрино увѣщаніе, совѣты Еленовы наученія Партеусовы любезнѣ восприяли; Троя не плакала бы вѣчныхъ своихъ паденій, яже

и до-

и донынѣ остави по себѣ человѣкомъ толикую плачевную повѣсть.

О ПОШЕСТВІИ ПАРИСОВѢ ВО ГРЕЦІЮ СЪ ВОИНСТВОМЪ СВОИМЪ.

Уготовленнымъ же бывшимъ кораблемъ двадесяти двумъ, и вложеннымъ бывшимъ въ нихъ всякимъ потребамъ довольно, ихъ же вина плаванія прошаше, Парисъ и Деифебъ, такожде Еней и Полидамъ, препоясашася оружіемъ брани своея на ополченіе, и на корабли своя восходятъ. Потомъ же избрачныхъ и храбрыхъ воиновъ Троянскихъ, числомъ три тысящи, на корабли своя извлекше, и вѣтрила распростерше исходятъ изъ пристанища, и пути своего емлются. Пловущимъ же имъ поспѣшнымъ плаваніемъ, внезапу пріиде имъ въ стрѣчу нѣкій корабль, въ немъ же бѣ нѣкій Царь отъ большихъ Греческихъ, именемъ Мене-

Менелай , зане Княземъ Несторомъ въ то время позванъ ко граду Пирѣ [или Пилову] пловяше. Сей же Менелай, братъ Агамемнона Царя, имѣ у себе Елену жену, яже во дни тѣ чудною красотою цвѣтяше , и сестра бяше Кастора и Поллукса Царей. Трояне же видяще корабль онъ отъ нихъ уклоняющійся , сего ради познати ихъ не могоша , ниже паки тѣ ихъ познаша , и тако разыдошася.

Пришедшимъ же имъ по случаю во островъ Ситарію , ту присташа на дни нѣкія. Въ семъ же островѣ Ситарійскомъ капище нѣкое бѣ отъ древнихъ сооружено въ честь Афродиты ;- капище же то исполнено бѣ многимъ безчисленнымъ богатствомъ ; множество бо вельми въ немъ бяше злата и сребра , каменія же драгаго и бисера великаго , и всякія иныя утвари , и камокъ злат-

тыхъ

тыхъ, и прочихъ богатствъ многая вельми множества. Не далече же островъ той отстояше отъ Менелаева царства малымъ разстоянiемъ. Во оное же время въ томъ островѣ чествовашеся Афродитинъ начальный праздникъ, и сего ради отъ окольныхъ странъ праздника ради снедшеся множество мужей и женъ благородныхъ обѣщанiя своя исполняху, дары приносяще Афродитѣ. Егда же о семъ возвѣстиша Парису, тогда лѣпотнѣ урядився Парисъ украшенiи царскими, и во множествѣ благородныхъ вниде въ мольбище молебнымъ лицемъ, и ту богинѣ Афродитѣ дары своя во множествѣ злата и сребра принесе. бяше бо Парисъ многою красотою лѣпъ, всѣхъ своихъ, такожде и чужихъ образомъ красоты своея превосходя, его же увидѣвше вси предстоящiи въ капищѣ ономъ, вельми чуждахуся,

тѣмъ же и прилѣжнѣ зряху нань. Мужїе же и жены вельми дивляхуся царскимъ украшенїямъ, наипаче же чудной красотѣ его, и зѣльнѣ желаху вѣдати о немъ, вопрошающе: кто есть сей чудный юноша? тако бо людїе удивляхуся о немъ, яко вся она праздничная игранїя оставльше, о немъ внимаху; зѣло бо въ нихъ славенъ являшеся, и сего ради не утаися отъ нихъ природа Троянская. Сказуютъ же имъ Трояне Париса быти, сына Царя Прїяма Троянскаго; идетъ же во Грецїю повелѣнїемъ отчимъ, да у Царей Греческихъ испроситъ нѣкую отца своего сестру. Слышавше же людїе сїе, наипаче прославляху благородїе его, и отвсюду прибѣгаху зрѣти его, и вельми стѣсняхуся. Таковъ бо бяше онъ й Парисъ, да яко всѣхъ человѣкъ неволею на зрѣнїе красоты своея понуждаше. Слуху бо о немъ повсюду раздавшуся,

шуся, вскорѣ Еленѣ Царицѣ во уши достиже.

Егда же Еленѣ о красотѣ Парисовѣ слухъ достиже, абiе восхотѣ видѣти его, праздника вину притворивъ, яко обѣщанiя нѣкая хощетъ исполнити. Повелѣваетъ рабомъ своимъ готовити кони и спутники, зане вскорѣ въ Ситорiю хощетъ пойти. Уготовленнымъ же бывшимъ конемъ и колесницамъ, Царица Елена всѣде въ колесницу, и на брегъ моря абiе прiиде, и оттуду на корабль взыде, и скоро въ Ситарiю достиже, и отъ всѣхъ, яко Царица и госпожа того острова, со многою честiю воспрiята бѣ. Егда же паки прiиде въ капище, Парисъ видѣвъ ю зѣло удивися, и скоро прiиде ко своимъ кораблемъ, идѣже всѣхъ больши воинка своего къ себѣ призвати повелѣ. Имъ же сшедшимся, Парисъ сiя словеса

словеса изрече : о свѣтлїи и благороднїи Трояне ! вы вѣсте сами , коея ради вины Царю, отцу моему , насъ угодися во Греки послати ; бѣ бо поистиннѣ всячески мысль его, да нашимъ прилѣжанїемъ благородную Ексїону , сестру свою , прїобрящетъ. Прїобрѣшенїе же ея не зѣло легко намъ быти видится, зане вѣмы ея отъ Царя Теламона держиму сущу , мужа убо бранна , иже намъ ея не безъ тяжкаго браннаго сраженїя отдати поступитъ , нижѐ въ насъ нынѣ толика мочь есть , яко да оному Царю преодолѣти могли бы въ силахъ нашихъ. Нынѣ же сами зримъ , яко въ семъ островѣ , воньже насъ счастливый случай приведе , капище многаго богатства исполнено есть ; множество бо въ немъ велико злата и сребра , и каменїя драгаго и бисера обрѣтается , и матерїй златыхъ ; множество ту мужей же и женъ благо-

благородныхъ праздника ради пришедшихъ, промежъ же сихъ есть ту и Царица Елена, того острова госпожа, Менелая Царя жена, Кастора и Поллукса Царей сестра. И аще лѣпо вамъ видится, въ темноту нощную нападемъ на храмъ сей вооруженною рукою, и отведемъ на корабли наша; наипаче же Царицу Елену и ея спутниковъ аще побѣдительною рукою отведемъ во Трою, такожде и богатство капища его съ собою вземше отнесемъ, честенъ поистиннѣ и радостенъ возвратъ нашъ будетъ во своя си. Легцѣ бо можетъ Царь Пріямъ, отецъ мой, симъ нашимъ тщательнымъ попеченія промысломъ свою царскую пріобрѣсти сестру. Токмо помедлимъ здѣ благодарни, донелѣже пріидетъ время. И егда сія изрече Парисъ, тогда воинство его слышавше, въ разная хотѣнія раздѣляются

лютая, ови брань хотятъ, друзіи же отрицаютъ, послѣди же обще вси на то снидошася, яко да въ темноту нощную нападше на мольбище оно вся поплѣнивъ разграбятъ.

бысть же нощи пришедшей, и звѣздамъ явльшимся, и къ захожденію лунѣ приходящей, Троянѣ въ молчаніи оружія своя пріемлютъ, и тихо отъ кораблей кони своя изъемлютъ, и на землю сходятъ, и всѣдше на кони, нападаютъ на храмъ онъ вражебною мыслію, лютѣ сѣчаху Грековъ, обрѣтающихся ту: благородныхъ женъ и благородныхъ дѣвицъ поемлюще, отвожаху на корабли своя. Самъ же Парисъ Царицу Елену и ея спутниковъ своею рукою взя, и понуди ея Парисъ волею паче, неже неволею. Ведется убо Елена отъ Париса къ кораблемъ его; приведъ

ведъ же ю на корабль свой, остави въ вѣрнѣмъ стреженіи. И егда паки пріиде Парисъ на грабленіе, вопль убо велій воста, въ нощномъ молчаніи, наипаче же отъ тѣхъ, иже смерти хотяху предатися. Внушается же той вопль отъ гласовъ убиваемыхъ въ нѣкоемъ городкѣ, иже на высоцѣ мѣстѣ, надъ капищемъ онымъ утвержденнѣ, въ немъ же живяше нѣкое число ополченныхъ юношъ, иже воинскою службою цвѣтяху. Возбудившеся отъ гласовъ онѣхъ, и ужасшеся востаютъ отъ ложей; и оружія своя пріемлютъ, и отворивше врата исходятъ на ополченіе съ великою скоростію, мняще плѣнныхъ пріобрѣсти персонъ; сраженіе же бываетъ веліе, отъ него же послѣдуетъ убійство велико. Падаютъ убо воини сѣмо и овамо, ови язвени, ови же убиты, но послѣди Трояне силою великою превосхождаху Грекъ,

множе-

множества ради оружникѣ. Бывшу же устремленію на Греки, обращающѣ ихѣ вѣ бѣгѣ и даже до горнаго корени городка предреченнаго мечи гонятѣ, и бываетѣ ту конецѣ брани. Трояне побѣдившѣ радуются, возвращаются вѣ корабли своя, ничего же драгаго вѣ мольбищѣ ономѣ не оставльше, но вся похищеніемѣ пограбиша, и распростерши вѣтрила своя, пути своего коснушася, и благоспѣшнымѣ плаваніемѣ бѣжаще седьмь дній, во осмый день кѣ предѣломѣ Троянскимѣ коснушася, и во островѣ Тенедонскомѣ здрави присташа, за шесть миль отстояще отѣ Трои.

Тогда Парисѣ вѣстника своего абіе кѣ отцу своему Пріяму посла, иже и пришедѣ ко Царю сказуетѣ Париса здрава вѣ Тенедонѣ пришедша со всѣми своими; приведша же сѣ собою и

Царицу

Царицу Елену и иныхъ множество благородныхъ женъ и дѣвицъ. Царь же Пріамъ егда услыша сія, неизреченною радостію возвеселися зѣло, и сказуетъ Княземъ своимъ и вельможамъ, Париса здрава со всѣми въ Тенедонъ пришедша, и приведша съ собою Царицу Елену. Они же сія слышаще, такожде радостни быша вельми. Между же симъ егда Парисъ вѣстника своего посла во Трою, и донелѣже ему вѣсть пріиде отъ Царя, пребываше въ Тенедонѣ. Въ то же время Царица Елена разжалився, нача плакати, поминая славу царствія своего и дщерь свою Ермо їю, юже остави, къ тому же еще зря и иныхъ благородныхъ своихъ женъ и дѣвицъ плачущихся наипаче плакашеся, помышляя, яко мене ради единыя сіи вси отечества своего отпадоша, дѣвицы родителей, жёны же му-

жей

жей и дѣтей своихъ лишишася, и быша плѣнницы въ землѝ чуждей; такожде и сама азъ бывши иногда Царица, а нынѣ таже плѣнница быхъ, яко же и они, и сія вся во умѣ своемъ мысляше, зѣло скорбя и изнемогая духомъ. Парисъ же пріиде къ ней, и видѣвъ ю тако плачущуся, рече ей: почто, Царице, тако плачешися, сокрушающи ми сердце, и непостоянство являющи; лютѣ досаждаеши ми симъ, еже и не лѣпо есть тако Царицамъ творити, благородіе свое осрамляя малодушіемъ и непостоянствомъ? прежде бо сама ты возлюбила еси честь благородія нашего, нынѣ же паки плачемъ любовь свою окончеваеши, яко бы укоризну нѣкую или обиду написуя намъ, ничто же порочно сотворшимъ. По истиннѣ бо глаголю ти, яко въ любимую и законную жену пояти тя умышляю; или паки тя на плачь понуждаетъ

нуждаетъ любовь оставленнаго тобою мужа? но онъ нѣсть ниже во благородствѣ подобенъ, ниже въ храбрости равенъ. Или паки о царствіи своемъ печалишися? и то, госпоже, отнюдь не по размотренію же твориши; отъ малаго бо своего царствія въ великая измѣнишися. Не вѣси ли, яко многія царства Троянскому скипетру повинни? вси же сіи преимѣющею царскою честію почитающи тя имутъ, и дары благородію твоему принесутъ, яко истиннѣй Царицѣ и госпожѣ. Или паки о благородныхъ своихъ женахъ и дѣвахъ скорбиши? по истиннѣ бо въ чести велицѣй по изволенію твоему устроени будутъ: и аще кая отъ нихъ похощетъ мужа, то прекрасныхъ и благородныхъ юношъ жениховъ подамъ имъ. И сего ради, госпоже, глаголю ти, престани отъ сицевыхъ жалобъ, и утѣшися отъ

 толи-

толика неполезна плача : аще ли же ни, то воистинну ничтоже ино оттуду себѣ пріобрящеши, токмо сердцу моему суетное сокрушеніе. Сія же услышавъ Царица Елена, вельми ужасеся, и рече Парису : возвѣщаю благородію твоему вину плача моего, яко дщере ради моея сице плачуся, понеже оставихъ ю у питательницы ея зѣло малу сущу. Не по мнозѣ же пріиде отъ Царя Князь нѣкій благороденъ къ Парису и Деифебу, сыномъ царскимъ, съ миромъ отъ лица̀ Царева. Принесе же и дары многоцѣнны, посланныя отъ Царя Пріяма, на знамя милости Царицѣ Еленѣ; потóмъ же паки пріидоша отъ Трои многія жéны благородныя для пріятія Царицы Елены. Принесоша же ей зѣло многоцѣнны отъ Царицы Еккубы и честны дары, и поклонишася ей, поздравляюще ю отъ лица̀ Царицына

рицына. Потóмъ же приведоша колесницу царскую пріятія ради Еленина, такожде и иныя многія колесницы позлащенныя приведоша, для благородныхъ ея женъ и дѣвицъ.

Егда же вся сія узрѣ Царица Елена зѣло возвеселися о пріятельствѣ Царстѣмъ и Царицынѣ, забывая всю печаль свою. Во утрій же день повелѣ Парисъ корабельному воинству своему итти ко Трои; сами же начаша такожде строитися къ пути: и егда урядишася зѣло чуднѣ, и вся благолѣпнѣ устроиша, тогда Парисъ и Деиѳебъ, такожде Енея и Полидамъ, Князи Троянскіе, на избранные и храбрые кони своя вѣдоша; потóмъ же и Царица Елена на колесницу царскую взыде, такожде и прочія благородныя жéны и дѣвы на колесницы всѣдше, ко Трои пойдоша.

Егда же пріидоша близъ Трои, тогда изыдоша повелѣніемъ Царевымъ вси граждане съ женами и дѣтьми во срѣтеніе Еленино во свѣтлыхъ ризахъ, честь царскую приносяще ей, и радующеся пришествію ея. И егда пріидоша близъ вратъ градскихъ, тогда изыдоша всѣ благородныя жéны Троянскія во срѣтеніе Царицыно, и падше поклонишася ей, и въ слѣдъ колесницы ея пойдоша пѣши, честь благородію ея воздающе. Егда же внидоша во врата градныя, тогда народи абіе возгласиша во вся трýбы и органы, во свирѣли же и гусли, и въ прочія инструменты гласомъ Мусикійскимъ, вельми радующеся и веселящеся о пришествіи Еленинѣ. Царь же Пріямъ во множествѣ зѣло благородныхъ Троянскихъ далече изыде отъ полаты своея во срѣтеніе Елены Царицы. Она же егда узрѣ при-

пришествіе самого Царя, сниде съ колесницы своея, и падъ поклонися Царю Пріяму. Онъ же пріемъ цѣлова ю въ велицѣй радости, и повелѣ паки взыти ей на колесницу свою; самъ же пѣшъ за узду коня ея вземъ къ палатамъ своимъ приведе. По прибытіи Царицы Елены со многою честію въ палаты царскія, повелѣ Царь Пріямъ пришествія ради ея пиръ великъ сотворити гражданамъ. Во утрій же день Парисъ Елену въ капищѣ Палладинѣ въ жену себѣ поемлетъ, и тако Трояне праздники праздникомъ, и радости радостемъ отвсюду прилагающе неизреченно веселяхуся, и чрезъ осмь дней во играхъ и въ веселіи упражняхуся. Егда же пріиде въ слухъ Кассандрѣ, дщери Царевѣ, яко Парисъ Елену въ жену себѣ поемлетъ, зѣло расторжеся во многія слезы и высокими гласы

 вопія,

вотія, сице рече: о славный и пречудный граде Троя великая, всея вселенныя удивленіе! тяжкими порѣваешися днесь паденіи, и уже въ краткое время низпадеши, и стрѣльницъ твоихъ высокія холмы разрушатся, и дадутся въ конечное опровержение. О неблагочестивый Царю Пріямѣ! иже порокъ лютъ учинилъ еси своему царствію, и того ради падеши оружіемъ; такожде и ты, Царице Еккуба, того же грѣха сблочена сущи срамотою, колика изнесеши воздыханія въ погубленіи чадъ твоихъ, ихъ же иссѣчетъ и изгубитъ кровавый мечь, послѣди же и сама пагубною смертію умреши. О неблагочестивіи Трояне! почто радуетеся о бракѣ Парисовѣ, иже толикимъ убійствамъ вина есть; сей бо поистиннѣ бракъ его нѣсть бракъ, но гробъ отверстый, и врата смертная всѣмъ Трояномъ. О бѣдныя

ныя матери Троянскія! како можете извести изъ очей вашихъ толико слезъ о убійствѢ вашихъ чадъ, егда узрите ихъ мечи разсѢкаемыхъ, и по удомъ раздробляемыхъ, и внутренняя ихъ коньми попираема. Отринипе, бѢдніи Трояне, немилостивый трупъ сей отъ домовъ вашихъ, аще хощете животъ вмѢсто смерти купити. О злочестивая Елена, паче же львица жестокая Елена, яже послѢди толикія болѢзни намъ породиши! Сицевая же и ина многа Кассандра, дщи Царева, рыдающи глаголаше. Царь же Пріямъ изъимати ея повелѢ, и въ оковахъ утвердити, въ нихъ же чрезъ многіи дни Кассандра сѢдяше непрестанно рыдая.

О СОВѢЩАНІИ ЦАРЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ, КАКО БЫ ИМЪ ОБИДУ СВОЮ МСТИТИ, И О ИЗБРАНІИ НА ВОЕВОДСТВО ОПОЛЧЕНІЮ ИХЪ ЦАРЯ АГАМЕМНОНА.

Егда же сія тако во градѣ Трои дѣйствовахуся любочестнѣ, паче же рещи, злосчастнѣ сотворяхуся; слухъ многорѣчный повсюду во уши Менелая Царя многимъ сказаніемъ достиже, иже не отшелъ еще отъ Пилона, ниже отъ собщенія Князя Нестора отлучися. Сказуютъ бо ему случившуюся обиду, отъ Троянъ нанесенную во островѣ Ситарійскомъ, како Трояне капище пограбиша, многаго богатства исполненно, и како людей его посѣкоша, и благородныхъ женъ и дѣвицъ въ плѣнъ отведоша, послѣди же и восхищеніе Царицы Елены ему возвѣстиша, юже онъ паче самаго себе любляше. И егда же вся сія услыша Царь Менелай, изнеможе

духомъ,

духомъ, и не можаше глаголати ничтоже. Возвѣщена же сія быша Князю Нестору, и абіе со тщаніемъ пріиде къ нему, и многими сладкими словесы понудися утѣшити скорбящаго, но не возможе. Никако же бо Царь Менелай покоя себѣ дати возмоглъ; плачется убо зѣльнѣ о грабленіи капища, плачется о погубленіи гражданъ, и о восхищеніи плѣнныхъ, наипаче же плачется красоты Елениной, въ чуждей земли обруганной, и никако же отъ плача престати можаше. Абіе на путь препоясуется, и во свое царствіе отыде, его же Князь Несторъ не остави, но съ нимъ пойде во царство его.

Егда же пріиде, тогда скоро посла ко Царю Агамемнону, брату своему, моля его, да къ нему пріидетъ; такожде и ко Царемъ Кастору и Поллуксу, братіямъ Елениным,

нинымъ, вѣстника своего послалъ моля ихъ, да къ нему прїидутъ; самъ же отъ великїя оныя печали лежаше на ложи своемъ вельми плачася. И вскорѣ къ нему братъ его Царь Агамемнонъ прїиде, и видѣвъ его тако скорбяща и изнемогающа духомъ, сицевая словеса рече ему: почто, брате, плачеши, тако лютѣ сокрушая свое сердце толикою скорбїю? или не вѣси, яко скорбь ничто же ино творитъ человѣку, но точїю тѣла изсушенїе, и ума омраченїе, и крѣпости погубленїе? не прилично бо есть Царю, паче же храброму, тако плакати, и нѣсть сїе храбрымъ сердцамъ обычай, но женскаго малодушїя дѣло. Ты же, брате, отложи отъ себе, молю тя, сїе укоризненное и смѣха достойное малодушїе, и будучи доблественъ ратоборецъ, облецыся въ мужество, и препояшися храбростїю силъ своихъ, и смѣльствомъ

здраваго

здраваго совѣта отвсюду процвѣтшая, можеши не токмо себе отмщевати, но и иныхъ защищати. Скорбїю же малодушїя аще поглощенъ будеши, не точїю возможеши иныхъ защищати, но и себе погубиши, умирая смертїю смѣха достойною. Тѣмъ же послушай мя, полезная глаголюща ти, воздвигни храбрости твоея силу на сїя злая, и воспрїимши грозную мысль, тяжкїя сїя обиды оружїемъ своимъ мстити: ко всѣмъ бо Царемъ и Княземъ писанїя наша да послемъ съ моленїемъ, яко да во отмщенїе сего безлѣпїя съ силою предстанутъ намъ. Вѣмъ бо, яко всея Греческїя области Царїе и Князи нами молими суще, оружїя понести на Троянъ не отвергутся; мышцею бо сильною, и во множествѣ кораблей нашихъ ко Трои мы единодушно приступимъ. На Троянскихъ же брезѣхъ аще шатры наши поставимъ

ставимъ, то поистиннѣ жестоко будетъ, и не мощно Фригіяномъ насъ отъ береговъ своихъ отринути, но будутъ первѣе больщіи ихъ мечемъ посѣчены; прочіи же въ плѣнъ и въ работу отведени будутъ во Грецію, и здѣ да умрутъ въ земли чуждей: и онъ Парисъ, иже толикихъ злыхъ содѣятель, аще случится изыманъ быти, яко лукавый разбойникъ, повѣшенъ будетъ на древѣ, и горчайшія казни потерпитъ. Злое бо недугованіе злыми и горкими врачевании отгоняется; тако и злая сія начинанія злымъ и ратнымъ ополченія концемъ совершитися имутъ: мечемъ бо откровеннымъ местъ предлежитъ, а не ропотными жалобами, ни слезными изліяньми, яко же ты твориши, Царю, осрамляя благородіе свое. И сихъ словесъ Агамемнона Царя умильнѣ зѣло послуша Менелай, и вскорѣ писанія своя ко всѣмъ Греческимъ Царемъ

и Княземъ разосла, моля ихъ о поможенія на Троянъ. И егда писанія Царя Менелая во вся царствія Греческая достигоша; тогда вопервыхъ пріидоша къ нему на помощь они честніи мужіе, Ахиллесъ храбрый, и Патроклъ Царь, и сильнѣйшій Діомидъ Князь, и все дѣло имъ подробну изъявлено бысть. Они же прежде всего умыслиша себѣ избрати воеводу, яко да подъ его правленіемъ все войско здравѣ упасется; и избраша себѣ въ воеводы Царя Агамемнона, мужа храбра, и здраваго совѣта разсужденіемъ цвѣтуща, и даша ему всего ополченія власть.

Предреченніи же Царіе Касторъ и Поллуксъ, братія Еленины, егда услышаша о восхищеніи Елины, сестры своея, въ корабли вшедше на море вдашася, и мнѣвше Троянъ во Фригію еще не достигшихъ,

перенятии ихъ покусишася, и не у чрезъ два дни здраво плыша. Егда же скоро небо облечеся облаки, и мрачныя наведе тьмы, отвсюду блистанїемъ разнымъ изходящимъ, и вѣтру свирѣпо дышущу, тѣмъ же гремятъ велегласныя волны, и мысли плавающихъ въ страхъ понудимы быша, и не замедливъ сокрушаются древеса, раздираются парусы, вся корабельная устроенїя погибаютъ, и вооруженныя развѣваются корабли. Корабль же онъ, въ немъ же два брата Цари, сокрушены бывшу кормилу его, и древесемъ его многими удары сраженнымъ, своея гребли лишився; носится по пучинѣ безвѣстнымъ плаванїемъ, ово прямо, ово криво по морю прерыщенъ, послѣди же погибе морскими зїянїи. Дну его разрушенну, дскамъ оттиорнутымъ, ни кому же иному видящу, погружается въ волнахъ, въ немъ же

два

два брата Цари, яко же истинно непщуется быти, утопоша и прiобрѣтенiе сестры своея своею смертiю навершиша. Сихъ братiй смерть языкомъ бѣ безвѣстна, и того ради обезумившеся глаголютъ, яко взяты быша въ боги; тѣмъ же и звѣзду зодiйную во имя ихъ близнецы быти нарекоша.

О ПРИШЕСТВIИ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ ВО АѲИНСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ, И О ЧИСЛѢ КОРАБЛЕЙ, ИХЪ ЖЕ ПРИВЕДОША СЪ СОБОЮ НА ТРОЯНСКОЕ РАЗЗОРЕНIЕ.

Егда же предреченная писанiя Менелая Царя во вся царствiя достигоша; тогда вси Царiе Греческiи, и Князи, и начальницы вкупѣ снидошася во Аѳинское пристанище съ воинствы своими. Царь Агамемнонъ, всего Греческаго ополченiя начальникъ, сто кораблей приведе на ополченiе отъ своего царствiя.

ствїя. Царь Менелай шестьдесятъ кораблей приведе съ собою отъ своего царствїя. Ахиллесъ храбрый пятьдесятъ кораблей приведе отъ своего царствїя. Царь Уликсъ доброрѣчивый пятьдесятъ кораблей приведе отъ своего царствїя. Царь Теламонъ отъ своего царствїя пятьдесятъ кораблей приведе. Князь Несторъ отъ своего княжества пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Протезилай отъ своего царствїя пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Патроклъ отъ своего царствїя пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Седей и Царь Епистропъ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Князь Дїомидъ отъ своего владѣнїя пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Филиксъ и Царь Ксанипиппъ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Царь Архелай и Царь Протенорь отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Менестей, Князь Аѳинскїй, пятьдесятъ кора-

кораблей отъ области своея приведе. Прочіи же Царіе и Князи четыре ста двадесять и два корабля приведоша на ополченіе, и бысть всѣхъ стедшихся царей и Князей Греческихъ на ополченіе противу Троянъ числомъ шестьдесять девять; а кораблей ихъ бяше тысяща двѣсти двадесять два, кромѣ кораблей Паламидовыхъ, сына Наула Царя: той бо съ корабли своими послѣди пріиде.

О ПРИШЕСТВІИ ЦАРЕЙ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ НА ПОМОЩЬ

Пріидоша же и въ Трою ко Царю Пріяму на помощь Царіе нѣцыи съ воинствы своими, въ защищеніе града Трои противу Грековъ ополчатися. Первѣе пріиде храбрый Царь Мемнонъ; воинства же его пять тысящъ пріиде съ нимъ. Потомъ же пріиде Персей, Царь Еѳіопскій, съ пятьюжъ тысящами воинъ. Потомъ

Царь Ѳемъ пріиде съ тремя тысящами воинъ. Потомъ же паки пріиде Царь Глеиконъ съ сильнѣйшимъ сыномъ своимъ Сарпедономъ, съ ними же воинства ихъ пять тысящь пріидоша. Паки же по семъ пріиде Царь Филименъ съ двумя тысящами воинъ. По семъ же пріиде Перскій Царь съ пятію тысящами воинъ. По семъ же пріиде Царь Седемонъ съ двумя тысящами воинъ. Потомъ пріиде Царь Епистропъ съ пятію тысящами воинъ; приведе же съ собою и Дама стрѣльца дивнаго, видомъ въ низъ бѣ конь, а въ верьхъ человѣкъ, и бысть всѣхъ воиновъ, пришедшихъ со Цари оными тридесять двѣ тысящи, кромѣ воиновъ Царя Пріяма Троянскаго, и яко же отъ страны Греческія, тако и отъ страны Троянскія весь цвѣтъ воинскіи собрашася ратоватися браньми крѣпкихъ ополченій.

ЗДѢ ЖЕ ФРИГІЙ ДАРІЙ ОПИСУЕТЪ ОБРАЗЫ И НРАВЫ ГРЕЧЕСКИХЪ БОЛЬШИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ

Царь Агамемнонъ, начальникъ и воевода всего Греческаго ополченія, высокъ бяше возрастомъ, лѣпъ же образомъ, млечною облїянъ бѣлостію, храбръ во оружіяхъ, и совѣтомъ здраваго разсужденія вельми цвѣтущій.

Менелай же Царь, братъ его, не бѣ толико высокъ, но возрастъ его, кромѣ высоты и низости, посредственно лѣпымъ образомъ храняше, во оружномъ же сраженіи бяше храбръ и смѣлъ зѣло.

Ахиллесъ же многою красотою чуденъ бяше, храбръ же вельми, и силенъ крѣпостію великою, смѣльствомъ же всѣхъ Грековъ превосхождаше.

Тала-

Теламонъ же Царь образомъ красенъ бяше, власы имѣя черны корчеваты, и любляше въ пѣніи услаждатися, зане гласъ сладостенъ имяше; мусикійская же игранія любезнѣ слушаше, во ополченіяхъ же чудный бяше воинъ, и силою многою бранносецъ.

Уликсъ же Царь всѣхъ Грековъ образомъ красоты превзыде, храбръ паки и премудръ, и многаго коварствія и льсти исполненъ, лжи великія слагатель, и многая изливая словеса шутливая, и въ сладостяхъ плодорѣчія своего вельми превосходенъ.

Діомидъ же Князь многою бяше высотою простертъ, широкъ бѣ плечима, и толстъ мышцами, зракомъ же лютъ, и во обѣтахъ лживъ, во оружіяхъ храбръ, побѣды желателенъ, трудолюбивъ

покоя

покоя не терпя, и много упѣсняшеся любовною теплотою.

Протезилай же Царь образомъ бяше краснѣйшій, храбръ вельми, яко никто бѣ его поспѣшнѣе во оружіяхъ.

Танталусъ же Царь дебелъ бѣ тѣломъ вельми, и едва ходити можаше отъ великія оныя тягости, къ брани же склоненъ, и ополченію правому зѣло прилѣжаше.

ТОЙ ЖЕ ПАКИ ДАРІЙ ОПИСУЕТЪ ОБРАЗЫ И НРАВЫ ТРОЯНСКИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ.

Написа бо первѣе Царя Пріяма высока возрастомъ, и лѣпа образомъ, гласъ имѣвша низокъ, человѣка многія храбрости и смѣльства, мужа не трепетна и безбоязненна, о лести человѣческія отнюдъ

отнюдь ненавидяща. Бѣ же въ словесѣхъ своихъ весьма истинноглаголивъ, правду бо вельми почиташе, гласы мусикійскія любезнѣ слушаше: великодаровитъ же бяше зѣло, яко никогда же нигдѣ чтется толикъ и таковъ Царь, и отъ своихъ воинъ и гражданъ любимъ былъ тако, яко же онъ.

Отъ сыновъ же Царя Пріяма ни единъ бѣ, иже бы толикимъ смѣльствомъ цвѣтяше, яко же перьвородный его Гекторъ. Сей бѣ, иже во свое время бывшихъ всѣхъ сильныхъ мужей превзыде храбростію силъ своихъ и смѣльствомъ; мало же бѣ медленноязыченъ, имѣ уды жесточайшія, великъ бѣ возрастомъ, и ни когда же толикия силы мужа Троя изведе. Великодушенъ много бысть и терпѣливъ; никогда же слово обидно, или не подобно отъ устъ его изыде; никогда же унываше

въ

въ трудѣхъ прилѣжати ополчаемыхъ, и ни коими воспоминаньми бранными ослабляшеся; никогда бо нигдѣ же чтется толикъ воинъ таковою чудною храбростію сіяющъ.

Парисъ же, вторый сынъ Царя Пріяма, юноша красньйшій зѣло бяше, власы желты имяше, и вси власы его аки златое блистаніе подаваху; въ мастерствѣ же лучномъ вельми изученъ бѣ, и въ силѣ ловителной многъ, и во оружейной храбрости опасенъ, и грозенъ воинъ на брани.

Деиѳебъ же, третій сынъ Царя Пріяма, и послѣди братъ его Еленъ, тіи бяху единаго образа, и подобіемъ равны; едва бо единъ отъ другаго познатися можаше: образъ бо ихъ таковъ бѣ, каковъ и Царя Пріяма родителя ихъ; то бо всѣхъ тріехъ качество. Разнствіе же раздѣляше, яко убо

Царь

Царь Пріямъ состарѣся уже́, а тіи два юношескою славою растяху, и паки единъ отъ тѣхъ, сирѣчь Деіѳобъ, во оружіи многою храбростію цвѣтяше; а вторый, сирѣчь Еленъ, на многъ изученъ бѣ свободныхъ хитростей наказанію.

Троилъ же, пятый сынъ Царя Пріяма, юноша много силенъ бѣ на брани; смѣльствомъ бо крѣпости своея вельми процвѣташе; или бѣ онъ инъ Гекторъ, или вторый отъ него, во всемъ войскѣ Троянскомъ, и ни единъ бѣ юноша, кромѣ Гектора, толиками силами славенъ.

Енея же малъ бѣ тѣломъ, чуднѣ же разсудителенъ здраваго совѣта мудростію, и во оружіяхъ храбръ бяше.

Антенорь же высокъ бѣ возрастомъ, и тѣломъ добрѣ устроенъ

енѣ и лѣпѣ, лице же имѣ многою радостію весело, во оружіяхѣ бѣ храбрѣ, и здраваго совѣта мудростію исполненѣ.

Полидамѣ же, того Антенора сынѣ, юноша краснѣйшій, лѣпѣ бѣ и любезенѣ, яко же и отецѣ, но мало смуглоцвѣтенѣ. Вельми же сей бѣ крѣпокѣ силами, и зѣло крѣпокѣ во оружіи, и скорѣ кѣ разгнѣванію, и смѣльства многаго исполненѣ.

Царь же Мемнонѣ образомѣ краснѣйшій, высокѣ тѣломѣ, широкѣ плечима, толстѣ мышцами, грудію жестокѣ, власы кудрявѣ и желтѣ, очима чернѣ, иже на Троянской брани многая чудная и похвальная дѣла учинилѣ.

Той же паки Дарій написа подобіе Перскаго Царя, на помощь Троянскому Царю, пришедша; на-

писа бо его лице имуща вельми отыло и угревато, браду же яко огненну червлену.

О ПОСЛАНІИ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ ВО ОСТРОВЪ ДЕЛЬФЪ, И О ВОПРОШЕНІИ И ОТВѢТѢ ИДОЛА АПОЛЛОНОВА.

Егда же Царіе и Князи Греческіи вси во Аѳинское пристанище снидошася, яко же речено есть, и пребываху ту; Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска начальникъ и воевода, всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на бесѣдованіе къ себѣ призвати повелѣ. И имъ пришедшимъ и сѣдшимъ комуждо на своемъ мѣстѣ по достоинству ихъ, Царь Агамемнонъ сія словеса изрече: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы, иже въ крузѣ настоящаго сего собранія собрани есмы!

Кто

Кто когда видѣ или слыша толико Царей и Князей съ воинствы своими стекшихся вкупѣ во единоизволное согласїе? и кто сице дерзостенъ и буй обрящется, иже бы смѣлъ противу насъ воздвигнути пяту, кромѣ безумнаго языка Троянскаго, иже буими на себе и безсовѣтными умышленїи уповающе, дерзнуша силы наша попустити и раздражити на ополченїе, хотяще ратоватися противу толика множества, и надѣющеся на непотребное суетство храбрости самомнимыя? Вѣдати бо ихъ мню противу насъ быти оружїемъ препоясанныхъ, иже о градѣ своемъ крѣпцѣ съ нами братися имутъ, и себе отъ насъ мужески защитятъ; но зане бранный случай всегда бываетъ сомнителенъ, и неизвѣстна суть дѣла воюющихся, и того ради подобаетъ намъ со извѣстнымъ испытанїемъ начинати настоя-

щее сїе ополченїе, да не такожде, яко и Трояне, начевше толико зло, конца не испытуемъ совѣтомъ здравымъ. И сего ради праведно быти мню, во островъ Дельфъ послы наша послати къ богу Аполлону, отвѣтъ отъ него прїяти о настоящей брани сей, что творити намъ подобаетъ, да не безвѣстно течемъ: и что о семъ возвѣстите мнѣ, да сотворимъ. Они же сїя слышавше, совѣтъ его похвалиша, и избраша абїе въ послы Ахиллеса и Патрокла, имъ же Агамемнонъ повелѣ, да въ посольство оно себе направятъ. Они же слышавше таковое повелѣнїе, абїе на путь препоясашася, и въ Дельфъ островъ отыдоша. Во островѣ же Дельфѣ капище нѣкое поставлено бысть отъ древнихъ Еллинъ, въ немъ же кумиръ нѣкїй устроенъ бѣ, на имя Аполлоново; по ихъ же язычествѣй

пре-

прелести жертвы ему и кадила своя приношаху безумнiи, богомъ его на свою пагубу именующе. По малѣ же времени, конечныя ради ихъ погибели, вшедъ бѣсъ во онаго кумира, отвѣты просящимъ даваше; и сего ради наипаче нечестивiи они идолопоклонницы почитаху его. Къ сему же кумиру Ахиллесъ и Патроклъ со многимъ проклятымъ благоговѣинствомъ молебнѣ приступиша, просяще отвѣта о настоящей винѣ посольства, ея же ради послани бяху отъ Царей. Тогда абiе отъ кумира онаго гласъ изыде имъ сицевъ: Ахиллесъ, Ахиллесъ! рцы убо пославшимъ тя; яко спасено имъ есть ко Трои пойти, и тамо многiя брани и кровопролитiя сотворятъ: но неложно въ десятое лѣто будутъ побѣдницы Царя Прiяма, и сыновъ его смерти предадутъ, и градъ ихъ разсыплютъ, и граж-

 данъ

данъ ихъ мечемъ посѣкутъ, сихъ же единѣхъ живи оставятъ, ихъ же изберетъ Греческое владычество. Ахиллесъ же сицевъ пріемъ отвѣтъ, съ радостію изыде изъ капища онаго, и ко своимъ кораблямъ пріидоша, много веселящеся. Пребывающимъ же имъ еще во островѣ Дельфѣ, чуденъ нѣкій случай найде. Калкасъ бо нѣкто, Троянскій жрецъ, повелѣніемъ Царя Пріяма пріиде въ той островъ, такожде хотяще пріяти отвѣтъ отъ капища Аполлонова. Сей же Калкасъ зѣло любимъ бѣ отъ Царя Пріяма, и почитаемъ отъ него, и первый бяше во всѣхъ тайныхъ царскихъ совѣтѣхъ, зане мужъ разуменъ, здраваго совѣта, къ тому же и въ волшебныхъ чародѣяніяхъ искусенъ бѣ, того ради и вси Трояне вельми любляху его и почитаху. Сей же Калкасъ пріиде въ капище оно молебнымъ лицемъ, и предъ капищемъ

пищемъ себе простре, отвѣтъ желая пріяти отъ него, ему же гласъ бысть сицевъ отъ онаго идола глаголющій: Калкасъ, Калкасъ! блюди, да не возвратишися во Трою ко Царю Пріяму, отъ него же посланъ еси, но ко Грекомъ приступи въ семъ островѣ пребывающимъ; не ложно бо Грецы въ десятое лѣто побѣдницы будутъ, градъ Трою низложатъ, Царя Пріяма и сыновъ его смерти предадутъ, и гражданъ его мечемъ посѣкутъ, иныхъ же въ плѣнъ отведутъ, и богатства ихъ расхитятъ. И сего ради потщися приступити ко Ахиллесу и Патроклу, еще здѣ пребывающимъ; зѣло бо и ты Грекомъ въ совѣтѣхъ своихъ любезенъ явишися, съ ними же обще и побѣду пріимеши на Троянъ. Вельми бо отъ нихъ чтомъ будеши; аще ли же возвратишися въ Трою, то безъ сомнѣнія мечемъ падеши.

 Калкасъ

Калкасъ же егда услыша сицевый отвѣтъ, абіе со тщаніемъ изыде изъ капища, и ко Ахиллесу и Патроклу, посламъ Греческимъ, пріиде, моляще ихъ да въ сообщеніе свое пріимутъ его, сказуетъ бо себе посла быти отъ Царя Пріяма, и возвѣсти имъ, яко отъ Аполлона повелѣно ми бысть приступити ко благородію вашему: въ десятое бо лѣто не ложно побѣдницы будете надъ Троею, и сего ради отнюдъ не мощно ми есть сопротивитися волѣ и повелѣнію боговъ. И сіе, яко же повелѣно ми бысть властію ихъ, тако и сотворихъ; пріидохъ бо къ волѣ вашей, и что ми о семъ возвѣститъ благородіе ваше, да слышу? Они же сія слышавше вельми удивишася, и пріяша его съ великою честію, и тако радующеся поидоша съ нимъ въ путь свой. Егда же пріидоша ко Грекомъ, тогда Царь Агамемнонъ всѣхъ

Царей

Царей и Князей созвати повелѣ; и яко пріидоша къ нему вси, сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ кождо по чину ихъ. Ахиллесъ жа нача повѣдати отвѣтъ отъ Аполлона бывшій ему, како не ложно въ десятое лѣто обѣща имъ побѣду на Троянъ, и како посолъ Пріяма Царя прія отъ него сопротивенъ отвѣтъ. И сія рекъ представи предъ лицемъ благородія ихъ Калкаса жреца, посла Троянскаго, и сказа имъ вся подробну, яже о немъ. Они же егда услышаша сія, зѣло возрадовашася радостію великою, и Калкаса жреца съ великою честію радостно воспріяша, и повелѣша принести ему мѣсто злато, и между себе его посадиша. Видѣвъ же Калкасъ толику честь, данную ему отъ Царей Греческихъ, вельми возвеселися, и вскорѣ разверзе яко адъ уста своя на отечество свое и градъ, въ немъ же родися,

и на Царя его и на граждан, от них же толико время бысть славен. Восстав от мѣста своего рече ко Царем: о преславніи и пресвѣтліи благородніи Царіе! почто вашего Царскаго благородія мысль в лѣтнѣй теплотѣ не разгорится по морю прескочити? сим бо стояніем вашим, яко же непщую, ничтоже ино пріобрѣсти мощно, но токмо врагом нашим пригодство многое и свободу подаваете, яко да отвсюду себѣ помощь ратную соберут, и воинством крѣпцѣ утвердившеся, неудобь побѣдимы будут. И нынѣ убо аще благоволит благородіе ваше совѣта моего послушати, то без всякаго коснѣнія расторгните медленность вашу, отложше всяко коснѣніе скорым шествіем подвига вашего. Шествуйте ко Трои, яко да врази ваши скораго вашего шествія ужасшеся убоятся, а не о вашем медленном

вакоснѣ-

закоснѣніи возрадуются. бози бо вамъ на нихъ неложну подаютъ побѣду; и сего ради, о благороднiи, подобаетъ вамъ изволенiя ихъ обѣщанiе благодарною рукою и горящею мыслiю воспрiяти. И егда Калкасъ словеса своя сконча; тогда вси Царiе и Князи удивившеся сицевому остроумiю его, наипаче любовь свою приложиша къ нему, и многими дары вельми одаривше его почтиша. По словесемъ же его Царь Агамемнонъ всему войску повелѣ трубнымъ гласомъ на корабли восходити; и егда взыдоша вси, тогда якори своя извлекше, исходятъ изъ пристанища Аѳинскаго, и пучинѣ морстѣй вдашася. Во утрiй же день близъ девятаго часа восста буря велика зѣло и преужасна, и облацы темни вельми покрыша лице небу, и нощь не истинну наведоша, и громи страшни и дивни быша, молнiя же отъ вышняго небесе въ

тресугубомъ пламени нападаше. Тѣмъ же реветъ вихорь страшными скрежетаніи, волны же, яко горы воздвызахуся, съ великимъ устремленіемъ корабли Греческіе сильнѣ борюще; и сего ради всѣхъ плавающихъ ужасенъ страхъ и трепетно сѣтованіе отвсюду объятъ, смерть явныя своея погибели кождо ихъ зряху, и не доумѣвахуся, что сотворити отъ великаго онаго ужаса. Но Калкасъ, Троянскій изрядца и жрецъ, сотворивъ своя заклинанія, яко бѣ искусенъ вельми въ нихъ, глаголаше Царемъ, Діану богиню многимъ гнѣвомъ быти подвижену на нихъ: Понеже бо во отшествіе ихъ отъ Аѳинскаго пристанища не бѣ ей жертва принесена, и того ради страждемъ лютая сія злобленія. Тѣмъ же подобаетъ вамъ, Царіе, уклоньше парусы своя во Аулиду островъ пристати, и тамо жертву ей принести, и тако престанетъ

станетъ буря , и утолится море. По совѣту же Калкасову повелѣ Царь Агамемнонъ уклонити парусы во Аулиду островъ , и тако сотворше присташа здрави , и снидоша на землю , и жертву сотвориша , юже самъ Царь Агамемнонъ своими руками богинѣ Діанѣ принесе , и преста море отъ волненія своего , и утишися буря , и солнце паки просвѣтився. И тако взыдоша Греки на корабли своя ; возвѣявшу же имъ вѣтру поспѣшну , паки пойдоша путемъ своимъ , и внидоша въ предѣлы Троянскія.

О РАЗЗОРЕНІИ ЗАМКА ОТЪ ГРЕКОВЪ

Греки же вшедше въ землю державы Троянскаго Царя , доидоша нѣкоего за́мка , иже отъ жителей Сарронаба нарицашеся. Жители же городка онаго боящеся

раззоренія, скоро оружія своя пріемлютъ, и исходятъ изъ града съ великою скоростію, тщатся на брегъ, мняще Грековъ возбранити, буими на ся и несовѣтными умышленіи уповающе, сея же ради причины брань безумну ставятъ. Греки же добрѣ корабли своя привязавше, сами же пріемше оружія своя, сходятъ на землю, и буйства ихъ казнь воздаютъ имъ, зане во уста меча ихъ гонятъ даже до вратъ градскихъ. Стѣснившимжеся имъ во вратѣхъ входа, Греки ту безчисленно ихъ посѣкоша, и смѣсившеся вкупѣ со граждань во градъ ихъ входятъ, и нападаютъ немилостивно на гражданъ, мечемъ свирѣпымъ всѣхъ безъ разбору умерщвляюще, старыхъ же и юныхъ, мужей и женъ, и отроковъ, и дѣвъ, и младенцевъ всѣхъ посѣкоша. И егда сія сотвориша, тогда имѣнія ихъ вся восхитивше

на

на своя корабли относятъ, послѣди же и градъ онъ огнемъ запалиша, и вся въ конецъ пожгоша, и мѣсто оно изравниша, нижѐ слѣда оставиша коего, но вся въ запустѣніе превратиша; потóмъ же на корабли своя возшедше, къ Тенедону пойдоша.

О ВЗЯТІИ ОСТРОВА ТЕНЕДОНА ОТЪ ГРЕКЪ И О РАЗЗОРЕНІИ ЕГО.

Бѣ же оный островъ Тенедонъ красенъ вельми, отстоящъ отъ Трои шесть миль; мѣсто же то зѣло угодно бѣ услажденіи земными и морскими. Въ семъ же островѣ городокъ нѣкій бѣ крѣпостію великою утвержденъ: жители же городка онаго, боящеся раззоренія себѣ, скоро ко оружію скачутъ, городокъ крѣпятъ бранными мужи и оружіи, и противу Грековъ на брань исходятъ смѣло. Греки же

въ

въ пристанище оно вшедше, и корабли своя привязавше крѣпцѣ, и препоясавшеся оружіи своими, скоро сходятъ на землю, ихъ же граждане оружнсю рукою пріемлютъ мужески, и спустивше съ ними брань жестокую, бысть между ими сѣча зла и преужасна; отъ обоихъ бо странъ падаютъ воини сѣмо и овамо, и промежъ Грековъ и Троянъ, городка онаго господами, лютѣ брань кипитъ, и жестоко ополченіе разжизается въ нихъ. И сея ради вины множество падаютъ отъ Грекъ, но множае отъ враговъ ихъ, къ ихъ же разоренію и отмщенію Греки тяжчае дышуще, смерти и ранамъ смѣло предаются, и сѣчахуся съ ними крѣпцѣ, и толь долго быша сѣкущеся, яко Трояне толикаго ихъ множества и зѣлнаго устремленія понести не могуще, въ бѣгъ неволою обратишася. Греки же созади въ тылъ сѣкуще

сѣкуще ихъ нещадно даже до вратъ градскихъ умерщвляху; во входѣ же вратъ наипаче гражданомъ паденіе бысть, но убо съ толикимъ граждане лютымъ несчастіемъ во градъ свой вшедше затворишася, и врата градскія жестокими и крѣпкими запоры утвердиша; сами же на стѣны градскія взыдоша, и оттуду крѣпцѣ боряхуся со Греки безчисленными, самострѣлы и луки и пращами и каменнымъ метаніемъ, и множество Грековъ умерщвляху. Греки же въ разныхъ мѣстахъ лѣсницы устроивше ко граду приставиша, и на градъ взыти тщахуся, ихъ же граждане безчисленнѣ умерщвляху, съ лѣсницъ низвергающе. Тѣмъ же Грекомъ веліе, и болѣзненно, и трудно найде стѣсненіе; безчисленно бо убійство ихъ умножися. Тогда Греки въ велицѣй горести душъ своихъ крѣпцѣ градъ онъ борюще сокрушахуся.

шахуся. Граждане же послѣди многимъ трудомъ ужѐ отягчившеся, немощнымъ и безсильнымъ защищенïемъ градъ свой заступаютъ, къ нему же Греки нестерпимымъ множествомъ устремившеся, по лѣсницамъ на городокъ онъ восходятъ, и на стѣнахъ хоругви своя поставляютъ во отмщенïе своихъ убитыхъ, и елицѣхъ обрѣтаютъ, всѣхъ мечемъ погубляютъ гражданъ, и низвергая никого же щадятъ; такожде и разсужденïя возраста не имѣя, всѣхъ вкупѣ немилостивно умерщвляютъ. Но егда отъ гражданъ ни единъ ужѐ живъ бѣ; тогда Греки сокровища градская испытуютъ, и похищенïемъ грабятъ, и относятъ на своя корабли. И егда ужѐ вся грабленïемъ испраздниша, тогда и городокъ онъ раскопати умыслиша, и низложивъ стѣны его, высокïй Тенедонъ испровергоша. Разрушену бывшу всему благолѣпïю его; , потóмъ

вся

вся огнемъ попалиша, и персть и пепелъ и каменія вся въ море ввергоша, и мѣсто оно изравниша, и никоего же знака оставиша, и тако сотвориша, яко никому отъ человѣкъ мощно было познати, яко бѣ прежде градъ ту.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ УЛИКСА ЦАРЯ И ДІОМИДА КНЯЗЯ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, О ОТДАНІИ ЦАРИЦЫ ЕЛЕНЫ.

Греки же предреченныя два городка побѣдоносною дланію взяша, и вся градская грабленая богатства предъ лице Агамемнона Царя и прочихъ Царей принесоша. Царь же Агамемнонъ вся грабленія ихъ раздѣли имъ зѣло чиннѣ, комуждо по достоинству труда ихъ; послѣди же Царь Агамемнонъ рече ко Царемъ и Княземъ сицевая словеса: друзи, Царіе, и Князи, и началь-

начальницы всего Греческаго ополченія! праведно быти мню, послы наши ко Царю Пріяму кослати, да отдастъ намъ Царицу Елену, и вся грабленая богатства, похищенная во островѣ Ситарійскомъ, цѣло возвратитъ. И аще онъ самъ сицевая сотворитъ безпрекословнѣ, то поистиннѣ честенъ намъ будетъ возвратъ во своя си; аще ли же ни, то невинни будемъ землю его плѣняще: и что ся вамъ о семъ мнитъ возвѣстите ми, да разумѣю? Они же сія слышавше, похвалиша усердно совѣтъ его, и вскорѣ въ посольство избраша Уликса Царя и Діомида Князя, и отпустиша ихъ ко Царю Пріяму. Егда же пріидоша ко Трои, вельми удивишася толикому величеству, и чудному зданію града; во врата же градская егда внидоша, наипаче почудишася многимъ чуднымъ

нымъ зданіямъ и прекраснымъ палатамъ вельможескихъ и гражданскихъ домовъ. Ко двору же Царскому егда пріидоша, презѣлнѣ ужѐ удивишася лѣпотѣ тюлицѣй дому царска, внутрь же двора вшедше, егда узрѣша древо оно чудное рукотворимыя хитрости, иже дворъ онъ далекимъ своимъ окруженіемъ вѣтвей покрываше, сташа ту вельми и паче мѣры зряще дивлящуся. Долгимъ зрѣніемъ Князи они удивльшеся, во врата многихъ каморъ восходятъ. Вшедшимъ же имъ во ону палату, идѣже Царь Пріямъ во множествѣ благородныхъ сѣдяше, послы Царя Пріяма никоея же чести поздравленіемъ не почтоша, но сѣдшимъ имъ аки противу его, Уликъ Царь первѣе начатъ сице глаголати: Царю Пріяме! не вельми дивися, аще тя мы первѣе словесы поздравительными не выскахомъ, чести никоея же благородію

дїю твоему приносяще, зане тя имамы себѣ главнаго врага, и врагъ своему врагу никогда же молитъ здравія, но сопротивно творишъ. Агамемнонъ Царь, егоже велѣнїемъ мы къ тебѣ посланы, нами приказываетъ ти, да Царицу Елену, юже отъ предѣлъ царства ея сильно восхитилъ, отдалъ бы еси Царю, и тяжкія обиды, нанесенныя ему во островѣ Старїйскомъ отъ Париса, сына твоего, по твоему изволенїю, цѣло да возвратиши ему, яко да здраваго совѣта любовїю отъ Царя Агамемнона насладишися; аще ли же ни, то да вѣси, яко злою смертїю самъ ты, и сынове твои лютѣ поляжете, и воини твои и вси граждане оружїемъ падутъ, и славный сей градъ твой до конца упразднится.

Царь же Прїамъ разумѣвъ словеса Уликсова, никоего же пождавъ

ждавъ совѣтнаго умышленія, сицевыми словесы отвѣща ему: о возвѣщеніи, рече, словесъ вашихъ удивленіемъ многимъ подвижуся, яко сицевая отъ мене взыскуете, неправду написующе ми, сами суще тмами неправедни; убисте бо ми отца, разористе градъ мой, погубисте благородныхъ моихъ, умертвисте воиновъ моихъ, расплѣнисте гражданъ моихъ, восхитисте вся имѣнія ихъ, отвезосте во своя царствія жены ихъ и дѣти, наипаче же всѣхъ, отлучисте отъ мене сестру мою, и показасте вся лютая царству моему. Азъ же вся сія ваша толикая неправдованія и лютости нанесенныя отъ васъ претерпѣвахъ, ничтоже изыскуя, но токмо посла моего послахъ къ вамъ, моля васъ о отданіи сестры моея, вся же прочая лютости ваша оставляхъ вамъ, но ни тако возмогохъ отъ васъ благо что получити: не восхотѣсте бо

ниже

нижѐ малымъ словомъ познатися, яко зло сотвористе, но отъ большаго своего возношенія въ гордыню возвысистеся, и прещеньми лютыми посла моего преобидѣсте пагубною смертію грозяще ему. И того ради глаголю вамъ, нѣсть мѣста, да словесъ вашего посольства услышу. И аще не бы самѣхъ васъ дѣло посольства защищало, смертію срамнѣйшею велѣлъ быхъ казнити васъ, яко разбойниковъ нѣкіихъ и злотворцевъ губительныхъ; и сего ради отыдите скоро отсюду, да не злою смертію умрете: аще ли же мало закоснѣвше пребудете, то безъ сомнѣнія въ смертную пагубу самоизвольно впадете. Донелѣже бо васъ вижу, безъ великаго пополненія гнѣва быти не могу.

Къ симъ же Діомидъ Князь, вторый посолъ Греческій, разсмѣявся вельми тако рече: о Царю! аще

аще ты отъ единѣхъ насъ токмо и безоружныхъ толикою болѣзнію погнѣтаешися, яко не можеши безъ гнѣва великаго зрѣти на насъ; кольми же паче поболиши душею, егда узриши предъ градомъ твоимъ симъ болѣе ста тысящъ Грековъ въ напрестанныхъ оружіяхъ на тебе самого и на твоихъ люто наскакающихъ, и что ничтоже сотворити ихъ можеши, отвсюдубо страхомъ пораженъ будеши.

Тогда Евея, иже подлѣ Царя Пріяма никому же посредствующу сѣдяше, тако рече ко Царю Пріяму: о великій и благородный Царю! да повелитъ абіе благородіе твое грубому сему досадителю урѣзати досадительный языкъ его, дерзостно послужившій ненаказанному уму его; яко да ктому и прочіи таковыи грубители не дерзнутъ таковаго

 уко-

укоризненна безчестія приносити великимъ Царемъ.

Къ словесемъ же Енеевымъ Діомидъ зѣло подвижеся на гнѣвъ, и ему тако рече: аще и не вѣмъ, кто ты еси, но въ рѣчахъ твоихъ добрѣ знаю тя неправеднаго быти судію, и противоглагольника остра зѣло; желаю, дабы въ мѣстѣ подобнѣ обрѣсти тя моглъ, иже и достойная благодаренія воздалъ ти быхъ за сіе твое злосовѣтіе, еже изреклъ еси о мнѣ толь неблагодарнымъ словомъ; добрѣ вижу, блаженъ есть Царь онъ, иже въ совѣтника держитъ тебе, яко толь добрѣ знаеши совѣтовати Царю, дабы Царь твой содѣтель толикимъ неправдамъ былъ. Къ словесемъ же паки Діомидовымъ мнози вскочивше отъ возлежащихъ, исторгоша мечи своя, и хотѣша абіе разсѣщи Діомида, дерзости его ради,

ради, на нихъ же Царь Пріамъ громко возопи, да не вредятъ его; рече бо сице: лутче ми есть, да самъ азъ укоризну кую постражду, нежели посолъ нѣкій въ моемъ дворѣ обиду кую потерпитъ; или не вѣсте, яко свойственно есть безумному показовати своя безумія, и низводитися къ явному своему безчестію? тмою бо неразумія своего отвсюду объятъ есть, и яко слѣпъ шествуетъ ко своей ему погибели, непщуя въ словесѣхъ безумія своего показати храбрость свою. Такожде и мудрому бываетъ въ похвалу, претерпѣвати безумныхъ блуженія, и реченная отъ него слушати, и слышаннымъ смѣятися, а не отвѣщати по его безумію, ниже отмщевати себе, да не подобенъ будетъ ему.

Царь же Уликсъ видѣвъ сицево несогласное строптство, усо-

 мнѣлся

мнѣлся въ палатѣ царстѣй его о дерзости Діомидовой, и словеса остроумнѣ прехвативъ, да не многословитъ, рече ко Царю тако: Царю Пріяме! вся сія видѣнная и слышанная здѣ, и тобою реченная Царю Агемемнону вѣрнѣ донесемъ. И по семъ изыде изъ палаты, съ нимъ же и Діомидъ и прочіи Грекове изыдоша, и на кони своя всѣдше, ко своимъ отыдоша, и Царю Агамемнону и протчимъ Царемъ вся видѣнная и слышанная во Трои возвѣстиша, и о Пріямовѣ отвѣтѣ зѣло почудишася Греки.

О ПОСЛАНІИ АХИЛЛЕСА И ТЕЛЕѲА ВО СТРАНУ МЕССІЙСКУЮ СЪ ВОИНСТВЫ ИХЪ, УДЕРЖАНІЯ РАДИ ОРАШЕННЫХЪ ОБИЛІЙ.

Царь Агамемнонъ, и протчіи Царіе и Князи Гречестіи послаша

слаша храбраго Ахиллеса и сильнѣйшаго Телеѳа съ тремя тысячами воинъ храбрыхъ во страну Мессійскую, да оттуду брашна довольна въ войско Греческое привезутъ. Они же по повелѣнію ихъ вшедше въ корабли своя съ предреченнымъ воинствомъ, поидоша въ путь свой. И егда пріидоша тамо, абіе въ пристанище оно вшедше, и корабли своя крѣпцѣ привязавше, снидоша на землю, и шатры своя поставиша. Тогда Царь Теутранъ, тоя страны господь, не терпя во своей землѝ пребыванія ихъ, во множествѣ воинъ и во мнозѣ союзѣ пѣшихъ стѣсненъ пріиде на брегъ. Грецы же видѣвше пришествіе его, со многою скоростію оружія своя пріемлютъ, и на кони своя всѣдше, брань спустиша съ ними крѣпко ратную, и егда борьба умножися вельми ужасная, отъ обоихъ странъ множество

 воинъ

воинъ падаетъ, и земля трупіемъ мертвыхъ покрывается, и кровь ихъ, яко вода, по всюду разливается. брань же зѣльнѣ кипитъ между ими, отъ трубнаго же гласа и отъ звуковъ оружія, и отъ гласовъ язвенныхъ далече слышаніемъ возвѣщашеся ополченіе ихъ; мнози бо вельми падаху отъ Грекъ, но множае отъ врагъ ихъ. Аще бо Греки и многою храбростію цвѣтяху, но противитися числу супостатъ своихъ едва можаху; и поистиннѣ вси бы Греки были злѣ убіени, аще не бы онъ чудный въ дѣлахъ оружныхъ Ахиллесъ былъ, иже прилѣжнымъ промысломъ размотривъ количества бранныхъ, и качества ихъ уразумѣвъ, видѣ Царя Теутрана посреди сраженій бранныхъ противу враговъ своихъ шкоды тяжкія наносяща. И сего ради устремительнѣ скочивъ въ полкъ, разрушаетъ

шаетъ и расторгаетъ ополченія, и всѣхъ противу текущихъ ему убиваетъ, кои къ его прихожденію не отверзаютъ ему пути. Къ Царю убо Теутрану яко левъ рыкая прилѣпляется, и доставаетъ его мечемъ голымъ, частымъ умучаетъ пораженіемъ, и шлема его узомъ расторгнутымъ, восхищенна Царя силою низложи на землю, и воздвигъ десницу во своемъ яростномъ смѣлствѣ, хотяше главу его отъяти. Но Телеѳъ Князь, иже по Ахиллесѣ вторый бяше, видѣвъ Ахиллеса сице свирѣпствующа надъ Царемъ Теутраномъ, внесеся устремительнѣ подъ разъ меча Ахиллесова, щитомъ своимъ пріемлетъ и Ахиллеса любезнѣ проситъ, да Царю Теутрану, яко побѣжденну сущу, послѣднюю милость милосердія своего надъ нимъ сотворитъ, и его, яко побѣдитель, да пощадитъ. Ахиллесъ же обѣщевая

вая ему тако рече: кая тя подвиже явная вина, яко противу сицеваго нашего толь лютаго врага содержати милость щедру, иже толь лютымъ своимъ устремленїемъ оружнаго упованїя насъ первѣе утруди? и того ради праведно есть, да впадется въ яму, юже ископа. Ему же Телеѳъ тако рече: господине мой! сей бѣ Царь отцу моему нѣкоимъ ближнимъ прїятельствомъ союзенъ, и егда азъ самъ такожде нѣкогда въ землю его приходилъ, безконечныя чести милость мнѣ открылъ, и того ради о пагубѣ живота его весьма болѣзную, и ужасаюся о смерти его. Ему же Ахиллесъ тако рече: се тебѣ его предаю; возми и, и да сотвориши о немъ, яко же хощеши. И тако прїимъ его Телеѳъ Князь, любезнѣ цѣлова. Царь же Теутранъ повелѣ воиномъ своимъ,

ймъ, такожде и Ахиллесъ повелѣ Грекомъ престати отъ битвы, и сему бывшу, абіе скончася брань. Ведется убо Царь Теутранъ во своя царскія палаты язвенъ, за нимъ же Ахиллессъ и Телеѳъ идутъ послѣдующе, и въ домъ царскій пріемлются гости въ велицѣй чести. Царь же Теутранъ на ложи царстѣмъ полагается, изнемогая отъ ранъ. По трехъ же днехъ егда Царь крѣпцѣ изнеможе, и къ смерти уже приближися, Ахиллеса и Телеѳа къ себѣ призвати повелѣ. Егда же пріидоша къ нему, тогда Царь рече имъ сице: славніи и благородніи Князи! долго житіе да будетъ вамъ, азъ же нынѣ отходя уже въ путь смертный, наслѣдника царствію моему не имѣю. И не пристойно по правдѣ никому же иному отдати скипетръ державы моея, токмо Телеѳу Князю, любимѣйшему моему

 сыну,

сыну, сотворившему надо мною толику милость во время нужды моея. Тѣмъ же глаголю ти, вселюбезнѣйшій сыне Телеѳе, да съ радостію пріимеши его, и да будеши по мнѣ столпъ правленія людемъ симъ. Сія же слышавъ Телеѳъ, нача плакати зѣло о смерти его. Царь же Теутранъ пріемъ его за руку, и посади на престолѣ своемъ, и своими руками возложи вѣнецъ на главу его, и перстень снемъ съ руки своея возложи на руку его. Такожде и скипетръ и державу свою вручи ему; людіе же падше поклонишася ему, прославляюще царство его, и съ великою радостію вѣрну присягу ему сотвориша. Не по мнозѣ же времяни Царь Теутранъ умре; Царь же Телеѳъ о смерти его вельми оскорбися, и довольно рыдавъ о немъ, послѣди же тѣло его чиномъ царскимъ погребе,

и гробницу сребряну сотвори надъ нимъ, и подписати повелѣ сицевыми словесы: лежитъ здѣ Царь Теутранъ, его же смертїю скончa Ахиллесъ, иже по себѣ Телеѳу Князю скипетръ царствїя держати предаде. По смерти же Царя Теутрана, повелѣ Царь Телеѳъ наполнити Ахиллесу корабли его всякихъ брашенныхъ обилїй, и тако отпусти его, и впредь обѣщася имъ довольствомъ брашеннымъ помогати. Ахиллесъ же ему за сїе много благодаривъ отыде въ путь свой. Егда же прїиде ко Грекомъ, тогда вси Царїе и Князи сшедшеся на цѣлованїе Ахиллесово, вопрошаютъ лефъ о Телеѳѣ Князѣ: онъ же вся имъ поряду исповѣда, како Телеѳъ Царь бысть и како обѣщася имъ помогати брашенными обилїи. Они же сїя слышавше, зѣло возрадовашася о случившихся, и Телеѳа Царя прославляху, за-

не любима его вельми имяху, и всѣхъ сильнѣйша.

О пришествіи Паламидовѣ въ войско Греческое, и о совѣщаніи царей и князей Греческихъ, како или коимъ образомъ могутъ приступити ко брегомъ Троянскимъ

Не у Грекомъ отъ острова Тенедона еще отшедшимъ, егда славный онъ Царь Паламидъ, сынъ Наула Царя, съ тридесятію корабли своими ко брегу Тенедонскому приста, тогда видѣвше его Греки зѣло возрадовашася радостію великою, заие бяше сей Паламидъ мужъ зѣло храбръ, и многимъ смѣльствомъ паче процвѣташе. Такожде и воинство его многою храбростію паче иныхъ свѣтли и проявлени бяху; и сего ради молятъ его Греки, яко да единъ отъ

отъ сотникъ поставит[ся], и восприиметъ на ся чинъ сей, его же Паламидъ любезнѣ восприятъ. Тогда Царь Агамемнонъ, и прочіи Царіе и Князи Греческіе совѣты многіе начаша испытовати, како возмогутъ безъ тяжкихъ своихъ бѣдъ ко брегомъ Троянскимъ пристати, и недоумѣвахуся. Единаго тогда Діомида совѣтъ утвердися, рече бо сице: о свѣтліи и благородніи Царіе и Князи! кто не позазритъ намъ о закоснѣніи малодушія нашего? или кто не посмѣется отъ человѣкъ мудрыхъ сомнѣнію робости сея, и страхованія ужаснаго не припишетъ намъ? се убо сами зряще видите, яко уже годъ цѣлъ минулъ, отнелѣже въ землю сію внидохомъ, и въ семъ островѣ, никому же намъ насилующу, сами себе заключихомъ, не поступни пребывающе, и ни единаго же промышленія творяще. Воистинну бо

 и са-

и сами Трояне вознепщуютъ насъ страхомъ быти пораженныхъ, мужество наше видяще: и нынѣ аще благоволите послушати совѣта моего, расторгните убо медленность вашу, отложите сомнѣніе всякаго малодушія, и облецытеся въ мужество, препояшитеся храбростію силъ вашихъ, и смѣльствомъ отвсюду себе оградивше, шествуйте немедленно ко Трои ничтоже сомнящеся; коснѣніемъ же нашимъ ничтоже можемъ благо сотворити, но токмо врагомъ нашимъ пригодство подаемъ, сами на ся вооружающе ихъ. Отвсюду бо соберутъ себѣ ратную помощь, и неудобь побѣдими будутъ; азъ бо извѣстно быти мню, Троянъ и нынѣ оружіемъ препоясавшихся уже, и насъ оружною мужества своего рукою пріяти тщащихся, и не мощно есть намъ инако никакоже на землю враговъ нашихъ снити, токмо остріемъ

меча

меча смертоноснаго. И сего ради вседушно отнынѣ поищимся на брезѣхъ Троянскихъ шатры наши поставити, да не въ продолженіи нашего малодушнаго коснѣнія они сами собравшеся изыдутъ и побѣдятъ насъ мужества своего смѣлствомъ. Егда же Діомидъ слово свое сконча; тогда вси Царіе и Князи совѣтъ его похвалиша, и къ пути обступленія Троянскаго устроятися начаша со многимъ попечителнымъ тщаніемъ.

О УСТРОЕНІИ КОРАБЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ ПЕРЬВЫХЪ, И ПОСЛѢДУЮЩИХЪ ПРИХОДЯЩИХЪ ВО ОБЛЕЖАНІЕ ГРАДА ТРОИ, И О ПЕРЬВОЙ БРАНИ.

Перьвое убо уставиша предшествовати кораблей сто, простерши парусы знаменіямъ вѣющимся и хоругвіямъ ратнымъ; таже

въ

въ нихъ городкомъ поставленнымъ, и многимъ браннымъ мужемъ на снитїе готово стоящимъ; по нихъ же послѣдуетъ и другое сто кораблей, и такожде со многимъ опаленія смѣлствомъ во оружіи воины стояху. По нихъ же паки и третїе сто кораблей, въ нихъ же воини зѣло храбры и чудни бяху ко ополченію. Прочїи же корабли по пучинѣ пловуще, уже и бреги зрятъ. Послѣди же и самую Трою егда узрѣша, направльше прямо корабли своя, ко брегомъ ходятъ, и на землю со многимъ желаніемъ снити тщатся.

Трояне же видѣвше корабли оны уже у береговъ своихъ, и бреги въ толицѣ множествѣ кораблей окружени суще, скоро ко оружїю вержутся, не ждавше Княжескаго или Царскаго отпущенія, безчиннымъ течеѣніемъ

ченїемъ на брегъ мо́ря тщатися съ великимъ устремленїемъ рашнаго смѣльства. Греки же видяще толико множество Троянъ въ защищенїе брега пришедшихъ, множеству ихъ дивишася; но вящшимъ удивленїемъ подвигошася, видяще ихъ толь храбрѣ и толь чиннѣ покровенїемъ оружнымъ одѣянныхъ и съ великимъ смѣльствомъ храбрости стоящихъ, вельми удивляхуся: но мнози отъ кораблей многовѣтренною яростїю порѣваеми, о бре́ги сокрушахуся, и многихъ воиновъ Греческихъ море живыхъ поглоти; и кои живи бяху, и на землю снидоша, отъ Троянъ многимъ мученїемъ умерщвляютися, и ближнїе во́ды бре́га кровїю убїенныхъ черленѣются. Н когда бо нигдѣ же чтется, войску коему съ толикимъ нащастїемъ и толикою пагубою на землю врагъ своихъ тако сшедшуся когда. Послѣди же другое

сто

сто кораблей въ тоже мѣсто приходятъ, но не со устремленіемъ; парусы бо своя пригодствомъ многимъ спустивше, мужески земли коснутися понудишася, ихъ же Трояне оружною рукою пріяша, мужественнѣ возбраняюще приступъ ихъ на землю, и множество Грековъ мечемъ убивающе. Тогда въ кораблѣхъ онѣхъ сущіи Грекове, видяще своихъ воиновъ толикое паденіе, и уготовивъ самострѣлы, безчисленнымъ количествомъ и частыми пораженіи стрѣлъ Троянъ отъ брéга отгоняютъ. Самострѣльнаго же ради страха отступльшимъ мало Трояномъ, Греки въ то время изскочивше изъ кораблей, и на кони своя всѣдше на брань вдаются. И сего ради Трояномъ мужески съ ними и крѣпцѣ борющимся, отъ Грековъ Царь Протезилай первый на брань приходитъ, и на Троянъ зѣло муже-

мужески нападаетъ, и крѣпцѣ убиваетъ ихъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ; такожде и воини его силою Царя своего крѣпцѣ борющеся съ Трояны, поле прiобрѣтаютъ. Тогда же Царь Архелай и Царь Протенорь съ корабли своими ко брегу приставаютъ, иже воиновъ и коней своихъ изъемлютъ, и нападше на Троянъ смертно, воинство пренолвляютъ; и того ради вопль велiй и смятенiе зѣльно воста. Отъ обоихъ бо странъ множество много воинъ падаетъ, и воздухъ воплемъ многимъ смущается отъ оскудѣвающихъ въ паденiи. Архелаю бо и Протенору Царемъ, мужемъ храбрымъ, единаче убивающимъ Троянъ, Царь Аскалъ и Царь Агалъ со своими корабли ко брегу присташа: по нихъ же абiе Князь Несторъ со своими корабли такожде ко брегу приста, иже и кони своя изъемлютъ отъ кораб-

лей

лей, и на нихъ всѣдше жаждущимъ серцемъ на брань приходятъ. Трояномъ же противу ихъ напрязающимъ брань острѣйшую, вопль паки велій умножися въ полцѣхъ, сокрушаются же копія, свищутъ по воздуху многія стрѣлы, трепещутъ плещи, падаютъ убиваемые воини, и толь крѣпцѣ уже боряху Греки, яко Троянъ неволею въ бѣгъ понудиша. Но Троянское безчисленное множество, не у еще брани коснувшееся, на Греки устремительнѣ направляются, и брань крѣпцѣ умножаютъ. Преновленнѣй же бывши брани, паденіе паки веліе умножися Грекомъ; толико бо Трояне храбростію силъ своихъ возмогаху, яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, въ бѣгъ обратишася, и бѣжаще на конецъ брега дойдоша, ихъ же Трояне немилостивнѣ сѣчаху. И по истиннѣ вси бы Греки были шу

злѣ

здѣ убіени; аще не бы храбрый Уликсъ Царь со своими корабли ко брегу присталъ, иже абіе воиновъ и коней высадивше на брань приходятъ, и на Троянъ мужески нападаютъ. Воспаютъ же убо Греки въ пришествіе Уликса Царя, творяще крѣпцѣ брань со Трояны, и убійство умножающе. Уликсъ же Царь, яко левъ рыкая, посреди полковъ въ крѣпости оружія, и пораженіемъ копія своего Троянъ крѣпцѣ воюетъ, овыхъ убиваетъ, овыхъ уязвляетъ, овыхъ съ коней низлагаетъ; его же Филименъ, Царь Пафлагонскій, видѣвъ въ толицѣй храбрости ратующа и въ толицѣмъ убійствѣ вредяща Троянъ, копіемъ своимъ крѣпцѣ порази его, и съ коня сверже. Уликсъ же пѣшъ имѣ нужду битися; но Филименъ паки очистивъ копіе свое напряженіемъ жесточайшимъ порази Уликса Царя, да яко сокрушену бывшу щиту его свѣтлыхъ броней

ней пріиде до доскѣ, имѣ же сокрушеннымѣ и разшибеннымѣ сущимѣ, крѣпку язву ему вонзе. Уликсѣ же ниже паденія своего убоявся, ниже отѣ вонзенныя ему раны устрашився, возстаетѣ отѣ землй скоро, и пѣшѣ, яко же бѣ ему мощно, копіемѣ своймѣ на Филимена Царя нападе, и порази его вѣ гортань, и гортанныя жилы его разрѣзавѣ, сѣ коня сверже яко бездушна, его же Трояне на щитѣ положиша, и яко мертва отпослаша во Трою. О мнимой убо смерти Филименовѣ Трояне зѣло смутишася; и аще не бы той случай былѣ нападшій на нихѣ о язвѣ Филименовѣ, то безѣ сомнѣнія бы все войско Греческое сшедшее на землю и воюющее живота своего послѣдняго незгодія плакало бы. Но кѣ сему убо Царь Тоасѣ Италійскій со своими корабли, и славный Теламонѣ со своими корабли, и Менестей,

Аѳин-

Аѳинскій Князь, со своими корабли ко брегу присташа, и на брань исходятъ, и на Троянъ мужески нападаютъ. Тѣмъ же Трояне, толикаго ихъ множества и зѣльнаго ихъ устремленія понести не могуще, падаютъ, и вспять итти невольно понуждени суть. Тогда Царь Персей Ефіопскій изъ града Троянскаго во множествѣ воинъ смѣлъ изыде, и на Грековъ нападши вельми остроумнѣ и мужественнѣ сѣчаше ихъ; въ его же пришествіе Трояне толико воспріяша сильное смѣлство, да яко свѣжи быша въ силахъ, на Грековъ устремительнѣ нападаютъ, и безъ милости убивающе ихъ, на конецъ брега догнаша. Убійство бо умножися Грекомъ веліе и недовѣдомо, и тяжко стѣсненіе нападе на нихъ, и было бы зѣло множае, аще не бы храбрый Паламидъ со своими корабли, и Менелай Царь со

со своими, и Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска властель, со своими корабли ко брегу присташа, иже во множествѣ зѣло храбрыхъ воиновъ исходятъ, и вси брани примѣшаются, и на Троянъ устны меча нападаютъ. Той бо самъ храбрый Паламидъ искорененїе Троянское помышляя, на Сигамона, брата Мемнонова и внука Царя Пергея, иже тогда самъ отъ своея оружныя храбрости дивная творяше, нападе, и вонзивъ въ него свое расcѣкательное копїе, посреди ребръ уязви его, и съ коня сверже угашенна, и оставивъ его обратися на Троянъ, и немилостиво убиваше ихъ. Трояне же падаютъ предъ нимъ, подъяти Паламидова устремленїя не могуще, и въ бѣгство обратишася, путь ему чрезъ полки своя невольно отворяюще; сами же бѣжаще предъ нимъ, отъ меча его погибаху. Вопль же велїй

лій умножися , и сокрушенія Трояномъ лютое приближися ; близъ бо стѣнъ градскихъ ужѐ Трояне бѣжаще пріидоша , но и тамо Протезилай Филардорскій усты меча Троянъ погубляти еще не преставаше. Тогда храбрѣйшій въ воинѣхъ и сильнѣйшій Гекторъ , аки ко гласу вопіющихъ воставъ , изъ града Троянскаго смѣлъ во множествѣ изыде воинъ , пламенемъ яряся возженъ , въ блистающихъ свѣтяся оружіяхъ , и копіе и щитъ нося златою насѣчкою украшенъ , назнаменанъ по образу трехъ львовъ. На Грековъ же сильнѣ находитъ , и разрушивъ полки ихъ не сокрушимою силою брани своея , Протезилаю Царю пріиде встрѣчу , иже Троянъ усты меча своего погубляше непрестанно , и порази его мечемъ голымъ во главу сице , яко отъ верьху главы его разсѣче его на полы даже до сѣда

ла, не защищающу оружїю его. И сея ради вины падаетъ убо славный и храбрый Царь Протевилай угашенъ; но Гекторъ, оставя того, направляется въ частые и многочисленные Греческїе полкѝ, безчисленнѣ убивая ихъ, да яко въ малъ часъ абїе межъ ополчаемыхъ мечь его познавается. Послѣ бо себе множество трупїя мертвыхъ оставляетъ, да яко вси Греки отъ лица̀ его бѣжатъ, пораженїй его смертоносныхъ понести не могуще, и путь ему презъ полки своя невольно отворяютъ. Сами же предъ нимъ падающе лютѣ умираютъ, и въ бѣжденїи своемъ прилѣжнѣ единъ другаго вопрошаше: кто убо есть онъ тако храбрый воинъ, и сице смѣлый оружникъ? и егда многи болѣзненнымъ слухомъ познаша его быти Гектора, сына Царева, всѣхъ храбрыхъ сильнѣйша; тогда мняшеся Грекомъ, оста-

точныя

точныя дни своя кончати отъ него вскорѣ. Солнце же уже обращашеся на вечеръ, егда Гекторъ оружнымъ утомленіемъ нѣсколько утрудився вниде во градъ, и остави прочихъ Троянъ ратоватися со Греки. По отшествіи же его Греки, яко отъ сна убудившеся, отъ страха Гекторова, или яко отъ пьянства люта истрезвившіися паки на ополченіе грядутъ, и брань паки спустиша съ Трояны, но не тако, яко же прежде. Трояне бо паче одолѣваютъ имъ, понеже ужасъ оный въ сердцахъ ихъ пребываше; и того ради на брани изнемогающе падаху предъ Трояны: Трояне же въ велицѣй храбрости смѣльства своего хождаху крѣпцѣ ратующе ихъ. Тогда же храбрый Ахиллесъ съ корабли своими ко брегу приста, иже абіе воиновъ и коней своихъ изведъ изъ кораблей, и на брань приходитъ, и

 нападши

нападши на Троянъ смертно воинство преновляетъ, и немилостивно убивая Троянъ, въ бѣгство абїе обрати ихъ, поле бо оное многими мертвецы постла. Востаютъ убо Греки въ пришествїе Ахиллесово, творяще устремленїе на Троянъ мужески, коихъ сѣчаху бѣжащихъ; вопль же велїй умножашеся отъ паденїя язвенныхъ Троянъ. Потóмъ же и вси корабли Греческїе ко брегу приставше на брань прїидоша, и пагубу Трояномъ велику умножиша, и даже до вратъ градскихъ догнаша ихъ, и ту паче убїйство умножашеся, и было бо зѣло множае, аще не бы храбрый Троилъ, и Парисъ, и Деиѳобъ, сынове Царя Прїяма, изшедше изъ града со множествомъ воинъ помогли Трояномъ, въ ихъ же пришествїе премолче убїйство, и нашедшей нощнѣй сѣни, брань преста. Трояне убо внидоша во градъ, и врата градская

жесто-

жестокими утвердиша запоры. Ахиллесъ же со Греки во мноѕѣй славѣ на брегъ мо́ря приходятъ. Тогда же Царь Агамемнонъ усмотривъ мѣста удобна, повелѣ въ нихъ ставити шатры; не имущїи же шатровъ лачуги новыя соорудиша, и тако вси мѣста для покоя себѣ устроиша въ нощь ону. Трояне же аще и вельми безмѣрну высоту стѣнъ градскихъ имѣша, но верьху ихъ поставиша стражи. Такожде и Греки около войска своего ѕѣло многи огни возжгоша, и остроги поставиша, кождо бо ихъ едини отъ другихъ бояхуся. Сїя убо брань перьвая бысть между Грековъ и Троянъ, егда Греки снидоша на землю.

О УСТРОЕНIИ ПОЛКОВЪ ТРОЯНСКИХЪ ОТЪ ГЕКТОРА.

Прошедшей убо нощи, воспающу же утру, оный бранный

 и храб-

и храбрый Гекторъ о воеводствѣ своемъ пекійся, прежде разсвѣту повелѣ всѣмъ браннымъ вооружатися на нѣкоей площади посреди града, и призвавъ дву отъ сродникъ своихъ, Клаукона, сына Царя Тезея, и Симбора, брата своего, вожденіе перьваго полка предаде имъ. Предаде же имъ, и повелѣ едины отъ вратъ градскихъ отворити, и на поле исходити. Они же пріемше отъ Гектора отпущеніе, исходятъ на поле, и ко Греческому войску остроумнѣ приходятъ. Вторый же полкъ устрои Гекторъ отъ трехъ тысящъ воинъ храбрыхъ; воеводу же имъ далъ Царя Иппоса сильнаго, и повелѣ имъ исходити враты онѣми предреченными, и ко Грекомъ смѣло приходити. Они же пріемше отъ него отпущеніе, исходятъ на поле, и перьвому полку присоединяются. Третій же полкъ Гекторъ устрои,

въ

вѣ немѣ же пять тысящѣ воиновѣ зѣло храбрыхѣ и разумныхѣ. Воеводу же надѣ ними учини Троила, брата своего, и тако рече ему: любимѣйшій брате мой! зѣло ужасаетѣ мя и вѣ недоумѣніе приводитѣ безмѣрное смѣльство сердца твоего. И того ради, вселюбезный мой глаголю ти, да не безсовѣтнѣ послѣдуеши смѣльству сердца твоего, но на бранѣхѣ остроумнѣ да учиниши, да не како врази наши желающе конечнаго паденія нашего о твоей легкости порадуются. Тѣмѣ же нынѣ, любезнѣйшій, сѣ миромѣ да изыдеши и здравѣ да возвратишися, яко же азѣ желаю. Ему же Троилѣ тако рече: любимѣйшій господине мой и брате! стыдѣтися враговѣ нашихѣ аще и неподобаетѣ ми, но отѣ заповѣдей твоихѣ, яко любимѣйшаго ми брата и господина, никогда же уклонюся. И тако пріимѣ

имъ отъ Гектора отпущеніе, скоритъ ко врагомъ. Четвертый полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же три тысящи седьмъ сотъ воиновъ; направляеми же сіи бяху отъ нѣкоего храбра и чудна мужа, именемъ Ефрема, къ сему же полку воеводу постави ратнаго Царя Фригійскаго Ксантиппа, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ на ополченіе. Пятый же полкъ устрои Гекторъ, въ немъ же тысящи пяти стамъ воиновъ повелѣ быти; воеводу же имъ учини Полидама Князя, Антенорова сына, мужа вельми храбра, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ изъ града, и ко врагомъ на ополченіе смѣло приходитъ. Шестый же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же повелѣ быти четыремъ тысящамъ тремъ стамъ воиновъ, воеводу же избра имъ Князя Енея, мужа блогоразумна, и зѣльно чудна,

иже

иже такожде пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ. Седмый же полкъ устрои, въ немъ же повелѣ Гекторъ быти пяти тысящамъ избранныхъ воиновъ. Сіи же воини зѣло искусни бяху въ стрѣляніи изъ луковъ; постави имъ Деиѳеба, брата своего, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ своимъ. Осмый же полкъ устрои Гекторъ, въ немъ же воиновъ избранныхъ и крѣпкихъ мужей десять тысящъ; воеводу же учини имъ Париса, брата своего, ему же бо во слѣдъ съ полкомъ своимъ и самъ мыслитъ пойти. Парисъ же пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ честнѣ изъ града, и ко врагомъ своимъ приближаетися на ополченіе. Девятый же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же такожде избранныхъ и крѣпкихъ воиновъ бысть двадесять и пять тысящъ, ихъ же своему воевод-

ству полагая, веде въ немъ десять братовъ своихъ родныхъ. Самъ же Гекторъ потребными и вѣрными оружiи отвсюду оградився, на конь свой всѣде, иже нарицашеся Галатей, о его же крѣпости, и великости, и красотѣ, и иныхъ его силахъ дивная написа Дарiй. бяше бо Гекторъ по истиннѣ чудный воинъ и крѣпкiй ополчитель, и воинскаго ополченiя мудрѣйшiй воевода и начальникъ. Знаменiе же хоругви его поле бѣ все злато, посреди же его единъ бяше левъ краснымъ цвѣтомъ изображенъ: на конѣ же Гекторъ сѣдяше вооруженъ, и яко же нѣкiй острозрительный орелъ опаснѣ разсмотряя, уловити себѣ желаше нѣкiй вожделѣнный ловъ. Сей ко отцу своему Царю Прiяму тако рече: дражайшiй и любезнѣйшiй господине мой и отче, преславный и великiй Царю! имѣй ты вся своя оставшiяся конныя и

пѣшiя

пѣшія воины, ихъ же всѣхъ твоему воеводству ввѣряю, да будеши пребывая присно у града своего, и прилѣжнѣ соблюдая его, да не како врази наши нѣкоею коварною лестію и лукавствомъ, намъ ратующимся, во градъ нашъ внидутъ, и возмутъ его, и пограбятъ. Но ты сего ради, вселюбезнѣйшій мой отче, воевода буди имъ, преграда смертная, ратуя крѣпцѣ, и смертнѣ вредя ихъ мощію великою силъ своихъ, и намъ же самимъ да будеши во опасное прибѣжище, и въ столпъ правленія, и въ помощь безстрашія. Ему же Царь Пріямъ тако отвѣща: любимѣйшій сыне мой! отнынѣ глаголю ти, яко нѣсть ми въ настоящемъ семъ дѣлѣ въ бозѣхъ помощи, ни на нихъ вѣра, но токмо въ храбрости силъ твоихъ, и въ прозрительномъ твоего ума опасеніи. И тако Гекторъ пріимъ отъ Царя Пріяма

ма отпущеніе, исходитъ изъ града, и вся иныя полки Троянскія прешедъ, и предложивъ себе, быть перьвый на снятіе брани. Жены же благородныя, оставшіяся въ Трои, взыдоша на стѣны градскія вкупѣ съ великою Еленою, да оттолѣ возмогутъ зрѣти бранное ополченіе. Тамо же изыдоша и дщери Царя Пріяма, и многія сомнительныя страхи и помышленія въ сердцахъ своихъ держаху.

О УСТРОЕНІИ ПОЛКОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ.

Сице убо Гекторъ своя полки устрои зѣло добрѣ и разсмотрительнѣ; Царь же Агамемнонъ ослабленъ бѣ или немощенъ во устроеніи своихъ полковъ, и поистиннѣ отъ языка своего 26 полковъ устрои. Перьвый полкъ веде Царь Патроклъ; 2 полкъ веде

веде Царь Мереонъ; 3 полкъ веде Князь Несторъ; 4 полкъ веде Царь Протенорь; 5 полкъ веде Царь Архелай; 6 полкъ веде Царь Теламонъ; 7 полкъ веде Царь Уликсъ; 8 полкъ веде Царь Аноксъ; 9 полкъ веде Царь Селидъ; 10 полкъ веде Менестей, Аѳинскій Князь; 11 полкъ веде Царь Капенорь; 12 полкъ веде Царь Теѳусерь; 13 полкъ веде Царь Умеросъ, 14 полкъ веде Царь Тезей; 15 полкъ веде Царь Филисъ 16 полкъ веде Царь Ксантиппъ; 17 языкъ бѣ нѣкій Царя Протизилая, смерти господину своему желающій; 18 полкъ веде Царь Еписпропъ; 19 полкъ веде Царь Седей, 20 полкъ Царь Алпинорь; 21 полкъ веде Царь Диронъ; 22 полкъ веде Царь Клауконъ; 23 полкъ веде Царь Леонъ; 24 полкъ веде Князь Діомидъ; 25 полкъ веде Царь Менелай; 26 полкъ веде Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска властелинъ.

О второй брани Греческой и Троянской

Полкомъ убо отъ обою страну сице уставленнымъ, себѣ части на поле исходитъ воеватися: но оный сильнѣйший Гекторъ, покоя не терпя, прежде всѣхъ иныхъ конь свой понуди на теченіе, его же яко предощутивъ Патроклъ Царь, иже предреченнаго Греческаго полку перьваго воевода бѣ, въ теченіи коня своего на Гектора воздвигъ копіе свое мужески, и толь крѣпцѣ порази, яко щитъ его же себѣ Гекторъ наложи, сильнѣ порази, и брони его повреди, но до голаго тѣла копіе его внутрь не пройде. Гекторъ же въ насильствѣ раза онаго не трепеща, ниже сомняся, многою теплотою ярости разжеся, не копейнымъ отмщеніемъ поражаетъ его, но извлекъ мечь свой, и толь мощнѣ удари его, яко главу его на двѣ части раздѣли. И

того

шого ради умре Царь Патроклъ, и спаде на землю посредѣ воюющихся. Но Гекторъ видѣвъ его на землю низпадша со оружіемъ, имъ же бѣ Патроклъ облеченъ; восхищенъ бѣ желаніемъ, еже имѣти его, съ коня своего сниде, ничего же бояся, точію хотя обнажити его отъ блистающихся оружій. Но Царь Мереонъ съ тремя тысящами воинъ въ защищеніе трупа приближается, и гнѣвнымъ сердцемъ противу Гектора рече сія словеса: волче хищный и ненасытимый! воистинну бо отъ сего брашна вкусити не возможеши; индѣ подобаетъ ти искати брашна, зане скоро узриши болѣ пяти тысящъ Грековъ, иже на окруженіе единыя твоея главы готовятся, И сице отъ того Царя и иныхъ воинъ бывшу устремленію единодушну на Гектора, низвргнути его на землю сильнѣ мыслятъ, коня его отъ рукъ взяти тщатся,

ся, и уже его на конь свой всѣсти ни какоже оставляютъ. Гекторъ же отъ нихъ себе мужески защищаетъ мечемъ своимъ, у многихъ воиновъ голени и мышцы отсѣкая, и кони ихъ убивая, и въ малѣ часъ пятьнадесять воиновъ уби отъ нихъ. Греки же прилѣжнѣ належаху нань, или его поимати, или коня у него исхитити. Но нѣкій рабъ Гекторовъ, видѣвъ господина своего въ толицѣй бѣдѣ обстоима взя копіе, и скочи на тѣхъ, иже паче иныхъ належаху на Гектора, и порази единаго отъ нихъ, и смерти его предаде: потомъ же скочи и на другаго, и того такожде смерти предаде: и Гектора самого взъятъ на конь учини. Егда же Гекторъ на конь свой взыде, веліимъ гнѣвомъ ярости разгорѣся на Греки, и обиду свою желая на нихъ отмстити, жестоко на нихъ наступи, и мечемъ немило-

немилостивнѣ сѣчаше ихъ; идѣже бо аще обращашеся, тамо множества трупія мертвыхъ по себѣ оставляше. Въ то время брань вельми остра кипитъ между Грековъ и Троянъ, и Трояне Грековъ дивнѣ погнѣтаютъ. Троилъ бо множество ихъ лютѣ побѣждаетъ, и многихъ убиваетъ и ранитъ, и съ коней низлагаетъ, на него же отъ страны Менестей, Князь Аѳинскій, нападе, и копіемъ своимъ порази его, и съ коня сверже, и поимати его хотя, яко да своимъ возможетъ его имѣти плѣнникомъ. Троилъ же себе отъ него мужески защищаетъ; Менестей же поимати Троила весь дыша, силы къ силамъ собираетъ и толико прилѣжаніе показа и трудъ, яко Троила онаго ятъ, и въ прибѣжище свое его вести покушается: но запинающимъ многимъ Трояномъ далече его вести не возможе. Найде нань Поли-

Полидамъ Князь, и мужески копіемъ своимъ порази его, и съ коня сверже, и Троила, сына Царева, отъ рукъ его избави, и на конь взыти учини. Менестей же помощію своихъ на конь восходитъ, и о погубленіи своего плѣнника отчаявся, скачетъ по полкамъ Троянскимъ, крѣпцѣ ратуя ихъ. Брань же зѣло умножашеся, и Трояне Грековъ на брани преодолѣваху, и уже ихъ въ бѣгъ неволею порѣваху. Троилъ бо и Полидамъ съ полки своими соединишеся, немилостивнѣ сѣчаху Грековъ. Тогда отъ страны десныя приступиша на брань Царіе Гречестіи съ полки своими Царь Теламонъ, и Царь Менелай, и Царь Селидъ; такожде и Троянстіи Царіе съ полки своими въ тоже мѣсто приспѣша Царь Ремъ, Царь Седемонъ, Царь Персей, и брань зѣло люту и вельми страшну спустиша; отъ

и обоихъ

и обоихъ странъ безчисленно воинъ падаху; Царь Менелай и Царь Ремъ оба сходятся, и копіями своими сражаются, и оба съ коней своихъ низпадаютъ. Полидамъ же нападе на Мерея, внука Еленина, и Князя двадесять лѣтъ токмо имуща, иже въ цвѣтѣ своего юношества ужѐ воинъ храбрый являшеся: сего Полидамъ сильнымъ ударомъ копія своего тяжко порази, мертва съ коня сверже. Царь же Менелай, видѣвъ его мертва, въ трудѣ велицѣ, такожде и во множествѣ слезъ тѣло его отъ ногъ конскихъ изъя, и къ шатромъ своимъ отосла. Самъ же желая на Троянехъ смерть его отмстити, Царя Рема толь крѣпцѣ порази копіемъ своимъ, яко мертва его съ коня сверже, егоже свои мнѣвше уже угасша, пособія ему никоего же даша, но отъ брани помыслиша отыти, еже и дѣйству предали бы, аще не

не бы Полидамъ удержалъ ихъ не хотящихъ. Они же съ великимъ трудомъ бранным отъ конскихъ ногъ его изъемше и на щитъ положивше , яко мертва во Трою отнесоша. Царь жа Селидъ , иже во вся времена и во вся дни своя всѣхъ человѣкъ ѽбразомъ красоты своея превзыде , о немъ же написа Дарій , яко персоны его , рече , никтоже отъ человѣкъ написати можаше , его же Царица преимѣющую любовію толико любляше , яко паче себе самыя имяше его любима внутреннѣ. Сей же Царь Селидъ на Полидама нападе , хотя его копіемъ своимъ съ коня низринути , его же Полидамъ Князь , многою яростію ражзегшійся , мечемъ голымъ порази , и яко мертва поверже на землю. Въ то же время Гекторъ скача сѣмо и овамо по полкамъ Греческимъ , многое множество Грековъ убиваетъ , и полкъ свой безъ воеводства остави , яко

же

же Дарій написа ; близъ бо тогда Гекторъ тысящи воиновъ уби , и пріиде паки ко своему полку. Брань же горитъ острѣйшая промежъ Грековъ и Троянъ ; и не далече Полидаму отъ Гектора воюющуся , внезапу Менелай и Теламонъ Царіе на Полидама вкупѣ нападаютъ , его же первѣе Теламонъ и Анаксъ найде , и порази его копіемъ своимъ , и съ коня сверже , и силы своя соединивъ Менелай и Теламонъ , Полидама поимаша. Гекторъ же возрѣвъ на ту страну , видѣ Полидама отъ многихъ Грековъ окруженна , и отъ гласовъ вопіющихъ едва услыша низложенна , и въ плѣнъ ведома , иже и разгнѣвався вельми , расторгъ полкй оны , и пріиде къ тѣмъ , иже Полидама вести мысляху , и тридесять ихъ уби : прочіи же Полидама оставльше , въ бѣгъ обратишася. И тако Гекторовою чудною силою Полидамъ

изба-

избавленъ быть отъ Грекъ. Гекторъ же паки къ тѣлу Патрокла Царя прiиде, еще хотя ограбити оружiя его, и сего ради сниде съ коня своего, и за узду единою рукою конь свой држа, начатъ обнажати его. Но Царь Мереонъ паки съ тремя тысящами воинъ нападе на Гектора, и самъ Царь, и сущiи съ нимъ мечи своими паражаху его. Гекторъ же видяще себе быти пѣша, брани же смертнѣ палящей, силы къ силамъ собираетъ, и мечемъ своимъ отъ нихъ мужески себе защищаетъ, и многихъ Грековъ убиваетъ и ранитъ. Но Князь Несторъ со Артилогомъ, сыномъ своимъ, и со иными двѣмя тысящами воинъ Мереону Царю въ помощь прiидоша противу Гектора, и крѣпцѣ боряху его, и коня у него уже отъемше отведоша; Гекторъ же съ ними пѣшъ крѣпцѣ боряшеся. Родныяжъ дѣти

Царя

Царя Прїяма, братїя же Гекторовы, иже въ полку его бяху съ нимъ вкупѣ военодействующе, войско свое видяще аки побѣждаемо, а Гектора не видяще, сходящеся прилѣжно и ищутъ его въ полцѣхъ; и яко къ мѣсту оному приходятъ, узрѣша Гектора пѣша противу толикихъ конныхъ борющася, и вельми ужасошася. Нападше убо на Грековъ зѣло сильнѣ полкъ онъ возмятоша, и въ бѣгство абїе обратиша; Динадаронъ же единъ отъ братїй Гекторовыхъ крѣпцѣ належаше на Грекъ онѣхъ заключившихъ Гектора, и тридесять мужей уби отъ нихъ, прочїи же разбѣгошася. Трояне же приступльше отвсюду, окружиша Гектора; единъ же отъ братїй его, именемъ Симборъ, нападе на Паликсїона нѣкоего Греческаго нарочита и дивна, на нѣкоемъ мощнѣ и сильнѣ жребцѣ ѣздяща, и его копїемъ сво-

ймъ

ѝмъ порази, и на землю сверже, и жребца онаго восхитивъ за узду, Гектору пѣшу біющуся примчалъ, на него же Гекторъ скоро возыде, и нападши на Грековъ съ великою зѣльностію, немилостивнѣ сѣчаше ихъ, о ограбленіи Патрокловѣ уже отчаявся. Греки же не могуще толикаго его яростнаго устремленія терпѣти, бѣжатъ отъ него, онъ же гоня ихъ паки отъ полку своего отлучися. И егда пріиде ему встрѣчу Царь Мереонъ, унесшій у него тѣло Патроклово; тогда Гекторъ гнѣвнымъ словомъ рече ему: о лукавый изрядца! се нынѣ пріиде часъ твой, да достойную мзду воспріимеши за сіе твое злодѣйство, яко Патрокла Царя прехватилъ еси отъ мене напрасно; и по словесѣхъ онѣхъ порази его мечемъ толь мощнѣ, яко главу его на двѣ части раздѣли, и паки обратився на Греки, безъ

конца побѣждаетъ ихъ. Греки же отвсюду обходятъ его, хотяще его убити, въ нихъ же бѣ и Царь Тезей. Сей же Царь Тезей во мнозѣ храбрости свѣтелъ, приближися къ Гектору, и воспоминая ему глаголетъ, да отъ брани изыдетъ, яко да не напрасно погибнетъ; аще ли ни, во всемъ мирѣ толь великій, благородный и храбрый воинъ погибнути возможетъ. Или не вѣси, господине, коликія тысящи Грековъ отвсюду обходятъ тя, хотяще лукавнѣ убити тя? И сего ради щади благородіе твое глаголю ти, да благоволиши возвратитися здравствуя ко своему полку, да не безвременно умреши. Гекторъ же сія отъ него слышавъ, любовныя ему о семъ благодаренія воздаде, и обратився паки ко своему полку здравъ отыде, и вельми удивися человѣколюбію толику Царя Тезея.

бранъ же въ то время палитъ остреййшая , и Трояне Грековъ сильнѣ погнѣтаютъ , Греки же хребетъ дати готовятся. Тогда отъ страны Греческія Царь Теламонъ , и Царь Уликсъ , такожде и Царь Менелай , и самъ Царь Агамемнонъ , соединившеся съ самыми лучшими полки своими , противу Троянъ мужески поидоша , имъ же Трояне въ лицѣ крѣпцѣ сташа. Енея бо и Анаксъ сходятся сердцы ненавистными, и оба съ коней низлагаются. Царь Агамемнонъ и Царь Пандалъ стекшеся , такожде оба съ коней низлагаются. Парисъ же нападе на Царя Фатрійскаго , сестричина Уликсина , и того своими силами погуби : Уликсъ же копіемъ своимъ коня Парисова уби , и паде Парису всадникъ его. Троилъ же Уликса толь тяжцѣ мечемъ своимъ порази , яко верьхъ шлема его сокруши , и съ коня сверже его

его. Царь же Филонъ пріиде на брань въ колѣсницѣ сѣдя, и крѣпцѣ воюя Грековъ, его же Греки ополченія ужасахуся и бѣгаху. Гекторъ же, яко не истовенъ, всѣхъ противу текущихъ ему убиваетъ, его же Менестей, Князь Аѳинскій, видѣвъ толика множества погубляюща Грековъ, отъ страны найде на Гектора, не уразумѣвшу Гектору подвига его, и Гектора копіемъ своймъ тяжцѣ уязви. Самъ же убоявся ярости его далече отбѣже отъ лица его. Гекторъ же ощутивъ себе уязвенна отъ брани отыиде, и язву ону обвязавъ крѣпцѣ, яко кровь отъ нея тещи не можаше, паки пріиде на брань, и стремленію гнѣва его не удержану сущу, яростнѣ нападе на Греки убивая ихъ, яко Греки бѣжаніемъ отъ него спасеніе свое пріобрѣтаху, онъ же толикою яростію развирѣпѣвъ, не милостивнѣ сѣчаше ихъ. Царь же Умеросъ

напрягши лукъ свой, испусти стрѣлу свою на Гектора, и порази его въ лице. Гекторъ же абіе нападе нань яростенъ, и порази его мечемъ голымъ толь мощнѣ, яко тѣло его на двѣ части раздѣли: и сего ради умре Царь Умеросъ, ниже къ тому напрязаетъ лука ниже испущаетъ стрѣлу. Въ то же время Квинтиліанъ, единъ отъ родныхъ сыновъ Царя Пріама Троянскаго, и Царь Модернъ съ нимъ вкупѣ нападаютъ на Царя Тезея, и его изымаша, и поимана убити хотятъ, на нихъ же Гекторъ велегласно возопи, да не вредятъ его и отпустятъ, они же повелѣніемъ Гекторовымъ свободна его пустиша. Онъ же прибѣже къ Гектору, умильная благодаренія ему воздая, и обѣщася ему паки здравіе благородія его соблюдати. И тако Царь Тезей избавленъ бывши ко Грекомъ отыде

Царь

Царь же Тоасъ Италіанскій нападе на Какибула, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма, и его копіемъ своимъ порази, и мертва съ коня сверже. О смерти же Какибуловѣ, сына Царева, Трояне зѣло смутишася, и на Грековъ паче ополчишася, и люте сѣчу умножиша, и Грековъ бѣжати понудиша. Деиѳебъ бо, сынъ Царя Пріяма, паче иныхъ съ полкомъ своимъ убиваше Грековъ лучными стрѣляніями. Тогда же отъ страны Греческія Царь нѣкій, именемъ Тефусеръ, найде на Гектора, и копіемъ своимъ, не уразумѣвшу ему подвига его, Гектора съ коня сверже. Гекторъ же абіе на конь свой взыде, и во отмщеніе на Царя Тефусера броздіе коня своего направляше, онъ же бѣгствомъ спасеніе себѣ пріобрѣте: далече бо отъ зрака Гекторова отбѣже, яко Гектору отнюдъ невидимъ бысть. Гек-

торъ же гнѣва своего сердца удержати не возможе, на нѣкоего чудна Греческаго нападе, и смерти его преда; и паки отлучився Гекторъ отъ своего полка, скачетъ по полкамъ Греческимъ, безчисленно убиваетъ Грековъ, и нѣкоимъ доломъ зайде созади полковъ Греческихъ, и нападе на нихъ, и вельми паче мѣры умножи убійство Грекомъ. Написа бо Дарій, яко послѣ оныя своея язвы Гекторъ болѣ тысящи воинъ уби, и въ толицѣмъ изнеможеніи и малодушествѣ все войско Греческое положи, яко ни единъ бѣ отъ Грекъ имѣя толико смѣльство сердца, еже бы защититися отъ него, ниже самъ Агамемнонъ Царь, всего Греческаго воинства властель и воевода, на брань безъ страха пріити смѣяше. Трояне же силою Гекторовою въ толицѣ смѣльствѣ и дерзновеніи хождаху, яко Грековъ уже всеко-

нечно

нечно въ бѣгство обратившe, лютѣ сѣчаху, даже и до шатровъ ихъ, и нападше Трояне на имѣнія Греческая, шатры ихъ пограбиша, и многое множество злата и сребра, и прочихъ многоцѣнныхъ вещей взяша, и весь ихъ запасъ отъемше, къ своему граду принесоша. Сей день Трояномъ зѣло благопоспѣшенъ на брани случися, и Трояне бы надъ Греки во всемъ обще были побѣдницы; но счастія шуихъ случаевъ кто отъ человѣкъ можетъ избыти? яко же бо аще кто достигнетъ желанія своего, и не можетъ добрѣ содержати его, абіе погубитъ оное паки: или обрѣтъ сокровище, опаснѣ же не восхощетъ управити, яже о немъ, тоже пострaждетъ. Тако бо сотвориша и Трояне, зане данную имъ побѣду надъ враги ихъ отъ раздѣленія своего благодарною рукою не пріяша, но нерадѣніемъ

своимъ отъ нея конечно отпадоша; послѣди же аще и съ трудомъ великимъ поискавше ю не обрѣтоша. Сицево несчастіе случися неблагодарному Гектору, родственнымъ случаемъ ослѣпшему, прочимъ же Трояномъ грабленія не дугомъ омрачившимся, и таково злоключеніе послѣди пострадавшимъ. Повѣмъ же абіе и несчастливаго онаго случая о́бразъ, како сотворися.

Анаксъ нѣкто во Греческомъ ополченіи бѣ чуденъ воинъ, и многія храбрости свѣтлый оружникъ, и зѣльнаго смѣльства крѣпкій ополчитель. Сей Анаксъ видя Грековъ своихъ толикое пагубное паденіе, и всеконечное ихъ отъ Троянъ побѣжденіе, сжалися вельми и крѣпцѣ о нихъ поболѣ душею; и хотя всячески потрудитися за отечество свое, съ тысящію воиновъ нападаетъ на Гектора,

тора, съ таковымъ твердымъ намѣренїемъ, яко да убїетъ Гектора, и смертїю его всѣхъ Троянъ въ сомнѣнїе малодушїя ввержетъ, и Грековъ своихъ отъ толикія ихъ погибели избавитъ. Сего ради на Гектора въ толицѣ ополченїи наступи; Гекторъ же разумѣвъ подвигъ его, ста крѣпцѣ на ополченїе противу его. И сего ради абїе спускается брань промежъ великихъ онѣхъ и толь сильныхъ воиновъ; и егда между себе нѣкая словеса браняся глаголаху, позна его Гекторъ сына быти Ексїонина, сестры Прїямовы, отъ Теламона Царя зачатаго, иже бѣ въ четверокровной степени ему союзенъ. И абїе Гекторъ, оставя оружїе свое, въ лицѣй любви ласкаетъ его и молитъ, да въ Трою прїидетъ посмотрети пространнаго своего града и отечества. онъ же отрицаяся, и спасенїя своихъ Грековъ желая, при-

 лѣжнѣ

лѣжнѣ молитъ Гектора: аще, рече, господине мой и брате, толику любовь имаши ко мнѣ, сотвори любѣзнѣ; прошу благородіе твое, моля съ толикою покорностію сердца моего, благоволи послушати мя о семъ. Повели Трояномъ въ сей день престати отъ брани, и во градъ свой возвратившися, и Грековъ дня сего въ покоѣ оставити. Неблагодарный же Гекторъ поволи сему тако быти, испусти трубный свой гласъ, и повелѣ всѣмъ Трояномъ во градъ возвратитися. Трояне же егда услышаша отъ Гектора сицевое повелѣніе, вся оставльше во градъ возвращахуся, аще и не хотяху. Уже бо Трояне во Греческіе корабли огнь вметаша, и множество кораблей сожгоша, и безъ сомнѣнія вси бы корабли они згорѣли, и сами бы Греки конечно истребилися, аще не бы сицевое повѣленіе изыде, но по трубному оному гласу вси во градъ

градъ, яко побѣдницы, возвратишася.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ

Вшедшимъ же Трояномъ во градъ, и вратомъ въ потребной крѣпости утвержденнымъ бывшимъ, и Трояномъ утѣшающимся о множествѣ грабленаго богатства, вкупѣ же и скорбящимъ о несчастливомъ ономъ случаѣ, къ тому же и о смерти падшихъ на брани Троянскихъ воиновъ, наипаче же о смерти Какибуловѣ, сына Царева, о немъ же и самъ Царь Пріямъ вельми плакася, во утріе Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ Уликса и Діомида посла, на два мѣсяца сроку перемирія просяще. Царь же Пріямъ даде имъ по прошенію ихъ; и перемирію утвержденну

бывшу ; и послы пріемше отпущеніе , отыдоша во страны своя. Царь же Пріямъ о смерти Какибула, сына своего, утѣшитися не можаше, послѣди же во гробѣ ѕѣло дражайшемъ тѣло ого положити повелѣ, и честно погребе. Въ полцѣхъ же Греческихъ о смерти Патрокла Царя, такожде и о смерти Царя Мереона, и Царя Селида, и Царя Умероса, и Царя Фатрійскаго плачь велій бѣ; такожде и о толицѣмъ множествѣ воиновъ Греческихъ многи слéзы излїяшася, и тѣлеса Царей онѣхъ и иныхъ благородныхъ Греческихъ во гробѣ дражайшихъ положиша, и должному погребенію предаша. Прочихъ же воиновъ тѣлеса огнемъ сожгоша множества ради, и пепелъ ихъ снесше въ нѣкїй 'ровъ, тамо погребоша, да не возсмрадится мѣсто оно, на немъ же живутъ Грекове. Ахиллесъ же о смерти Патрокла

ла Царя утѣшитися не можаше, но непрестанно упражняшеся въ рыданіи и слезахъ, поминая его.

О третіей брани греческой и троянской.

Прошедшимъ же днемъ даннымъ въ перемиріе, и приспѣвшу дни бранному, Агамемнонъ Царь въ дѣлѣ своея власти бодре, опаснымъ прилѣжаніемъ вся полкѝ своя устрои, да добрѣ и разсмотрительнѣ пріити имѣютъ на брань.

Первый полкъ поручи Ахиллесу, вторый Діомиду, третій Менелаю, четвертый Менестею Аѳинскому Князю, такожде и вся иныя полкѝ своя благочиннѣ устрои. Гекторъ такожде своя полкѝ во мнозѣ разсужденіи устави. Въ первомъ полку постави

 Троила

Троила, брата своего, и прочихъ воеводъ, многою храбростію свѣтлыхъ мужей яко же обычай бѣ ему бодреннымъ попеченіемъ устроивати. Вскорѣ убо оный бранный и храбрый Гекторъ изъ вратъ градскихъ ужѐ исхождаше, и на поле свободно пріиде. Перьвѣе противу Ахиллеса на подвигъ вниде, его же добрѣ познавъ, дается съ нимъ на сятіе брани, и единъ противу другаго коня своего вопусти на теченіе, и егда оба мужески стекшеся, и единъ другаго поразиша коніи своими, и оба съ коней низлагаются; крѣпкій бо крѣпкаго порази, оба вкупѣ и падоша; но Гекторъ перьвый на конь свой взыде, Ахиллеса оставляетъ, и дается въ полки, большую часть предтекущимъ ему убиваетъ, иныхъ же ранитъ, иныхъ лютѣ низлагаетъ съ коней, и силою своея мощи вси Греческія

скія полкй разрушаетъ, и разшибаетъ, идѣже хощетъ, и Греческою кровію омоченъ ѣздитъ, поражая всѣхъ противу текущихъ ему мечемъ голымъ лютѣ. Ахиллесъ же не по мнозѣ часѣ отъ землй воставъ, на конь свой взыде, и обратився на Троянъ, такожде многихъ убиваетъ, и ранитъ и съ коней низлагаетъ скача по полкамъ Троянскимъ уязвляетъ, донелѣже паки встрѣчу пріиде Гектору тогда наскочивъ скоро единъ на другаго въ крѣпости конной сразишася, но Гекторъ толь мощнѣ Ахиллеса порази, яко копіе свое на многія части сокруши. Ахиллесъ же на конѣ себе держати не могій, съ коня низлагается, и на землю паде. Гектору же изымати хотящу коня Ахиллесова, сопротивніи мнози на Гектора наскакаху. Ахиллесъ же помощію своихъ на конь восходитъ, и Гектора мечемъ

чемъ голымъ толь мощнѣ порази, яко Гекторъ нужею потрясеся, но въ силахъ своихъ мышцъ едва возможе удержатися въ седлѣ. Гекторъ же о семъ много болѣзнію яростію разжегшися, мечемъ голымъ тремя разы разъ разу прилагая, по шлему удари Ахиллеса сице, яко по лицу его потоки кровніи потекоша. Смертну убо брань оба вкупѣ творятъ; и аще бы долго въ той самой брани пребыли, или единъ другаго убилъ бы, или оба другъ друга нѣкако погубили бы. Нашедшимъ же воиномъ отъ полковъ обѣихъ странъ едва ихъ межъ собою разлучиша. Тогда же отъ страны Греческія пріиде онъ бранный Діомидъ Князь многими людьми подкрѣпленъ. Противу же его Троилъ съ полкомъ большимъ на брань приступи: Діомидъ же и Троилъ оба ратуяся сходятся, и оба съ коней своихъ вержутся, но Діомидъ

перьвый

перьвый на конь свой взыде, и Троила сына Царева, стояща пѣша, толь мощнѣ удари мечемъ во главу, яко кругъ шелома его сокруши. Троилъ же въ крѣпости силъ своихъ Діомидова коня уби, и оба пѣши ополчаются. Греки убо Діомида, Трояне же Троила взыти учиниша на кони и оба на конѣхъ паки ратуются; но Діомиду убо во мнозѣ силѣ превозмогающу, изыма Троила, и поиманна въ шатры своя вести покушашеся. Запинающимъ же многимъ всадникомъ, далече вести его не возможе. Наступивше бо во мнозѣ силѣ Трояне, исторгоша Троила отъ рукъ держащихъ его, и на конь взыти учиниша, и брань умножиша Трояне и Греки вельми жестоку, отъ обоихъ бо странъ веліе множество падаетъ воиновъ язвенныхъ и убіенныхъ, паче же отъ Грекъ. Трояне же дивнѣ утѣсняютъ ихъ, наипаче Гекторъ

безъ

безъ милости убиваетъ всѣхъ противу текущихъ ему. И егда прiиде ему въ стрѣчу нѣкiй Греческiй дивный воинъ, именемъ боетесъ, и въ силѣ своей смѣлъ на Гектора нападе; тогда Гекторъ толь мощнѣ его мечемъ голымъ порази во главу, яко отъ верька главы разсѣче его напольы даже до пупа, не защищающу оружiю его. Царю же Артилогу, боетесову сроднику, то видящу, желаше вельми смерть сродника своего отмстити, и жестоко на Гектора наступи, на него же Гекторъ сильнѣ нападе, и мечемъ голымъ тѣло его на двѣ части раздѣли. Царь же Протеноръ смѣльствомъ направнымъ ведеся, и отъ страны найде на Гектора. Не уразумѣвшу же сему подвига его, съ коня его сверже. Гекторъ же многимъ гнѣвомъ ярости разжегся, и абiе на конь свой взыде, и на Царя Протенора

нападе

нападе мечемъ голымъ, и толь мощнѣ его порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Се же видѣвше Греки, вельми ужасошася, и оставльше полѣ въ бѣгство обратишася. Трояне же немилостивно сѣкуще ихъ, даже до шатровъ ихъ гоня пріидоша, нощь же найде и брань преста.

О ЧЕТВЕРТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Зракомъ убо человѣческимъ мраку приходящу, и звѣздамъ по небу всюду отверстымъ, уже нощь запинаетъ зрящихъ во мрацѣ, и ради своея темноты малъ свѣтъ открыша. Тогда Царіе и Князи Греческія къ шатру Агамемнона Царя вси снидошася, и многія совѣты о смерти Гекторовѣ испыташа, како его убіютъ; рѣша бо, яко той есть единъ Троянскій

янскій защитникъ крѣпкій, и Греческій вредитель смертный, и донелѣ же Гекторъ отъ сего житія не оскудѣетъ, то поистиннѣ убо Трояне никако же могутъ повредитися. И на семъ совѣты своя утвердиша, яко да хотѣніе сего дѣла Ахиллесъ нася воспріиметъ, еже убити его; не токмо бо своими силами, но паче остроумнымъ своимъ промысломъ да скончаетъ того, еже Ахиллесъ любезно нася воспрія, зане ему сіе дѣло паче иныхъ пристоитъ, яко извѣстно вѣсть Гектора на смерть его всячески дышуща; и аще себе Ахиллесъ не побережетъ отъ него, то легко поистиннѣ отъ рукъ его смертію умретъ. И убо о семъ скончану бывшу совѣту ихъ, вси въ шатры своя возвратишася, нощнаго ради покоя. Утру же бывшу, Греки паки препоясуются на браиь, зане онъ сильнѣйшій Гекторъ покоя не терпя

изъ

изъ вратъ градскихъ уже исхож-
даше съ полкомъ своимъ, по немъ
Троилъ скоро последова, по немъ
Парисъ, по немъ Деиѳебъ, по немъ
Полидамъ, по немъ Царь Ипонъ,
потомъ же и вси Царіе съ полки
своими изыдоша, яко же написа
Дарій, яко въ той день Троянъ
сто и пятьдесятъ тысящъ на
брань изыдоша. Отъ Грековъ же
первѣе исходитъ Ахиллесъ, по-
томъ Діомидъ, потомъ Царь То-
асъ, потомъ Царь Теламонъ, по-
томъ Царь Менелай, потомъ и
самъ Царь Агамемнонъ со множе-
ствомъ зѣло бранныхъ воинъ изы-
доша на ополченіе, и брань спу-
стивше велику; падаютъ сѣмо
и овамо умерщвленніи. Гекторъ
же многихъ Грековъ убиваетъ
и ранитъ и уязвляетъ; Ахил-
лесъ же и Царь Тоасъ вкупѣ на-
ступаютъ на Гектора, и съ ко-
ня его низлагаютъ, и коня у
него отъемлютъ. Гекторъ же на
своихъ

своихъ мощнѣ возопи, да не оставятъ коня его отвести: они же о прїобрѣтенїи коня его брань велику умножиша, и многихъ Грековъ посѣкоша, и коня его у нихъ отъемше. Ахиллесъ же и Царь Тоасъ крѣпцѣ на Гектора належаху убити, и частыми своими пораженїи мечными шлемъ его на главѣ сокрушиша, и во многихъ мѣстѣхъ поразиша его, отъ нихъ же потоки кровни течаху. Гекторъ же мечемъ своимъ отъ нихъ защищаяся, Царя Тоаса въ лице порази, и половину носа его отсѣче. Родныя же братїя Гекторовы на помощь ему усердно скорятъ, дивнѣ Грековъ утѣсняютъ, Царя Тоаса плѣнятъ, Царя Телямона смертнѣ уязвляютъ, Ахиллеса же съ коня низвергаютъ, и Царя Тоаса поиманна во градъ Трою съ Деиѳебомъ послаша. Въ той день сынове Царя Прїяма дивная содѣяша своею храбростїю

бростїю многихъ Грековъ убивающе, и многихъ Царей ихъ побѣждающе. брань же въ то время была острѣйшая. Гекторъ бо помощїю братїи своея на конь взыде, и безчисленно Грековъ убиваше. Дїомидъ же на Енею нападе, и перьвѣе словесы рече ему: радуйся, добрый совѣтниче, давый о мнѣ Царю Прїяму добрый совѣтъ; и се нынѣ воспрїимеши отъ мене достойную мзду твою, и порази его копїемъ своимъ и съ коня сверже, на него же самого Гекторъ нападе, и съ коня сверже, Менелай же прїиде встрѣчу Парису, иже оба тогда истинно познашася, и Менелай устремися нань, абїе хотя поразити его копїемъ своимъ; Парисъ же уразумѣвъ подвигъ его, напряже лукъ свой, и испусти стрѣлу свою нанъ и порази его въ лице. Менелай же паде на землю, его же свои вземше на щитъ положиша,

и

и въ шатры его отнесоша : но въ той часъ абіе рану его обязавше, мастію нѣкоею уврачеваша болѣзнь его. По семъ паки на конь свой взыде, и на брань пришедъ Париса ищетъ, хотя ему яростію мстити. Обрѣте же паки Париса, и нападе нань яростенъ, хотя копіемъ своимъ убити его, еже и легко моглъ бы сотворити, понеже въ то время Парисъ не вооруженъ бѣ, самъ бо волею своею оружіе съ себе совлече, и сего ради Енея щитомъ своимъ его отъ копія Менелаева защити, и во градъ его проводи, да не како повредитъ его Менелай. Гекторъ же Грековъ сильнѣ озлобляетъ, и разрушаетъ вельми крѣпость ополченія ихъ. Такожде и прочіи Трояне крѣпцѣ ратоваша ихъ, да яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, въ бѣгство обратишася. Трояне же въ тылъ

секуще

сѣкуще ихъ, даже до шатровъ ихъ гоняще пріидоша, нощь же найде и брань преста. Трояне же вшедше во градъ, и врата градскими замками утвердиша.

о совѣтѣ царя пріяма.

Утру же бывшу, Царь Пріямъ устави въ той день не воеватися, но сыновъ своихъ къ себѣ призвати повелѣ, имъ же пришедшимъ, и по чину на мѣстѣхъ своихъ сѣдшимъ, Царь Пріямъ рече къ нимъ сицевая словеса. Вѣсте бо, како Царя Тоаса темница наша держитъ заключенна, и праведно быти мню, да злою смертію онъ казнимъ будетъ отъ насъ, и что ми о семъ возвѣстите, да слышу? Тогда первѣе всѣхъ Енея нача глаголати Царю: ни господи мой великій Царю, да не низпадетъ къ толикому грѣ-

жу благородіе твое, еже озлобити Царя Тоаса; извѣстно бо вѣси, яко Царь Тоасъ отъ большихъ Греческихъ есть, занеже и вы сами великій Царю, имате ближнихъ своихъ, на бранѣхъ пребывающихъ, и аще ключится коему отъ нихъ восхищенну быти Греческими руками, Грекове же тогда будутъ мстяще обиду свою, таковою же казнію озлобятъ ихъ, и нанесутъ величеству благородія твоего укоризну велику, и печаль нестерпиму; но праведно есть Царя Тоаса блюсти, и аще случится имъ такожде изыматися отъ Грекъ, то убо могутъ поистиннѣ благотворнымъ пріобрѣтеніемъ размѣнитися. Гекторъ же совѣтъ Енеевъ яко благоискусенъ вельми похвали. Царь же Пріамъ еще въ мысли словесъ своихъ пребывая, тако рече: да аще мы сотворимъ по словесемъ вашимъ,

и оставимъ жива Царя Тоаса; то убо абіе Греки вознепщуютъ насъ быти страхомъ пораженныхъ, и яко не имѣющихъ смѣльства врагомъ своимъ мстити. Тогда вси вкупѣ рекоша: праведно есть великій Царю, аще благоволитъ благородіе твое сотворити по словесемъ Енеевымъ: тогда Царь Пріямъ склонился и самъ къ совѣту ихъ, и повелѣ всякое прилѣжаніе показовати Царю Тоасу, въ темницѣ сѣдящему, и соблюдати его. Греки же о шкодахъ своихъ, и о убійствѣ ихъ отъ Троянъ злѣ зѣло въ молчаніи тужахъ, и глаголютъ себе велїимъ буйствомъ быти одержимыхъ, иже къ толь тяжкимъ неъгодіемъ Парфонъ ихъ и вещей дати себе восхотѣша. Тоя же нощи небо облечеся мрачными облаки, и многими дожди, и быша вельми страшни громи и блистанія, и того горши

 паче

паче яко пріиде буря зѣло страшна и велика, яко вся ихъ шатры и кровы отъ земнаго стояянія исторже; тѣмъ же Грекомъ веліе и болѣзненно и трудно въ ту нощь найде спѣсеніе.

О пятой брани греческой и троянской.

Послѣди же отбѣже тьма, и на обѣщчицы ихъ предреченныя бури; и бывшу утру свѣтлость ясна явися, яже всей земли лице просвѣти. Греки вкупѣ ко оружію текутъ, зане онъ сильный Гекторъ, покоя не терпя, изъ вратъ градскихъ уже исхождаше, и на поле свободно пріиде, по немъ же изыде Парисъ, потомъ Троилъ, потомъ Деиѳобъ, потомъ Антеноръ, потомъ Енеа, потомъ Полидамъ, и даже до Греческихъ остро-

остроговъ съ полки своими пріидоша на брань. Отъ Грековъ же перьвѣе Царь Антенор на Гектора наступаетъ, его же Гекторъ скоро уби, потомъ же на Греки сильнѣ нападе, и многихъ убиваетъ и ранитъ, и съ коней низлагаетъ, яко же обычай бѣ ему. Тогда же отъ страны Греческія два брата Царей, единъ отъ нихъ зващеся Епистропъ, а другій Седей на брань вдаются, и на Гектора наступаютъ, и перьвѣе Царь Епистропъ жестоцѣ Гектора копіемъ своимъ порази, но изъ сѣдла не возможе его изяти. Гекторъ же мечемъ голымъ толь мощнѣ порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Царь же Седей видѣ брата своего Царя Епистропа мертва, болѣзнію многою стѣсняется, тысящу воиновъ къ себѣ призываетъ, и молитъ ихъ, да съ нимъ Гектора поженутъ и убіютъ, яко да о смерти бра-

 та

та своего желаемсе возможетъ наслѣдити отмщеніе, ниже закоснѣвше оніи воини со Царемъ своимъ абїе нападаютъ на Гектора, и его съ коня низлагаютъ; но Царь егда простеръ руку, хотяше Гектора мечемъ своймъ поразити, Гекторъ же мечемъ своймъ Царя Седея по оной руцѣ удари, ею же мечь держаше, яко руку его отъ плеча родственнаго состава отдѣли, и скоро его уби, самъ же абїе на конь восходитъ, и на Грековъ паки нападаетъ убивая ихъ. Ахиллесъ же въ то время Царя Иппона уби, и Троянъ сильнѣ побѣждаетъ. Енеа же тогда Царя Амѳимака ополчающагося уби, а Дїомидъ нападе на Царя Ксантиппа, и того своими силами погуби. брань же кипитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, а Греки въ бѣгство порѣваются: Гекторъ же въ то время паки двухъ Царей Грече-

Греческихъ уби, Царя Алпинора и Царя Динора. Грецы же яко побѣждены суще падаютъ предъ Трояны, и мертвецы своя въ падении ономъ умножаютъ, наипаче же еще найде имъ тяжчайшее падение сего ради, яко въ то время Царь Епистропъ изъ града Троянскаго съ пятію тысящи на брань пріиде, и приведе съ собою на ополченіе нѣкоего стрѣлца видомъ дивна; въ низъ бо бяше конь отъ пупа, а въ верьхъ человѣкъ, и всюду бѣ покровенъ, яко въ верьху тако въ низу урожденными на немъ власы конскими: лице же его аще и человѣческаго подобія, но все бѣ червленно, аки угль зажженъ, и конское отъ устъ изношаше ржаніе, очи же его бѣша свѣтлѣе огненнаго свѣта, зане два пламени огненныя подаваху, тѣмъ же зрящихъ ихъ вельми страхъ и ужасъ обіятъ. Сей же стрѣлецъ ни единымъ оружнымъ

нымъ защищенїемъ бѣ сдѣянъ, съ единымъ своимъ лукомъ, и съ единымъ сайдакомъ полнымъ стрѣлъ на брань вниде, въ его же пришествїе и кони воюющихся зѣло устрашишася; но помогающе всадники ихъ многими подстрѣканїи острожными ударяху ихъ, они же вспять идяху, и во внезапное восхищахуся бѣгство: стрѣлецъ бо онъ скача по полкамъ множество убивая Грековъ, Греки же бѣжаще предъ нимъ въ шатры своя спѣшатъ, ихъ же Трояне усты меча погубляютъ. Дїомидъ же бѣжа къ шатромъ своимъ ускоряше, его же стрѣлецъ устремительно гоняше, нужда бо бѣ Дїомиду велїя, да не хотя и сомняся на стрѣльца нападе предъ шатромъ нѣкїимъ, стрѣлецъ же Дїомида егда стрѣлою своею порази, но не тяжко его вреди; вооруженъ бо бѣ. Дїомидъ же его мечемъ голымъ толь мощнѣ порази,

рази, неоруженна суща, яко мертва поверже на землю. Тогда паки Греки страхъ ужаса онаго отрясше, на Троянъ мужески обращаются, и поле съ ними поставляютъ. Трояне же съ ними сильнѣ сѣкущеся, брань паки умножаютъ, и въ то время Антенора мужа избраннѣйша и въ хитрости ополчимой чудна, и тѣмъ добрѣ стройна Греки изымаша, и въ страны своя отведоша, и въ той убо день отъ самого утра, и до вечера крѣпцѣ брань Трояне и Греки сотвориша, нашедшей же нощной сѣни, отъ брани преставше разыдошася.

ГРЕКИ ПОСЛАША ПОСЛЫ СВОЯ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, ПРОСЯЩЕ НА ДВА МѢСЯЦА СРОКА ПЕРЕМИРІЮ.

Въ послѣдующій же день Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму

 пословъ

посдовъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія просяще. Царь же Пріамъ даде имъ по прошенію ихъ, и перемирію утвержденну бывшу, Греки убо во градѣ безъ опасенія вхождаху и исхождаху, такожде и Трояне во Греческія станы не боящеся прихождаху и возвращахуся. Во единъ же отъ дней Гекторъ ко Греческимъ шатромъ пріиде во множествѣ своихъ благородныхъ, его же Ахиллесъ любезнѣ узрѣ, и прилѣжнѣ моляше Гектора, да въ шатеръ его внидетъ. Гекторъ же послуша его и вниде къ нему; Ахиллесъ же радостно пріятъ его и сѣдоша, и многія словеса о нѣкіихъ между себе глаголаху.

Послѣди же Ахиллесъ Гектору рече сицевая словеса: Гекторе, Гекторе! любезно ми есть, яко вижду тя днесь безоружна, и зане безъ оружія никогда же моглъ тя видѣ-

видѣти, но любезнѣе мнѣ было бы, аще бы еси отъ рукъ моихъ смертію умерлъ, яко же азъ желаю: азъ бо въ силѣ твоея крѣпости ощутихъ ю во изліяніи крови моея, и въ частыхъ пораженіяхъ меча твоего. И убо о семъ мысль моя многою болѣзнію пострекается, но большимъ сраженіемъ сражается о томъ, яко Патрокла Царя, сердечнаго ми друга, смерти предалъ еси погублена, его же азъ сердечною любовію себѣ союзихъ, разлучилъ мя еси отъ него; и сего ради смерть Патроклова жестоцѣ и лютѣ отмстится на тебѣ самомъ, къ тому же еще и вѣмъ тя всячески на убійство мое дышуща, еже погубити мя лютѣ. И тако Ахиллесъ рѣчи своя скончa. Ему же Гекторъ сице отвѣща: господине Ахиллесъ, аще азъ на твою смерть яростнѣ дышу, и ненавижду тя всѣмъ

сердцемъ моимъ, что дивишися о семь? праведно бо творю. Како бо азъ любити того могу, иже мя въ ненависти имать главной, зане въ скрежетаніи толикія валки воевати мя дерзнулъ еси; отъ вражды бо любовь произыти не можетъ, но паче гнѣвъ умножается, и злопомнѣніе изобилуетъ; любовь бо отъ мысленнаго согласія нача́ло водитъ, а отъ ненависти вражда исходитъ, ей же мати есть валка. Сію убо ты паче еще въ землѝ своей бывъ въ сердцѣ своемъ воспиталъ еси, и пришелъ еси раззоряти отечество чужее, и се явѣ дѣломъ свои́мъ обличился, яко еси враждотворецъ, а не истинный добротворецъ, къ тому же еще и не правдолюбецъ и не разсудителенъ, яко се вину написуеши, что убихъ азъ врага моего, Патрокла Царя, ищущаго главы̀ моея, къ тому же и пре-

титель

тительными своими словесы, аки нѣкоего младенца устрашити мя мыслиши, да ужаснуся словесъ твоихъ, и бездѣленъ въ ратоборствѣ буду, и неключимъ во ополченіяхъ явлюся, страхомъ твоимъ согроженъ бывъ отвсюду, и малодушіе свое явивъ вконецъ непотребенъ покажуся. То бо есть намѣреніе ума твоего, яко же непщую быти, господине. По истиннѣ бо глаголю ти, яко прещеніе твое отнюдъ не устрашитъ мя, ниже словесъ твоихъ ужасаюся, но паче и ругаюся толику суетну уму таковая неподобная родившему словеса. Возвѣщу же ти, да извѣстно разумѣеши, яко аще азъ самъ на два лѣта еще живъ буду, и укрѣпится мечь мой, уповаю въ силѣ моея мощи, яко не токмо ты единъ, но и вси Царіе и Князи Греческія, иже противу мене воюютъ, отъ меня горькою смер-

тїю злѣ поляжете, не воспоминающе будете къ тому смерти Патрокловы, сами злѣ умирающе въ землѝ чуждей, яко да научатся и прочїи потóмъ родове Гречестїи не раззоряти лукавнѣ отечествъ чужихъ. И что много глаголю, яко аще тя толико смѣльство крѣпости понуждаетъ, да противу мене мниши въ силахъ своихъ возмощи; то сотвори, да вси Царїе и Князи Гречестїи дадутъ совѣтъ о семъ и руку держатъ не ослабно, составленнѣ бывши брани между двоихъ насъ токмо: и аще тебѣ случится побѣдити мя, то самъ азъ и родители мои отъ сего царства и отъ прочихъ нашихъ вѣчно отступимся, и царствїя наша владычеству Греческому предадимъ. И сего ради колико богатство и честь и славу хвалы единымъ симъ подвигомъ прїобрѣсти можеши? аще ли же мнѣ

ключится

ключится побѣдити тя, то сотвори, да вси Царїе и Князи отъ сея земли нашея отступятъ во своя отечества, и насъ въ покоѣ оставятъ отъ трудовъ бранныхъ. Ахиллесъ же къ словесемъ Гекторовымъ весь гнѣвомъ разжегся, яко весь мокръ бысть росою потною, брань прїемлетъ смѣло, и ко Гектору приближився, въ знамя крѣпости мечь ему приноситъ; Гекторъ же сїя любезнѣ прїемлетъ. И егда сїя услышаша Царїе и Князи Греческїи, стекошася къ шатру Ахиллесову, не хотяще сего утвердити, еже Ахиллесъ безсовѣтно себя на брань вдаетъ: не подобаетъ бо, рекоша, толикимъ Царемъ и Княземъ о побѣдѣ единаго воина славитися, ниже побѣжденїя его ради всѣмъ укореннымъ быти. Такожде и Трояне сему быти не изволяютъ, кромѣ единаго Царя Прїама; той бо единъ соизволя-

ше

ше на се, занеже ему мощь и сила Гекторова добрѣ знаема бѣ; но не сотворися тако, яко же хотяше. Тогда же Царіе Гречестіи естнѣ Гектора отпустиша, и тако отыде во градъ.

О ШЕСТОЙ брани греческой и троянской.

Егда же срокъ перемирія сего конечно минулъ, тогда паки Трояне и Греки на брань препоясуются, и на ополченіе изыдоша, и брань спустивше жестокую, сѣчу умножиша вельми ужасную. Отъ утра бо даже и до самыя нощи воевахуся; нощь же найде и брань разлучися. По тридесять же дней непрестанну брань Трояне и Греки твориша, и отъ обоихъ странъ безчисленное множество воинѣ падоша: паче же отъ Троянъ, зане въ тѣ дни Грекомъ

комѣ на брани лучшая часть бѣ. Отъ сыновъ же Царя Пріяма шесть бѣ убіено въ тыя дни на бранѣхъ.

О ПОСЛАХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, ПРОСЯЩИХЪ НА ТРИ МѢСЯЦА СРОКУ ПЕРЕМИРІЯ

Во оно же время, въ неже Грекове пословъ своихъ посылаютъ ко Царю Пріяму, Калкасъ Троянскій жрецъ, [онемже многажды выше речено бысть, яко остави Троянъ и Грекомъ прилѣпися во островѣ Дельфѣ,] молитъ Царя Агамемнона и прочихъ Греческихъ Царей, да испросятъ у Царя Пріяма дщерь его оставшуюся во Трои. Послы же Греческія пришедше во Трою, моляху Царя Пріяма, да дастъ имъ на три мѣсяца сроку перемирія. Царь же Пріямъ по прошенію ихъ даде срокъ

срокъ перемирія, и утвердиша его. Потомъ же послы молиша Царя Пріяма, да повелитъ отъ плѣненія свободити Царя Тоаса, и возметъ себѣ въ премѣну за искупленіе его Князя Антенора. Царь же Пріямъ поволи и сему тако быти. По семъ же послы паки моленія многія ко Царю Пріяму о Брисандѣ принесоша, да повелитъ ея отдати отцу ея, Царь же Пріямъ на размѣну Антенорову, и Царя Тоаса и Брисанду Грекомъ свободилъ. И тако абіе Царь Тоасъ избавляется отъ Троянъ, а Антеноръ свобождается отъ Грекъ. Пріемше отпущеніе послы, взяша Тоаса Царя и возвратишася въ станы своя.

Во утрій же день Брисанда повелѣніемъ Царевымъ на путь преполсуется, юже Троилъ и иніи благородніи Троянстіи путемъ

отъ

отъ града далече проводиша : Гре-
честіи же благородніи пріидоша
въ пріятіе ея , и пріемше ю отъ
Троянъ отыдоша къ шатромъ сво-
имъ. Троилъ же и прочіи благо-
родніи возвратишася во градъ , и
егда пріидоша въ страны Грече-
скія , и возвѣстиша Агамемнону
Царю пришествіе брисандино ,
тогда Царь Агамемнонъ повелѣ
призвати всѣхъ Царей и Князей
Греческихъ , и абіе снидошася вси
къ нему , и сѣдоша на мѣстѣхъ
своихъ. Тогда пріиде брисанда
предъ лице Агамемнона Царя и
прочихъ Царей , и пришедъ покло-
нися имъ ; они же повелѣша ей
принести мѣсто позлащенно , и
повелѣша ей сѣсти , и видѣвше
Царіе толикую красоту ея , по
премногу дивишася , и вопроша-
ху ея о Царехъ и о градѣ , и о
обычаяхъ народа. Она же ѕѣло
яснѣ и честнѣ возвѣщаетъ имъ ,
они же вельми удивишася красо-

тѣ

тѣ лица ея, и остроумію словесъ ея, и многими дары одариша ю, и отпустиша. Егда же она пріиде въ шатеръ отца своего, на того жестокими словесы приходитъ во множествѣ слезъ глаголя ему сице: како, отче мой, обуянъ бысть умъ твой, иже прежде толикою процвѣтая мудростію, во Троянѣхъ паче прочихъ вознесенъ и возвеличенъ, и господь имъ былъ еси; нынѣ же учинился еси имъ лукавый изрядца, и отверглъ еси отечество свое и градъ, въ немъ же родился, и въ немъ же толико время былъ еси славенъ, и приступилъ еси ко врагомъ ихъ? Лучше бы было намъ, дражайшій отче, жити въ мѣстѣ пустыннomъ, или въ лѣсахъ непроходимыхъ пребывати, нежели между толикихъ человѣкъ толикимъ студомъ очернятися безславнымъ. Или мниши, драгій отче, яко Греки вмѣнятъ тя быти вѣрна,

иже

иже еси своему отечеству показался явной невѣжца? Поистиннѣ прельстиша тя Аполлоновы лживыя отвѣты, отъ нихъ же глаголеши, яко отвѣтъ воспріялъ еси, оставивши отечество свое, и прилѣпитися ко врагомъ своймъ: не мню воистинну быти, яко той Аполлонъ богъ бѣ, но паче мню его сообщника быти адскихъ неистовствъ. Въ сихъ Брисанда многими печальми побѣждена бывши, плачевную рѣчь свою скончa; ей же отецъ ея Калкасъ вкратцѣ нѣкіихъ словесъ отвѣща: любимѣйшая, рече, дщи моя! кто отъ человѣкъ можетъ сопротивитися власти и повелѣнію боговъ? азъ бо не самоизвольно оставихъ мое отечество, но повелѣнію власти ихъ послѣдуя; неложно бо отъ устъ ихъ воспріяхъ, яко градъ Троя въ краткое время падетъ, низложеннымъ бывшимъ славнымъ его, и

всѣмъ

всѣмъ людемъ усты меча пожерты́мъ. И сего ради лучше есть намъ, любимѣйшая дщи моя, въ земли чуждей добрѣ жити, нежели во своемъ отечествѣ злѣ умрети. Сія слышавъ словеса отъ отца своего брисанда умолче; и не у тому дни въ часы уклонѣшуся вечернія, брисанда ново начала измѣняти свое изволеніе, и ветхія умыслы нача забывати, и уже годѣ ей быть со Греки, нежели доселѣ бывшей съ Трояны, и въ краткокъ часъ премѣнившись начала во всемъ притворятися. Кто бо аще речетъ что о постоянствѣ женскомъ, имъ же аще едино око слезитъ, другое же смѣется око сопротивнѣ? и сего ради поистиннѣ буй тотъ разумѣтися имать, иже въ ласканіи женскомъ вѣру емлетъ, и показаніемъ ихъ прелестнымъ вдается. Кто можетъ лести ихъ написати, и многая ихъ измѣнная

мѣнная лукавая умышленія изглаголати?

О СЕДЬМОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ

По прошедшихъ убо трехъ мѣсяцахъ срочныхъ, днѣхъ въ перемиріе, оба войска на брань готовятся, и учиненымъ Троянскимъ отъ Гектора полкомъ, самъ Гекторъ на брань первѣе изыде, водя съ собою пятьнадесять тысящь воиновъ, ихъ же своему вмѣнилъ полку, ему же со иными десятію тысящи Троилъ скоро последова, потомъ Деифобъ; потомъ Енея, потомъ Полидамъ, потомъ Царь Ремъ потомъ Царь Седеменъ съ полкѝ своими, и въ той день Троянъ сто пятьдесятъ тысящъ на брань изыдоша. Отъ Грековъ же первѣе Ахиллесъ съ седьмію

седьмїю тысящами воинъ выступилъ на брань; по немъ Дїомидъ съ толикими же, потомъ Менелай Царь съ толикими же, потомъ Теламонъ Царь съ толикими же, потомъ Царь Ксантиппъ съ толиками же, потомъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воинъ. Отъ Грековъ же Царь Филисъ первѣе на брань приходитъ, и на Троянъ наступаетъ, ему же Гекторъ встрѣчу прїиде, и порази его копїемъ своимъ, мертва съ коня сверже. Тогда Греки о смерти Царя Филиса болѣзнующе, брань вельми жестоку спустиша. Трояне же противу ихъ такожде сѣчу прeужасну умножиша, отъ нея же послѣдуетъ велико убїйство. Паки же отъ страны Греческїя Царь Ксантиппъ прїиде, иже Царя Филиса, дяди своего, смерть желаше отмстити, жестоко на Троянъ нападе, и Гектора гонитъ и

нань наступаетъ ; Гекторъ же обратися въ гнѣвъ , и уби его. Тогда Греки о смерти Царя Ксантиппа болѣзнующе , силы къ силамъ собираютъ , и Троянъ тяжко порѣваютъ , и въ бѣгство понуждаютъ. Гекторъ же въ то время въ лицѣ бѣ уязвленъ , невѣдый отъ кого , отъ его же язвы безмѣрное множество крови течаше ; и сего ради отъ брани уклонися. Греки же Троянъ толико побораютъ , яко ко стѣнамъ града Трои пригнаша ихъ. Гекторъ же воздвигъ очи своя , и къ стѣнамъ градскимъ направи зракъ , и егда узрѣ тамо Елену , такожде и жену свою и сестры своя , на стѣнахъ градскихъ стоящихъ , и обою страну ополченія смотряющихъ , сего ради много устыдѣся , и абіе въ гнѣвѣ и въ ярости отъ стыда вожжеся. На Царя убо Мемнона нападе , сестричища Ахиллесова , и порази его мечемъ своимъ толь же-

стоко, яко главу его на двѣ части раздѣли, и мертва съ коня сверже; еже видѣвъ Ахиллесъ пріемъ нѣкое копіе зѣло дебело нападе на Гектора, и порази его; но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Гекторъ же мечемъ своймъ въ лице его порази, и тако рече ему: о Ахиллесъ! много покушаешися приступати ко мнѣ, но ты за истинну имѣй, яко ближняго прихода ищеши ко огню, и безъ сомнѣнія ко исходу своея смерти приходиши. Ахиллесъ же къ рѣчамъ Гекторовымъ хотя отвѣщати, и се найде Троилъ въ велицѣ множествѣ воинъ, и Грековъ вспять неволею итти понуди, немилостивно бо сѣчаше ихъ. Отъ страны же паки Греческія оный храбрый Діомидъ Князь пріиде, и на Троила нападе, и копіемъ своймъ съ коня сверже его, и коня его восхитивъ, къ шатромъ своймъ отосла. Потомъ

скачетъ

скачетъ по полкамъ Троянскимъ, и много зла творитъ; на него же пришедъ Полидамъ нападе, и толь мощнѣ порази его копїемъ своимъ, яко Дїомида съ конемъ его поверже и попра на землю, отъ коего раза Дїомидъ тяжко поврежденъ бысть. Полидамъ же коня Дїомидова отъ своего паденїя востающъ за узду изыма, и Троилу пѣшу бїющуся даде, на него же скоро взыде Троилъ, но Троила тогда Ахиллесъ скорѣе доступаетъ. Троилъ же Ахиллеса копїемъ своимъ порази, и съ коня сверже, и нападаетъ крѣпцѣ на Грекъ убивая ихъ и уязвляя. Ахиллесъ же паки на конь свой восходитъ. Гекторъ же всѣхъ Грековъ встрѣчу приходящихъ ему убиваетъ, и притекъ ко Ахиллесу и копїемъ своимъ паки съ коня сверже; и мечемъ голымъ шеломъ его на главѣ его сильно бїетъ: Греки же крѣп-

дѣ защищаху Ахиллеса ; но Гекторъ ту сильнѣ посѣкая убиваетъ Грековъ. Написа бо Дарій, яко тогда Гекторъ близъ тысящи воиновъ Греческихъ уби , иже Ахиллеса защищати хотяху , отъ него же Ахиллесъ толико бѣ побѣжденъ , яко едва бѣ ему сила защититися отъ него. Солнце же убо обращашеся на вечеръ , а Трояне сѣчу крѣпку умножиша , и Грековъ въ бѣгство обратиша , и даже до шатровъ ихъ гнаша сѣкуще , и абіе нощь наступи , и отъ брани престаша. Чрезъ весь же мѣсяцъ непрестанну брань Трояне и Греки твориша , и отъ обоихъ странъ многое множество воиновъ падоша. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла , на шесть мѣсяцовъ сроку перемирія просяще , еже отъ обѣихъ странъ и утверждено бысть.

О ОСЬМОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во оно же время, егда перемиріе сіе бяше, велій моръ на Греки пріиде, живущія въ полѣ, и мнози зѣло умроша Греки. Егда же скончевашеся перемирія онаго уреченное время, а моръ не преставаше еще; тогда паки Царь Агамемнонъ пословъ своихъ ко Царю Пріяму съ моленіемъ посла, и еще на тридесять дней сроку перемирія прошаше. И аще перемиріе дано бысть ему отъ Царя Пріяма, однако оное не зѣло любезно бяше Трояномъ толь долгія перемирныя давати сроки. Тѣмъ же паки днемъ прошедшимъ, и онаго уже уставнаго сроку послѣдній день скончася. А егда во утрій день брань уже имяше быти; тогда въ нощь ону Андромена, жена Гекторова, отъ нея же Гекторъ уже два сына имѣ, единаго Ла-

омедонта , а другаго Астіона , и той еще младенецъ у персей бяше, видѣла во снѣ грозное видѣніе о мужѣ своемъ, и отъ сего разумѣ истинну быти , яко аще Гекторъ въ день той на брань изыдетъ , избыти не можетъ смерти , но убіется ту. И нача о немъ тайно плакати , и дерзнула тоя же нощи видѣніе то ему изъявити , прилѣжно моля его , да въ той день на брань не исходитъ , но въ своемъ Царскомъ дому да пребудетъ. Гекторъ же къ словесемъ жены своея зѣло разгнѣвася , и запрети ей , во многословесной жестокости наказуя ю сице : не разумѣеши ли , рече , жено , яко срамъ великъ есть благороднымъ, паче же рещи, мудрымъ отнюдъ не свойственно снамъ вѣрити нощнымъ , и тщетными сими мнѣніи въ малодушіе и страхъ приходити ? Андромена же егда узрѣ его совѣту

шу ея не покаряющася умолче; но утру бывшу рано ко Царю Пріяму и ко Царицѣ Еккубѣ приступивъ, видѣніе свое изъявляетъ имъ, и прилѣжно молитъ, да Гектору въ той день изыти не попустятъ. Царь же Пріямъ повелѣ полкомъ Троянскимъ вооружатися, и всѣмъ сыновомъ своимъ, и инымъ Царемъ и Княземъ и начальникомъ и полкомъ ихъ отпущеніе даде изыти на ополченіе; Гектору же заповѣда именно, да въ той день не примѣшается брани. Гекторъ же о семъ на жену свою зѣло разгнѣвася, и многая ей изрече словеса прещительная; разумѣ бо яко по ея наученію се сотворися, еже на брань ему не изыти. Но заповѣдь отчу оставя, оружія проситъ отъ слугъ, раби же ему оружіе подаютъ и отъ нихъ вооружается, и на брань пойти

ти мыслитъ весьма скоро, еже узрѣвъ Андромена, съ малымъ сыномъ своимъ, его же на рукахъ своихъ ношаше, паде предъ ногами Гекторовыми, и во множествѣ слезъ глагола моля его сице: аще мене отрицаешися помиловати, господине, помилуй хотя отрока сего, рожденнаго отъ тебе; да мати ихъ и сынове твои горькою смертїю не умрутъ, или убожествомъ зѣльнымъ утѣснятся. Також де и сама Царица Еккуба, мати его, и сéстры его Кассандра и Поликсена съ великою Еленою, падше предъ ногами Гекторовыми, моляху его со слезами, да оружїе съ себе сложитъ, и опасенъ во своемъ Царскомъ дому почїетъ. Онъ же нижѐ слезамъ ихъ внимаше, и не токмо съ ними о семъ не слагашеся, но нижѐ слышати хотяше. Потóмъ съ великою скоростїю на конь свой восходитъ,

и

и на брань пойти мыслитъ, весьма скоро, и сего ради Андромена, жена его, отъ великія своея жалости раздравъ ризы своя, и распростерши власы главы своея, и ко Царю Пріяму крѣпцѣ возопивъ приступи, и къ ногамъ его себе простре, прилѣжно его моля, да возвратитъ Гектора, донелѣже онъ брани не примѣсится. Царь же Пріямъ абіе со тщаніемъ на конь свой взыде, и во мновѣ скорости достиже его во вратѣхъ градныхъ, и яко гнѣвнымъ сердцемъ за узду коня его изыма, и Гектора молитъ и проситъ, да послушаетъ его, и да возвратится въ палату свою. Онъ же по многомъ словопрѣніи своемъ повинуяся воли отца своего, возвратися во свою палату и не хотя, ниже убо оружія своего съ себе сложити хотя, ниже инымъ чемъ забавляшеся, но сѣдяше тако

волнуяся помышленьми, удержанія ради отъ брани, и на жену свою гнѣвашеся. Въ то же время брань горитъ острѣйшая промежъ Грековъ и Троянъ, и велико убійство умножашеся въ нихъ. Теламонъ и Анаксъ Троянъ мужески гонятъ, но Парисъ храбро ихъ защищаетъ. Менелай же Царь нападе на Царя Мисера, и копіемъ своимъ съ коня его низложи, а Греки Царя Мисера поимали. Въ то же время Полидамъ къ мѣсту оному приспѣ, и Царя Мисера отъ рукъ ихъ избави, и на конь взыти учини. Царь же Теламонъ и Царь Менелай, соединився вкупѣ на Полидама нападаютъ, и съ коня его низлагаютъ; онъ же себе отъ нихъ мечемъ своимъ мужески защищаетъ, и абіе Троилъ къ мѣсту оному ускори, и Палидама отъ рукъ ихъ избави, и на конь взыти учини. Въ то же время Ахиллесъ на брань приходитъ

ходитъ , и на Троянъ мужественно нападаетъ , убивая ихъ и уязвляя , и Маргаритонъ , единъ отъ сыновъ Царя Пріяма , принявши покушашеся Ахиллеса; Ахиллесъ же ему противяся , уби того. Тогда убо вопль велій и смятеніе въ Троянѣхъ воста о смерти Маргаритоновѣ сына Царева. Трояне наипаче сѣчу умножиша со Греки , иніи же вземше тѣло его , и раздравше ризы своя съ великимъ плачемъ во градъ входятъ , вопль же тѣло Маргаритоново принесше полагаютъ ; его же мертва яко услыша Гекторъ , болѣзнію многою мучится , и прилѣжнѣ его убійства плачется , и вопрошаетъ , кто его уби , ему же Ахиллеса быти сказаша. Тогда Гекторъ со гнѣвомъ надѣвъ шеломъ , Царю отцу его невѣдущу , на брань изходитъ , и въ ярости своей двухъ Царей уби , Царя Ерипола и Царя Гастида. Потомъ же на

Грековъ яростнѣ дышетъ стремленіемъ великаго гнѣва своего, и множество убиваетъ ихъ, емуже Царь Политенъ встрѣчу пріиде, и копіемъ своимъ порази его, но изъ сѣдла не возможе его изъяти: не подвиженъ бо пребываше отъ пораженія его, и мечемъ своимъ толь мощнѣ Политена Царя порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Ахиллесъ же видѣвъ сродича своего смерть, нача размышляти въ мысли своей, яко аще Гекторъ отъ сего живота не оскудѣетъ, то поистиннѣ будетъ намъ всѣмъ горькую смертную чашу отъ него неволею пити, и въ сихъ помышленіяхъ много поучашеся Ахиллесъ, и пріимъ копіе хотяше крѣпцѣ съ Гекторомъ сразитися и отмстити Политеново убійство. Гекторъ же нѣкую стрѣлу испусти на Ахиллеса, и порази его въ лице. Ахиллесъ же отъ брани уязвленъ

вленЪ отходитЪ , и язву ону обвязавЪ возвратися на брань сЪ тѣмЪ умышленіемЪ , да Гектора смерти предастЪ , аще ему отЪ сего и умрети случится. ГекторЪ же ГрековЪ немилостивнѣ погубляше , и пріиде ему встрѣчу нѣкій великій Греческій Царь , именемЪ ЛеохидЪ , его же ГекторЪ мечемЪ своймЪ скоро уби. АхиллесЪ же видѣвЪ Гектора толико благородныхЪ смерти предавающа , ужасашеся зря , искаше прилѣжно времени поразити его. ГекторЪ же вЪ то время на Царя нѣкоего Греческаго нападе , и его поймавЪ , щитЪ свой за хребетЪ себе поверже , и всю мысль свою на се обрати , да лучшаго Царя онаго отЪ полковЪ извлещи возможетЪ , и сего ради грудь его бѣ откровенна , онЪ же самЪ о семЪ не внимаше , но вЪ настоящемЪ упражняшеся. АхиллесЪ же сильнѣ наблюдаше , яко же вы-

ше речено бѣ. И егда сїе узрѣ, яко Гекторъ на себѣ щитныя помощи не имѣетъ, прїимъ нѣкое копїе зѣло крѣпко, не разумѣвшу же Гектору подвига его, порази его въ грудь, и мертва сверже на землю. Царь же Седемонъ, видя Гектора мертва съ коня спадша, на Ахиллеса нападе яростенъ, и порази его копїемъ своимъ толь сильнѣ, яко мертва поверже его на землю, его же Греки вземше яко бездушна въ шатеръ его отнесоша. Трояне же о смерти Гекторовѣ зѣло смятошася, и поле оставльше, и вземше тѣло его съ плачемъ великимъ откровенными главами въ блѣдности лицъ своихъ входятъ во градъ, воньже тѣло Гекторово мертво Грекомъ не противящимся принесоша.

О ПОГРЕБЕНИИ ГЕКТОРОВѢ.

Умершу же Гектору, и во градѣ Трою тѣлу его внесе-ну бывшу, плачь велій бываетъ во гражданѣхъ, нѣсть бо того гражданина, иже бы не хотѣлъ сына своего смерти предати за животъ Гекторовъ, аще сицевъ обычай одержалъ бы. А егда самъ Царь Пріамъ узрѣ Гектора, сына своего мертва, неизреченьною болѣзнію сражается, и надъ тѣломъ Гекторовымъ многажды обмираетъ, и смерть ему вкратцѣ случилась бы, аще не бы отъ тѣла Гекторова сильно отвлеченъ былъ, и отъ того безъ сомнѣнія въ явную пагубу смерти своея впалъ бы. Сице и братія его тоюже болѣзнію всячески мучахуся, умрети съ нимъ вкупѣ желающе, нежели по немъ жити. Что же речется о Царицѣ Еккубѣ? что же и о Андроменѣ, женѣ Гекторовѣ?

что

что же и о сестрахъ его , ихъ же родъ къ печальнымъ тѣснотамъ зѣло немощенъ есть , и плачливъ весьма , и описати его трудно есть ? и сего ради яко неключима оставляются. По семъ же Царь Пріямъ повелѣ надъ храмомъ Палладинымъ сѣнь сребряну велику сотворити , и позлатити златомъ чистымъ , и престолъ златъ въ ней поставити , и тамо тѣло Гекторово устроено отвсюду повелѣ посадити , и бальзамомъ повелѣ помазати , дабы тѣло Гекторово отъ тлѣнія невредимо соблюдалося. Сѣдяше бо тѣло оно лицемъ къ войску Греческому , мечь въ десницѣ имѣя , да Грекомъ зрящимъ прещеніе наноситъ. Сія же сотвори Царь Пріямъ того ради , яко да сицевымъ устроеніемъ тѣла Гекторова малу ослабу скорби своей пріиметъ.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ.

По смерти же Гекторовѣ Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на бесѣдованіе къ себѣ призвати повелѣ, и сшедшимся имъ, и сѣдшимъ на мѣстѣхъ своихъ, по достоинству ихъ, Царь Агамемнонъ сицевая словеса рече къ нимъ: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы Греческаго ополченія! должни есмы нынѣ великое благодареніе воздати богомъ нашимъ, яко жестокаго врага нашего Гектора сподобихомся убити Ахиллесомъ, зане живу Гектору бывшу коликая злая отъ него пострадахомъ? колико бо отъ Царей нашихъ своими силами погуби? Царя Протезилая, Царя Патрокла, Царя Мереона, Царя Амероса, Царя Бетеса, Царя Архилога, Царя Протенора, Царя Орионома, Царя

Царя Епистропа, Царя Седея, Царя Алпинора, Царя Филиса, Царя Динора, Царя Ксантиппа, Царя Мемнона, Царя Ерипола, и Царя Гастида, Царя Полипена, Царя Леохида, и иныхъ благородныхъ рода нашего; протчихъ же воиновъ ополченія Греческаго безчисленное множество погибе отъ него. Нынѣ же Гектору оному умершу, Троянская надежда отнюдъ, якоже непщую, погибе отъ нихъ, и сила крѣпости ихъ отъяся, и столпъ правленія ихъ паде. Что же мы сами, не уже ли къ явной надеждѣ побѣды нашея достигохомъ? и нынѣ праведно быти мню, ко Царю Пріяму послы наша послати, на два мѣсяца сроку перемирія просяще, донелѣже Ахиллесъ отъ ранъ своихъ исцелѣетъ, и тогда съ нимъ о побѣдѣ Троянъ мужески да потщимся. и что ми о семъ возвѣстите, да слышу? Они же пожелалиша

хвалиша совѣтъ его. Тогда Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія просити у Царя Пріяма, еже и дано бысть ему, и премиріе утвержено.

О ПРЕМѢНЕНІИ АГАМЕМНОНОВѢ, И О ВЛАСТИ ПАЛАМИДОВѢ.

Въ то же перемирія время Паламидъ, сынъ Наула Царя, зѣло жалуется прочимъ Царемъ и Княземъ о власти Агамемноновѣ, и къ тому не хощетъ его себѣ имѣти владыкою, себе же паче достойнѣйша его быти глаголетъ, и преимѣюща во всемъ. И егда сія глаголы принесоша во уши Агамемнона Царя; тогда абіе Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей на бесѣдованіе къ себѣ паки призвати повелѣ, и яко пріидоша къ нему, и сѣдоша кождо ихъ

на

на мѣстѣ своемъ, по достоинству ихъ, Агамемнонъ Царь сицевая словеса рече имъ: друзи Царіе, и Князи, и начальницы! отнелѣже изыходомъ отъ царствъ нашихъ, и внидохомъ въ землю сію, правленія вашего бремя трудолюбно понесохъ, подъ нимъ же добрѣ попотихся даже и до нынѣ; нощію и днію не даяхъ покоя духу моему и персонѣ моей; вся промышленія показовахъ о васъ по силѣ моей. И нынѣ треба ми есть почити отъ онаго тяжкаго ярма, лежащаго на плещахъ моихъ толико время, и праведно быти мню, яко да изберется вамъ инъ правитель, подъ его же правленіемъ готовъ есмь съ прочими Цари труждатися, елико возмогу въ силѣ моей. И обращься къ Паламиду, тако рече: и ты, господине Паламиде, сыне Царскій, мниши мя о сей власти многою радостію радоватися? поистиннѣ

бо глаголю ти, яко отнелѣже азъ воспріяхъ на ся власть сію, то наипаче приложихъ попеченіе духу моему; и сего ради радостно сложити съ себе желаю яремъ сей; ты же аще и любезно нынѣ ищеши его, но такожe, яко человѣкъ, крѣпцѣ утрудишися нося его. Но мню быти паче, яко и изнеможеши отъ тяжести его, токмо всуе мятешися, укоряя мя ничтоже зло сотворивша, еже и не лѣпо есть тако благороднымъ творити, еже укоряти други своя предъ толиками Цари и Князи вселенныя. И егда Царь Агамемнонъ словеса своя сконча, тогда вси Царіе и Князи и начальницы Греческаго ополченія общимъ совѣтомъ избраша себѣ въ воеводы Паламида, сына Царя Наула, и даша ему всего воинскаго ополченія власть. И егда сія возвѣстиша Ахиллесу, зѣло не угодися ему, и рече тако, яко поистиннѣ

истиннѣ се безсовѣтіе сотвориша Царіе и Князи, и нѣсть добро Агамемноново премѣненіе, ниже владычество Паламидово; человѣческое же нечестіе есть родственное, еже о новой власти радоватися, и о новомъ времени веселитися. Любляше бо Ахиллесъ Агамемнона Царя зѣло, и почиташе его велми, яко былъ мужъ по премногу разуменъ, и здраваго совѣта мудростію цвѣтый, и разсужденіемъ зѣлнымъ исполненъ.

О ДЕВЯТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Двѣмя мѣсяцемъ цѣло прошедшимъ, Царь Пріямъ восхотѣ смерть сына своего Гоктора мечемъ своймъ на Грекахъ отмстити, и избра двадесять тысящъ воинъ, ихъ же своему вмѣни бы-

ти полку́. Прочїи же полки́ по прежнему устроенїю бѣша, и повелѣ врата градская отворити, и полкомъ на брань исходити. По повелѣнїю его исходитъ первое Деиѳобъ, потóмъ Парисъ, потóмъ Троилъ, потóмъ самъ Царь Прїамъ, потóмъ Енеа, потóмъ Полидамъ, потóмъ Царь Сарпедонъ съ полки́ своими, и до Греческихъ остроговъ тщательно скоряху. Паламидъ же своя полки́ устроиваше, и егда устрои оныя, изыде на ополченїе противу Троянъ, и первѣе самъ Паламидъ на Царя Прїама нападе, хотя его копїемъ своймъ съ коня низринути. Царь же Прїамъ самого Паламида толь мощнѣ порази, яко и съ коня сверже, и оставивъ его нападе крѣпко на Грековъ, и смяте ихъ. Овыхъ бо отъ нихъ убиваетъ, овыхъ съ коней низлагаетъ, и сильнѣ воюя Грековъ побѣждаетъ. Многа дивна

на сотвори и Царь Пріямъ отъ своея храбрости , яже аки и невѣрима отъ нѣкіихъ могутъ быти, яко человѣкъ толь старъ лѣты , возможе сицевая бранная тоть мужески сотворити. Діомедъ же Грековъ непрестанно погубляетъ, стрѣлами своими множество ихъ умерщвляетъ ; брань же сильнѣ разгарашеся , и убійство зельми множашеся. Въ то бо время Царь Перскій отъ града Трои во множествѣ воинъ на брань пріиде , и Грековъ дивнѣ утѣсняше. Князь же Аѳинскій , и Менелай Царь въ велицѣ множествѣ бранныхъ на него сильнѣ нападаютъ , и полкомъ ихъ всюду разліяннымъ , посреди ихъ Троянъ заключаютъ , Царя Перскаго тогда Греки убиваютъ во множествѣ бранныхъ , и Трояне вспять итти порѣваютися , ихъ же въ защищеніе Царь Сарпедонъ во множѣ силѣ своей бранной вдася. Въ сихъ же

Царь

Царь Пріямъ съ сынами своими, иже вездѣ последуютъ ему сильнѣ подбѣжа на Грековъ яростнѣ нападаетъ и убиваетъ ихъ. И аще не бы Царь Пріямъ, иже отъ вышнія страны къ мѣсту оному приступилъ, велію часть людей отъ языка своего погубилъ бы; ни единъ бо бѣ отъ Троянъ толь смѣлъ, и толь храбръ въ той день елика Царь Пріямъ отъ своея храбрости мужески возможе, показати ему же болѣзнь и гнѣвъ силы отвсюду падаютъ, его же жестокаго устремленія Грекове понести не могуще въ бѣгство обратишася, и къ шатромъ своимъ скоряху, ихъ же Трояне въ тылъ сѣчаху, даже и до шатровъ ихъ. Нощь же наступи, и отъ брани престаша. Царь же Пріямъ, яко побѣдитель возвратися во градъ, и врата градская въ потребной крѣпости утвердити повелѣ, и тѣло Царя Перскаго со многимъ пла-

чемъ во гробѣ зѣло дражайшемъ Царь Пріямъ положи.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, ПРОСЯЩИХЪ НА ТРИ МѢСЯЦА СРОКУ ПЕРЕМИРІЯ, И О АХИЛЛЕСѢ, КАКО ВШЕЛЪ ВО ГРАДЪ ТРОЮ, И ВИДѢ ПОЛИКСЕНУ ДЩЕРЬ ПРІЯМА ЦАРЯ.

Во утрій же день Паламидъ Князь, Греческаго ополченія воевода и начальникъ, ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ на три мѣсяца сроку перемирія у него просяше. Царь же Пріямъ посовѣтовавъ со своими, даде ему перемиріе утверждено. Въ то же перемирія время Ахиллеса нѣкое безсовѣтное хотѣніе восхити, да въ Трою пойдетъ видѣти градъ, еже и сотвори. Вниде же во градъ въ то время, егда

егда отправляхуся во градѣ помин…и убитаго Гектора : и того ради Трояне уставиша пять надесять дней рыданію быти , Ахиллесъ же пріиде тамо , и восхотѣ видѣти обычай рыданій Троянскихъ , и бяше тамо сѣнь Гекторова отвсюду отверста ; предъ тѣломъ же Гекторовымъ стояло множество женъ благородныхъ и дѣвицъ благообразныхъ , распростерши власы своя , иже слезная воздыханія и зѣльное рыданіе испущаху. Тамо же бѣ и сама Царица Еккуба со прекрасною дщерію своею Поликсеною , во мнозѣ рыданіи и слезахъ упражняхуся. Ахиллесъ же егда видѣ Поликсену красотою цвѣтущую , восхотѣ имѣти ея себѣ въ жену.

О ПОСЛАНИИ ПОСЛА АХИЛЛЕСОВА КО ЦАРИЦѢ ЕККУБѢ.

По семъ же умыслилъ Ахиллесъ посланника своего послати къ Царицѣ Еккубѣ , да дастъ ему въ жену дщерь свою Поликсену , обѣщевая ей всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на се изволеніе привести , да оставятъ брань ратнаго ополченія , и во своя царствія съ миромъ отыдутъ. Сего ради призва нѣкоего отъ рабъ своихъ зѣло вѣрна ему суща , и написавъ грамоту свою даде ему , и заповѣда ни кому же возвѣстити о семъ , и повелѣваетъ ему , да къ Царицѣ Еккубѣ въ посольство себе абіе направитъ , и изъявитъ ей сéрдца его мысль. Онъ же повелѣніе господина своего слышавъ , со тщаніемъ на путь препоясуется , и ко Царицѣ Еккубѣ отыде. Пришедъ же ко Царицѣ , и падъ поклонися ей, честь при-

приноcя благородiю ея. Царица же вину пришествiя его у него вопрошаетъ, посланникъ же той словеса господина своего любочестнѣ возвѣщаетъ. По семъ же и грамоту ону честнѣ подаде ей запечатану печатiю господина своего, и паки поклонися ей. Она же вземъ прочте ю, и помолчавъ не мало, таже рече ему, иди, друже, съ миромъ къ пославшему тя, и рцы господину твоему отъ мене здравiе, и яко азъ сама радостно хощу волю его сотворити, но требѣ ми есть изволенiе Царя Прiяма, мужа моего, и Париса сына моего, и что ми они рекутъ, возвѣщу ти, въ день бо третiй да прiидеши сѣмо, и отвѣтъ совершенъ отъ мене прiимеши. Посланникъ же паки падъ поклонися ей, и отыде къ господину своему, и вся реченная ему отъ Царицы Еккубы вѣрно сказа ему. Ахиллесъ же

егда сїя услыша, вельми возвеселися. Царица же Еккуба, егда прїиде къ ней Царь Прїамъ, повелѣ призвати къ себѣ сыновъ своихъ: они же прїидоша къ ней по повелѣнїю ея, и сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ, и абїе Царица Еккуба сказа имъ вся поряду отъ Ахиллеса реченная словеса, показа же имъ и писанїе оно принесенное отъ него. Царь же Прїамъ принявъ писанїе оно прочте его, и преклонивъ главу свою на долгъ часъ умолче, и ничто же рече, но различнѣ о семъ помышляше. Послѣди же отвѣща: о коль жестоко сердцу моему быти мнится, да толь лютаго своего врага въ друга имѣти хощу, который мене толико обидѣлъ и свѣтъ очей моихъ лютостїю своею угасилъ, убивъ сына моего Гектора, его же ради смерти Греки воспрїяша на мя толикое смѣльство.

ство. И сего ради да поне иніи сынове мои останутмися здрави: тѣмъ же неволею даю совѣтъ изволенію его; но блюди, о жено, да не како лукавый льстецъ сей хитростію нѣкоею или лестію коварнаго умышленія своего лукавнѣ прельстити насъ хощетъ. Аще воистинну хощетъ сотворити толику правду, да кленется намъ присягою страшныхъ заклинаній, еже сотворити по обѣщанію своему, къ тому же и писаніемъ своимъ и печатію да утвердитъ свое обѣщаніе; и аще сотворитъ тако, то повѣримъ ему, и сотворимъ по волѣ его; аще ли же невосхощетъ, то симъ явно обличится лесть его. Парисъ же словеса отца своего Царя Пріяма любезнѣ похвали и утверди, къ тому же и се приложи, да Царица Елена не будетъ отдана первому ея мужу, и утвердивше совѣтъ сей разыдошася.

 Егда

Егда же пріиде день третій, тогда Ахиллесъ посла своего паки къ Царицѣ Еккубѣ послалъ; Царица же вся поряду отъ Царя глаголанная ему возвѣсти, и отпустя его. Посолъ же пришедъ возвѣсти сія Ахиллесу. Тогда Ахиллесъ много радостію возвеселися о возвѣщеніи словесъ его, и абіе написа писаніе ко Царю Пріяму и Царицѣ Еккубѣ, заклинаяся клятвами страшными, еже исполнити ему вѣрнѣ обѣщаніе свое, и яко вси, рече, Царіе и Князи послушати мя имутъ, и во своя царствія въ мирѣ возвратятся, и мною поистиннѣ въ тишинѣ оставлены будете трудовъ бранныхъ, токмо благородія вашего милость да будетъ со мною. Егда же писаніе сицево написавъ печатію своею утверди, тогда ко Царю Пріяму и ко Царицѣ Еккубѣ паки посла своего послалъ, и заповѣда ему

ему отъ себе зѣло честнѣ благородіе ихъ почитати, и о настоящемъ ономъ дѣлѣ прилѣжнѣ промышляти къ совершенію привести. Посолъ же Ахиллесовъ егда пріиде ко Царю Пріяму и къ Царицѣ его, и отъ лица господина своего ко благородію ихъ поздравленіе изрече вельми любочестнѣ; потомъ же и писаніе господина своего подаде Царю Пріяму, и падъ на землю поклонися. Они же пріемше писаніе и прочетше, и свое написаніе написавше ко Ахиллесу, бракъ утвердиша непреложно, и даша его послу Ахиллесову, и одаривше добрѣ посла онаго отпустиша. Посолъ же пришедъ ко Ахиллесу, и вся содѣянная ему тако вѣрно сказа, и писаніе оно бракъ утверждающее подаде ему: потомъ же показа ему и дары своя, ими же дариша его Царь и Царица.

Ахиллесъ же пріемъ писаніе и писанная прочетъ, неизреченно радостію возвеселися. Во утрій же день Ахиллесъ всѣхъ Царей и Князей, повелѣвшу Паламиду, на бесѣдованіе къ себѣ созва, и егда пріидоша къ нему вси, Ахиллесъ сицевая словеса имъ изрече: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы, слышите да возглаголю вамъ, и слышавше поистиннѣ разсудите. Молю васъ, который духъ восхити умы наша, да труждаемся втуне вси мы вкупѣ единаго ради человѣка, сирѣчь Царя Менелая, пріобрѣсти желающе жену его, госпожу Елену, оставихомъ царствія наша, отъ иныхъ лютѣ раздираемы, оставихомъ же и родителя своя и жены наша и дѣти; забыхомъ и здравіе живота нашего, и пріидохомъ въ землю чужду, никоей же винѣ понуждающей насъ, и коликимъ мученіемъ мы отъ

Троянъ

Троянъ умерщвляемся лютѣ. Сами внидите, колико благородныхъ нашихъ Трояне умертвиша, такожде и прочихъ воиновъ нашихъ часть сильную погубиша, и впредь погубленїемъ симъ ратовати насъ будутъ не преставающе. Или мните Елену толикїя цѣны достойну быти, да за ея прїобрѣтенїе умрети толико славнымъ, и погибнути всей Грецїи, да аще восхощетъ Царь Менелай, можетъ благородїю своему и ину Царицу обрѣсти, нежели Елену прїобрѣтати толиками нашими пагубными бѣдами. Вси бо мы добрѣ уже искусихомъ мечь ополченїя Троянскаго, такожде и самъ азъ пребывая на бранѣхъ, много крови моея излїяхъ, наипаче же въ смерти Гекторовѣ такову язву воспрїяхъ, отъ нея же умрети паче уповахъ, неже жити надѣяхся: но убо отъ Троянъ сильнѣйшаго

онаго Гектора и чуднаго во́ина, сына Царева, смерти вдахомъ, и иныхъ благородныхъ убихомъ; и сего ради воистинну довлѣетъ намъ съ похвалою и честїю во своя си возвратившися, примирившися со Трояны. Но аще и оставимъ Елену не пріобрѣтену, и то ничтоже укорно есть; имамы бо во Греціи Еѯїону, Царя Прїяма благородную сестру, ей же Елена Царица о благородствѣ нѣсть равна. И тако Ахиллесъ рѣчи своя скончa. Но Царь Тоасъ Италїйскїй, и Менестей, Князь Аѳинскїй, Ахиллесу въ томъ вѣло прекословятъ, такожде и большая часть Царей и Князей совѣтъ Ахиллесовъ отмещутъ, воли его послѣдовати не хотяще. Сего ради Ахиллесъ много подвигшися на гнѣвъ, предъ всѣми Цари и Князи на брань къ тому исходити противу Троянъ отречеся, и Мирмядонянамъ своимъ заповѣдалъ

повѣдалъ, да противу Троянъ къ тому оружія своего не воздвизаютъ, и на брань да не исходятъ.

О ДЕСЯТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

По окончаніи срочнаго времни, даннаго на перемиріе, оба войска на брань исходятъ, и тяжка брань спущается въ нихъ, и отъ обоихъ странъ великое множество воинъ падаетъ. Деиѳевъ же тогда на Царя Кревея нападе смѣло, и копіемъ своимъ толь сильнѣ порази его, яко мертва съ коня сверже его; и тако Царь Кревей умре, скончавъ послѣднія дни своя. О смерти же Царя Кревея много оскорбишася Греки, на Троянъ крѣпцѣ наступиша. Царь бо Теламонъ нападе на Сизія, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма, и мечемъ

чемъ своимъ толь мощнѣ порази его въ руку, яко оттолѣ Сизій не возможе братися, еже видѣвъ Деиѳебъ, жестоко подвижеся на гнѣвъ, и на Теламона нападши, порази его копіемъ своимъ и крѣпцѣ уязви и съ коня сверже, еже видѣвъ Паламидъ на самаго Деиѳеба нападе, и порази его копіемъ толь жестоко въ грудь, да яко сокрушену бывшу щиту его, и доскамъ доспѣха его во многѣ силѣ расторгнутымъ, копіе свое въ груди Деиѳеба вонзе, и копію сокрушшуся изломокъ копія своего въ груди Деиѳебовой остави вонзенъ. Парисъ же видѣвъ Деиѳеба, брата своего, смертно уязвлена, въ трудѣ велицѣ, такожде и во множествѣ слезъ отъ ногъ конскихъ силою его изъятъ, во градъ Трою принесе, идѣже Деиѳебъ отверзе очи свои, и воззрѣвъ на Париса брата своего, рече ему: или, брате мой, во

адъ

адъ снити оставляеши мя; много молю тя, да прежде даже уломокъ сей отъ язвы грудей моихъ изыметъ я, но убійцу моего тщательнѣ ускори, и толь трудолюбнѣ промысли, да отъ твоихъ рукъ издохнетъ убіенъ, донелѣже азъ есмь живъ. Парисъ же словеса умирающаго брата своего слышавъ, и весь окропленъ слезами отъ болѣзней, со тщаніемъ на конь восходитъ; и на брань ускоря приходитъ стѣсненъ жалостію о Деиѳебѣ, и прилѣжнымъ окомъ Паламида ищетъ въ полцѣхъ ополченныхъ смѣло противу Троянъ устремляющася, обрѣтѣ же Паладида противу Царя Сарпедона мужески воюющa; Царь бо Сапредонъ на Паламида наступаетъ, и его яростнѣ убити хочетъ; Паламидъ же порази его толь мощнѣ мечемъ своимъ по стегну, яко бедру его отдѣли отъ чреслъ

его

его, и скоро его уби. И тако умре храбрый Царь Сарпедонъ, заключивъ день послѣдній. Парисъ же видѣвъ толикое смертное убіеніе, еже Паламидъ надъ Трояны толь люто творяше, и ужè ихъ въ бѣгъ неволею поряцаще, напрягъ крѣпкій свой лукъ, и крѣпко держа Паламида острымъ окомъ смотряше, въ кое бы мѣсто персоны его паче возмогъ уязвити смертнѣ, и нѣкую стрѣлу ядовитую, ея же желѣзо зѣло остро, испусти нанъ мужески, и порази его въ гортань, и скоро того уби. Вопль убо воста велій, и смятеніе ужасно въ войскѣ Греческомъ, вопіютъ бо Греки, тужатъ же и болѣзнуютъ о смерти толикаго ихъ воеводы, и тако ужасшеея поле оставляютъ и въ бѣгъ вдаются, ихъ же Трояне усты меча поядающе, даже и до шатровъ ихъ лютѣ сѣчаху. Греки же ставше предъ

шатры

шатры своими, паки начаша творити брань съ Трояны, Трояне же противленію внемлюще, сходятъ ту съ коней своихъ и толь мужески начаша съ ними сраженіе творити пѣши, яко уже нападоша на ихъ шатры, и грабятъ сильною рукою имѣнія Греческая, самихъ же Грековъ въ шатрѣхъ ихъ лютѣ закалаютъ, грабленія же богатства во градъ относятъ. А Парисъ и Троилъ съ тридесятію тысящами на брегъ моря приходятъ, и во Греческія корабли огнь повелѣваютъ вметати, по повелѣнію же ихъ многая въ корабли зажженія мещутся, и возгорѣся абіе многъ огнь и пламень зѣло великъ умножися. Въ шатрѣхъ же убійство Грекомъ веліе умножашеся, тѣмъ же и безъ сомнѣнія вси Греки погибли быша, и все корабельное собраніе ихъ згорѣло бы, но и тако болѣе пяти сотъ кораблей згорѣ.

По

По счастію же Греческому абіе нощь наступи, и брань разлучися. Трояне убо, яко побѣдницы, входятъ во градъ обогатившеся Греческими корыстьми. Пришедше же во градъ Парисъ и Троилъ, о Деиѳебѣ, братѣ своемъ, рыдаху; но убо еще Деиѳебъ конечная проблачаше воздыханія, и ощутивъ пришествіе ихъ воздвигъ очи свои; гласомъ же оскудѣвая, вопрошаетъ у Париса, аще убійца его мертвъ, о его же смерти егда Парисомъ бысть извѣстенъ, повелѣваетъ и уломокъ отъ раны своея изъяти; ему же изъяту бывшу Деиѳебъ абіе издше. О смерти же Деиѳебовѣ плачь велій воста во гражданѣхъ, и рыданіе умножися во всемъ градѣ. Самъ же Царь Пріамъ и Царица Екуба и сынове ихъ и дщери и Елена неизреченною тугою печали сокрушахуся плачуще. Такожде и о Царѣ Сарпедонѣ многія слезы

зы изливахуся: послѣди же Царь Прїямъ тѣло Деиѳебово и тѣло Царя Сарпедона во гробѣхъ зѣло дражайшихъ положити повелѣ, и честно погребе ихъ обычаемъ благородныхъ Царей. Въ полцѣхъ же Греческихъ о смерти Паламидовѣ плачь велїй бываетъ. Такожде и о смерти Царя Крезея многїи слéзы излїяшася.

Послѣди же тѣлеса во гробѣхъ дражайшихъ положиша, и честному погребенїю предаша. По семъ паки снидошася вси Царїе и Князи и начальницы, и общимъ совѣтомъ взяша паки себѣ въ воеводы Царя Агамемнона, и даша ему всего Греческаго ополченїя власть.

О грекахъ пославшихъ послы своя ко царю Прiяму о перемирiи.

Егда паки Агамемнонъ Царь прiя власть свою, послалъ абiе пословъ ко Царю Прiяму, на два мѣсяца сроку перемирiя прося, еже и дано быть ему отъ Царя Прiяма. Промежъ же сего перемирiя паки Агамемнонъ Царь ко Ахиллесу послы своя посла, Улик-са Царя, и Князя Нестора, и Дiомида, зовущи его паки, да на брань прiидетъ. Посломъ же онымъ ко Ахиллесу пришедшимъ, и первѣе Уликсъ Царь сице нача глаголати ему: господине Ахиллесъ! откуду мысль нова найде благородiю вашему, яко въ сопротивленiе толико уклоняете подвиги ваша, по толицѣй доблести силъ вашихъ и по храбрости толицѣй мужества твоего, его же показалъ еси чудными ополченiи дѣлъ своихъ на бранѣхъ Троянскихъ, коли-

коликихъ бо благородныхъ Троянскихъ храбростію своею умертвилъ еси, колико же прочихъ воиновъ мечемъ ополченія своего погубилъ еси, наипаче же сильнѣйшаго онаго и чуднаго воина Гектора мощію силъ своихъ низложилъ его погублена, о немъ же всяка надежда спасенія Троянскаго висяше; нынѣ же и Деиѳебу умершу брату Гекторову, всяка надежда уже отъ Троянъ по истиннѣ отъяся. Не сами ли мы уже отнынѣ къ явной надеждѣ нашея побѣды достигохомъ, зане Трояне отселѣ отъ страха силъ нашихъ мертвыхъ себе паче быти мнятъ, неже живыхъ, толикимъ ужасомъ содержими суще. И сего ради, господине, да благоволитъ благородіе твое послушати словесъ господина Царя Агамемнона и прочихъ Царей и Князей Греческихъ совѣта, и не облѣнися вкупѣ пріяти съ ними

надъ

надъ враги нашими совершенную побѣду : буди поборая на враги своя со всѣми нами единодушно, яко же и прежде подвизался еси, ужасая крѣпцѣ ополченіемъ брани своея враги наша. И тако Уликсъ слово свое скончa, ему же Ахиллесъ тако рече : господине Уликсѣ! вси мы и сперва даже и до нынѣ веліимъ буйствомъ неразумія одержимы есмы, яко оставивше царства наша отъ иныхъ раздираема лютѣ, забыхомъ и самое здравіе живота нашего, и пріидохомъ въ землю сію, сами смерти своея ищуще. Или весьма не разумѣете, яко многими мученіи отъ Троянъ умерщвляемся по вся дни? Сами добрѣ зряще видите, колико Трояне благородныхъ нашихъ умертвиша, колико же прочихъ воиновъ Греческихъ оружіемъ погубиша; о семъ бо, господине, ни единаго же сопротивленія можеши рещи, яко не

тако

тако есть, понеже самъ явѣ зриши. Ни ли бѣ лучши славному Паламиду, сыну Цареву, во своемъ царствіи добрѣ жити, нежели на сей брани лютѣ животъ свой испровергнуть, такожде и прочіи благороднїи Царїе внѣ царствъ своихъ лютѣ скончашася на сей брани. И тако намъ зрящимъ погибель ихъ, о себѣ попещися подобаетъ; мы же еще гордость возношеній нашихъ не оставихомъ, тщими словесы и мнѣніи на нихъ красящеся, и суетными надеждами побѣды прельщающеся противная творимъ. Азъ бо поистиннѣ глаголю ти, яко нѣсть мощно Троянъ въ легкости побѣдити, зане они сами вельми храбри суть воини, и зѣло крѣпцы ополчители, и на бранѣхъ много искусни суть, а еже реклъ еси, яко Гектору и Деиѳебу отъ житїя оскудѣвшимъ, Трояне къ тому не мнятъ себе быти живыхъ

выхъ, но мертвыхъ паче, и се весьма явѣ, господине Уликсе, дѣломъ вещи показася, яко суетно есть слово. И аще тако, яко же ты глаголеши; по что же Трояне страхомъ вашимъ омертвѣвшїи васъ живыхъ въ шатрѣхъ вашихъ закалаютъ, и имѣнїя ваши разграбляютъ, и самого начальника и воеводу ополченїй вашихъ убиша, и корабли ваша пожгоша, и вся лютая вамъ показаша, по смерти уже Гекторовѣ и Деиѳебовѣ? И того ради азъ вельми дивлюся вамъ въ толико мнѣнїе высоты вознесшимся, яко ниже самѣхъ себе, ниже своея немощи познаваете. Или не вѣсте, яко есть тамо, господине, инъ Гекторъ, иже не меньшею, но еще и бо́льшею обогащенъ силою, славный онъ и чудный воинъ, храбрый Троилъ, сынъ Царевъ, иже Грековъ сильно озлобляетъ, и есть паки тамо инъ Деиѳебъ, иже немень-

мечьше силою Д[illegible]ивеба, славный Парисъ, на брани пребывая, такожде и инiи благороднiи, яко же Полидамъ, Князь зѣло превосходный, и инiи, яко же Царь Ѳилименъ, и Царь Седемонъ, и Царь Ремъ, и прочiи храбрiи Троянстiи на смерть вашу сильно дышутъ; вѣмъ бо, яко самъ добрѣ вѣси, случай военный всегда бываетъ зѣло сомнимъ, и на единомъ утвержденiи никогда же стоитъ. Помысли, господине, како оный самый сильнѣйшiй Гекторъ, бывый прежде толико славенъ воинъ, иже всѣхъ храбрыхъ и сильныхъ своимъ мужествомъ превзыде, на сей же брани бѣднѣ животъ свой испроверже. Сице легко могу и азъ такожде погибнути, иже силы таковы въ себѣ неимамъ, яко же онъ. Взыскати же мя или молити, да прошиу у Троянъ оружiе свое паки воздвигну, трудъ есть погубленъ, ни-

 же

же бо умышленія моего, ниже ума къ сицевому дѣлу когда приложу, не хощу бо храбрости моея славу угасити паче, неже персону; искусство бо аще и хвалится когда, скоро же абіе забвеніе то погружаетъ. Довольно убо Князь Діомидъ и Князь Несторъ словесы своими Ахиллеса увѣщати покусишася, но никако же его возмогоша къ своему хотѣнію привести, совѣтова бо имъ паче мира искати съ Трояны, и во своя царствія возвратитися, и тако отпусти ихъ и отъидоша. Они же пришедше ко Царю Агамемнону, вся ему возвѣстиша; Царь же Агамемнонъ егда услыша сія, всѣхъ Царей и Князей Греческихъ къ шатру своему призвати повелѣ, и Ахиллесово непослушаніе и сопротивство имъ изъяви, како онъ молимъ бывъ отъ него, и не послуша на брань пріити отнюдь отвержеся, и никако

же восхотѣ, совѣтова же намъ миръ искати съ Трояны, и во своя си возвратитися; и убо что ся вамъ мнитъ о семъ, возвѣстите ми, да слышу? Менелай же Царь первый нача глаголати: мира, рече, искати съ Трояны; отнюдь мню быти беззаконно дѣло, яко по толицѣхъ подвизѣхъ и трудѣхъ браннаго нашего ополченія толикимъ Царемъ и Княземъ уклонитися, и такову немужеству зѣло укорно есть, вси бо возвеіщуютъ насъ страхомъ малодушія пораженныхъ быти и ужаса исполненныхъ съ толикими воинствы нашими. Но убо аще и Ахиллесъ помогати намъ отречеся, то поистиннѣ яко же мню и безъ помощи Ахиллесовы о побѣдѣ Троянѣ извѣстны есьмы и надежны. Но Царь Теламонъ и Діомидъ сице рѣша: не быти сему совѣту дивну, яко Царь Менелай брани желаетъ,

 опрі-

о пріобрѣтеніи бо жены своея духомъ весь горитъ; такожде и прочіи Царіе и Князи въ разныя хотѣнія раздѣляхуся, ови убо бранъ хотятъ, друзіи же возвратъ добро быти повелѣваютъ, не согласни пребывающе въ реченіи ихъ совѣта. Калкасъ же Троянскій изрядца и жрецъ, яко неистовенъ, скочивъ между Царей и Князей, сицевая возглагола: о мужіе благороднїи! что помышляете творити, противу власти и повелѣнія боговъ, не покаряющеся величеству ихъ; бози бо вамъ неложно обѣщаша дати побѣду на Троянъ, вы же сами неблагодарною рукою отвращаете изволеніе ихъ, и не хощете пріяти: и сего ради блюдитеся, да не въ негодованіе на себе величество ихъ привлечете. Тѣмъ же и глаголю благородію вашему, оттрясите отъ себе малодушіе се, и въ мужество свое паки облецытеся, и противу

ву враговъ своихъ брань крѣпцѣ возобновите, ничтоже сомнящеся ниже ужасающеся крѣпкихъ ополченій ихъ, всяко бо не возмогутъ стояти противу власти и повелѣнія боговъ, и до конца изнемогутъ. Вы же безъ сомнѣнія аще крѣпцѣ потрудитися восхощете, то воистинну желаемую побѣду надъ враги своими радостно пріимете. По словесемъ же Калкаса жреца вси Греки охрабришася, и паки смѣльство много и жестоко сердце на Троянъ вземше, и единодушно быти во бранѣхъ изволиша, не имуще Ахиллесовы помощи.

О первойнадесять брани Греческой и Троянской.

Минувшу же сроку данному въ перемиріе, оба войска на

бранъ исходятъ, и тяжка бранъ спускается промежъ ихъ, и отъ обоихъ странъ множество воинъ падаетъ. Тогда Троилъ, сынъ Царевъ, во множествѣ зѣло бранныхъ воиновъ на ополченіе пріиде, и на Грековъ мужески нападаетъ и безъ милости убиваетъ ихъ и уязвляетъ, и съ коней низвергаетъ, зане смерть Деиѳеба, брата своего, тщится отмстити. Написа бо Дарій, яко въ той день Троилъ болѣе тысящи воиновъ уби; такожде и прочіи Трояне силою его Грековъ сильнѣ побораютъ. Греки же пораженій ихъ понести не могуще, въ бѣгство обратишася, ихъ же Трояне даже и до шатровъ ихъ усты меча гонятъ, нощь же убо найде и отъ брани престаша.

О ВТОРОЙ НАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Въ послѣдующій же день Трояне и Греки препоясуются на брань, и оба войска стедшеся брань смертную спустиша, и отъ обѣихъ странъ множество воинъ падаетъ, и земля трупіемъ мертвыхъ покрывается, и поля кровію червленѣютъ; въ день же той небо мрачными облаки покрыся, и многи дожди излія, единаче же брани смертнѣй палящей, послѣди же Трояне брань оставляютъ непогодія ради смутнаго времене, во градъ свой входятъ и пріемлются.

О ТРЕТЕЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во другій же день между Грековъ и Троянъ смертное воинство

ство преновляется, и брани смущенныѣй, Троилу на ополченіе пришедшу, множество Грековъ убиваетъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ, многихъ бо въ той день уби комитовъ и бояръ и вельможъ, и прочихъ Грековъ безчисленно и даже до нощныя тьмы воевахуся; нощи же пришедшей, отъ брани престаша и во градъ входятъ и пріемлются.

О ЧЕТВЕРТОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во утріи же паки Трояне и Греки оружія своя пріемлютъ, и на брань исходятъ, и брань смертнѣ спустивше крѣпцѣ ратоваташася, даже и до нощныя тьмы; нощи же нашедшей, и брань разлучися.

О пятойнадесять брани Троянской и Греческой

Во утріи же Трояне и Греки паки на брань исходятъ, и брань смертну постановляютъ. Менелай и Парисъ соединяются на ополченіе, и другъ друга копіи своими ударяютъ, и оба съ коней низпадаютъ. Полидамъ же нападе на Діомида, и копіемъ своимъ паразивъ его, съ коня сверже. Кипѣла же брань въ то время острѣйшая; Троилу бо крѣпцѣ належащу и убівающу Грековъ безъ милости, Греки устремленія его понести не могуще на бѣгство обратишася. Трояне же гоняще ихъ до ихъ шатровъ, убиваху; нощь же найде и брань преста. По тридесяти же днехъ Трояне и Греки непрестанную брань твориша, въ нихъ же отъ обѣихъ странъ многое множество убіенныхъ воинъ падоша, паче

же опъ Грекъ, и толико въ тыя дни умножися мертвымъ, яко не возможно бѣ имъ смрада терпѣти, и поля паки ратнаго поставити множества ради трупія мертвыхъ. И сего ради Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ, на три мѣсяцы сроку перемирія прося. Царь же Пріямъ даде ему, и перемиріе утверждено. Тогда Царь Агамемнонъ повелѣ избрати благородныя своя, и честно погребсти ихъ; такожде и Царь Пріямъ сотворити повелѣ: прочихъ же тѣлеса огнемъ сожгоша, и мѣсто поля онаго паки изчистиша. Въ то же паки перемирія время, Агамемнонъ Царь самъ пріиде ко Ахиллесу, и молилъ его, да на брань пріидетъ, Ахиллесъ же отречеся паки, отнюдъ не хотяще пріити на брань; но убо аще и отречеся, но Агамемнона Царя зѣло любляше, честно всѣхъ Мирмидонанъ

мядонанъ ему на брани исходити поручи, Царь же Агамемнонъ ему о семъ много благодарствовалъ.

О шестойнадесять брани греческой и троянской, и о дивной силѣ Троиловѣ.

По прошедшихъ убо онѣхъ днехъ данныхъ въ перемиріе Трояне препоясуются на брань, и врата градскіе отворивше изыдоша на ополченіе. Первое исходитъ Троилъ, потомъ Парисъ, потомъ Полидамъ, потомъ Енея, потомъ Царь Филименъ съ полки своими; такожде и отъ страны Греческія исходитъ первѣе Менелай Царь, потомъ Царь Теламонъ, потомъ Діомидъ, потомъ самъ Царь Агамемнонъ съ полки своими, и первѣе Царь Менелай на Троила нападе, и копіе свое о него преломи,

ми , но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Троилъ же Менелая Царя толь мощно копіемъ своимъ порази , яко мертва его съ коня сверже , его же свои вземше на щитъ положиша , и въ шатры своя отнесоша. Діомидъ же видѣвъ Менелая Царя смертнѣ уязвлена , на Троила нападе , копіемъ своимъ хотя его съ коня низринути ; Троилъ же тѣмъ же копіемъ , имъ же Менелая порази, на Діомида наступи , и съ коня сверже , и вельми тяжцѣ уязви его , его же яко бездушна въ шатры отнесоша. Теламонъ же видѣвъ Діомида на землю повержена , яростнѣ на Троила наступи. Троилъ же Теламона толь мощнѣ порази , яко и щитъ изъ рукъ его истopже , и смертнѣ его уязви , и коня у него отнявъ , своимъ воинамъ даде. Брань же въ то время была острѣйшая , и Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ,

но Князь Аѳинкій мужески ихъ защищаетъ, на него же пришедъ Троилъ нападе, и съ коня сверже его. Греки же въ то время Брунона, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма, убиша, и о смерти его Трояне весьма смутишася, о немъ же дойде слухъ къ Троилу. Онъ же отъ многія туги нападаетъ тяжцѣ на Грековъ, убивая ихъ немилостиво. Агамемнонъ же Царь видѣвъ Троила толь лютѣ ратующа Грековъ, хотяша, яко Царь и воевода, защитити ихъ; Троилъ же пріемъ его копіемъ своимъ, съ коня сверже его, и коня у него отнявъ, своимъ воинамъ отдаде, на Грековъ же силнѣ нападаетъ, и весьма побѣждаетъ ихъ. Написа бо Дарій, яко въ той день Троилъ болѣе тысящи воиновъ уби, смерть Брунона брата своего отмщевая. Токожде и прочіи Трояне Грековъ множество посѣкоша.

Видѣвъ же Царь Агамемнонъ толикое Греческое паденіе, убояся, и скончавъ брань у Царя Пріяма паки на тридесять дней сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему.

О СЕДЬМОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ

Тѣмъ же днемъ прешедшимъ Трояне и Греки къ смертной седьмойнадесятой брани препоясуются. бысть въ нихъ жестоко ополченіе, еже чрезъ семь дней непрестанно продолжися. Во осьмый же день паки вельми жестока и остра брань спустися между Греки и Трояны; падаютъ убо воины отъ обою страну яко древа дубравная кланяхуся конемъ подъ копыта, и Трояне Грековъ сильнѣ утѣсняютъ, и въ бѣгъ неволею поръваютъ, и Греки уже

уже толико изнемогають, яко и хребеть дати готовятся. Тогда Мирмядоняне числомь три тысящи на брань пріидоша, и на Троянь устны меча нападають, и сѣчу велію и убійство умножаху, Трояне же противу ихь не ослабнѣ сѣчаху. Мирмядоняне же вь то время Ермагансона, единаго отъ родныхь сыновь Царевымь, убиша; ц Ѣмь бо паче Трояне разсвирѣпѣша, о смерти бо Ермагансонѣ весьма смутишася, и скемшеся со Греки толь люто, аки львы изь сердець своихь рыкающе сѣчахуся; о немь же слухь яко дойде, Троиль весьма розліяся во многія слёзы, и нападе вельми тяжцѣ на Греки немилостивно безь числа погубляеть ихь, и пришедь кь Мирмядонянамь убившимь брата его, жестоцѣ нападаеть на нихь, убивая и тяжцѣ вредя ихь, но не тако легко Мирмядонянь, яко же и про-

и прочихъ Грековъ побѣждалъ, зане они сами многою храбростію цвѣтяху, и на бранѣхъ весьма искусны бяху. Но обаче Троилъ множество изби отъ нихъ, и язвенныхъ умножи, отъ нихъ же нѣкто, именемъ Еверъ, сынъ Тарсія Царя, сродичъ Ахиллесовъ, копіемъ нѣкимъ крѣпцѣ уязвенъ бѣ, и изломокъ копія онаго въ тѣлѣ своемъ носяще, прибѣже къ шатру Ахиллесову, и спаде съ коня своего предъ лицемъ его, и много поноси Ахиллесу сицевыми словесы: по что, рече, ты тако твориши отечеству своему, и почто предательствуеши люди своя, и оставляеши ихъ отъ враговъ своихъ срамнѣ умрети? стоиши бо зря бѣду ихъ, и не помогаеши имъ, и не человѣколюбствуеши надъ ними, но яко же истинный быти вмѣняешися предатель, и отечества своего явный показуешися

шися отступникъ. И сія рекъ болѣзненными очьми предъ Ахиллеомъ умре. Въ то же время брань кипяше вельми жестока; Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, безъ числа сѣкуще, Греки же терпѣти не могуще толикаго ихъ устремленія, на бѣгство обратишася, и въ шатры своя спѣшатъ. Трояне же бѣжащихъ ихъ наипаче усты меча погубляютъ; но нѣкій рабъ Ахиллесовъ уязвленъ побѣже отъ брани, къ шатру Ахиллесову ускори. Вопрошенъ же бывъ отъ Ахиллеса о брани Греческой, что, рече, творится въ войскѣ Греческомъ? ему же рабъ сице отвѣща: о коль злѣ, господине, Грекомъ нашимъ сотворися въ сей день множества ради Троянъ изшедшихъ изъ града, и Грековъ толь лютѣ и сильнѣ утѣсниша, яко уже отъ лица ихъ нынѣ бѣгаютъ, и въ шатрѣхъ своихъ скры-

скрываются , люте погибающе. Мнитмися, яко нынѣ ни единъ мужъ бранный остася въ Трои, но вси на брань прїидоша, и Грековъ толь сильнѣ стѣснили смертнымъ убїйствомъ. Толикїя ради погибели нынѣ, господине, есть ли убо что въ мысли вашей противу враговъ своихъ изыти на брань, и вѣчныя хвалы славу себѣ прїобрѣсти симъ? можеши бо поистиннѣ, зане единымъ входомъ вашея силы на брань, вси Трояне побѣждены будутъ, которые ихъ утвержденїемъ противу вашея крѣпости сея всячески рукъ своихъ простерти не смѣютъ, паче же рещи не могутъ, зане крѣпцѣ утверждени суть добрѣ вѣмъ. Ахиллесъ же, ниже къ рѣчамъ раба своего прилѣпляетъ мысль, ниже къ Еверу мертвому очей своихъ человѣколюбнѣ хощетъ возвести, но вся яже видитъ и слышитъ, аки невидима и аки неслы-

неслышима сокрываетъ. Есть бо обычай любовнымъ желающимъ своихъ любовницъ, да любовными узами связани суще, хвалъ честныхъ отбѣгаютъ, мняще выну своимъ любовницамъ угодити. Тако бо и оный Ахиллесъ страстію ослѣпленъ бывъ страждаше, ничемъ же разнствуя отъ истуканныхъ, весь убо умъ свой помраченъ страстію имѣя, и печалію долгаго неполученія крѣпцѣ погруженъ; и мыслями суетными отвсюду окруженъ; сицевая бо лютая страждутъ похотливіи человѣцы, впадшіи въ страсть сію, яко отъ всѣхъ человѣкъ бываютъ ненавидимы, и посмѣятельны, и весьма безчестно и подъ укоризною множицею и смертныя пагубы подъемлютъ; во ощущеніе же злыхъ своихъ пріити не могутъ, но ко всѣмъ симъ глуси и нечувственни пребываютъ;

вѣ сицевая бо злая достиже Ахиллесѣ, и ни кѣ чесому же потребенѣ явися, аще и храбрѣ бѣ. Вѣ то же время Грековѣ кѣ шатрѣхѣ ихѣ убивающе, яко же речено бысть, идѣже Троилѣ дивно на нихѣ наступи, и отѣ Греческихѣ благородныхѣ сто мужей изыма, ихѣ же плѣненныхѣ во градѣ Трою отосла. И се абіе нощь найде, и отѣ брани престаша. Сія бѣ седьмая надесять брань весьма смертоносна, зане паче иныхѣ на сей брани убійство бысть. Вѣ нощь ону Греки убійство оно помышляюще, и толико уязвенныхѣ стенаніе слышаще, лютѣ болѣзноваху, и сердцы своими содрогаху вельми плачущеся толикія своея пагубы. Ахиллесѣ же видѣ толикое паденіе своихѣ Мирмядонянѣ, такожде и язвенныхѣ безчисленное множество, изнемогая духомѣ, и помышляя паки

самѣ

самъ изыти на бранъ убійство своихъ хотяше мстити, но Поликсенина любовь весьма противится ему помышляя паки и се, аще ко оружію своему скочитъ, то уже конечно хотѣнія Поликсенина лишится, и желанія своего отнюдъ отпадетъ. И тако всю нощь ону разноличнѣ помышляя безъ сна пребыстъ.

О ОСЬМОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Егда же послѣди Троянское и Греческое вой ко паки къ смертной осьмойнадесять брани преопоясуются, и ходитъ первое Парисъ, по немъ Полидамъ, по немъ Троилъ, по немъ Енея, по немъ Царь Мемнонъ, по немъ Царь Филименъ, по немъ Царь Ремъ съ полки своими. Такожде и отъ страны Греческія исходитъ перъ-

первое Царь Теламонъ, по немъ Царь Менелай, по немъ Менесшей Аθинскій Князь, по немъ Царь Агамемнонъ, по немъ Діомидъ Князь съ полки своима, и промежъ ихъ браня дивна спустися, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Парисъ бо на Царя Менелая нападе, и копіемъ своимъ порази его и съ коня сверже; Полидамъ же паки на Теламона Царя нападе и съ коня сверже, Троилъ же всѣхъ противу текущихъ ему Грековъ или убиваетъ, или смертнѣ уязвляетъ, или съ коней низлагаетъ, и храбростію силъ своихъ Греческіе полки крѣпцѣ воюетъ. Такожде и прочіи Трояне послѣдуя ему Троянская множества жестокимъ устремленіемъ на Греки нападаютъ, и лютѣ сѣчаху ихъ; Грецы же стѣснившеся сердцы своими, и ставше противу ихъ вельми злу и преужасну сѣчу поставиша; и отъ обоихъ

обоихъ странъ велїе количество падоша умерщвленныхъ; и ищаху-боля другъ друга вспять обратити, и толь долго не ослабно сѣчахуся, донелѣже Греки поражений Троянскихъ терпѣти не могуще въ бѣгство понудишася, ихъ же Трояне устны меча свирѣпаго смерти предающе, и даже до шатровъ ихъ гонящे прїидоша. Вопль же велїи воста о смерти убиваемыхъ Грековъ, зане Трояне Грековъ уже въ шатрѣхъ ихъ немилостиво закалающе умерщвляли, инїи же язвени бѣжаще къ шатру Ахиллесову прїидоша, онъ же въ шатрѣ своемъ стоя вопроси бѣжащихъ: что есть толь смятена вина вопля? бѣжащїи же отъ брани рекоша ему яко Грецы, господине, побѣждени быша отъ Троянъ, и быти имъ въ шатрѣхъ ихъ отъ страха смертнаго, но и тако убиваются отъ Троянъ ничтоже ползующеся

щеся скрытіемъ онымъ : ты же, господине, стояти ли еще мниши въ шатрѣ своемъ во утвержденіи, но не будетъ тако, зане скоро узриши злѣ болѣе пятидесяти тысячъ Троянъ, иже тя не вооруженна живи не оставятъ. Къ симъ же Ахиллесъ ужасеся, и вострепета духъ его, и отложивъ любовь Поликсенину оружія проситъ отъ слугъ; раби же ему оружіе предаютъ, и отъ нихъ вооружается и со скоростію на конь восходитъ, и яко волкъ гладный во агнцахъ вдается на Троянъ, и нападаетъ на нихъ со многою яростію убивая ихъ и уязвляя и низлагая, яко въ малъ часъ между ратныхъ мечь его абіе познавается. Трояне же абіе познавше ополченіе Ахиллесово вспять ити понудишася, ихъ же Ахиллесъ крѣпцѣ ратуя убиваетъ. Егда же Троилъ видѣ Ахиллеса тако сѣкуща Троянъ, жестока

его

его и неправедна позна быти, и сего ради противу его конь свой понуди на теченіе, хотя крѣпцѣ сразитися съ нимъ. Ахиллесъ же видѣвъ Троила противу себѣ грядуща, жестоцѣ устремися нанъ съ копіемъ своимъ. Троилъ же Ахиллеса толь жестоцѣ копіемъ своимъ порази, яко и съ коня сверже его, и тяжцѣ уязви; и тако Ахиллесъ неволею преста отъ брани, и имѣлъ нужду чрезъ многіи дни отъ тоя раны лежати на своей постелѣ. брань же настоитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ паки въ бѣгъ обратиша, и даже до шатровъ ихъ усты меча гонятъ лютѣ сѣкуще, и се абіе нощь наступила и отъ брани престаша. Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему утверждено.

щеся скрытїемъ онымъ : ты же, господине, стояти ли еще мнишли въ шатрѣ своемъ во утвержденїи, но не будетъ тако, зане скоро узриши злѣ болѣе пятидесяти тысячъ Троянъ, иже тя не вооруженна живи не оставятъ. Къ симъ же Ахиллесъ ужасеся, и воструепета духъ его, и отложивъ любовь Поликсенину оружїя проситъ отъ слугъ; раби же ему оружїе предаютъ, и отъ нихъ вооружается и со скоростїю на конь восходитъ, и яко волкъ гладный во агнцахъ вдается на Троянъ, и нападаетъ на нихъ со многою яростїю убивая ихъ и уязвляя и низлагая, яко въ малъ часъ между ратныхъ мечь его абїе познавается. Трояне же абїе познавше ополченїе Ахиллесово вспять итти понудишася, ихъ же Ахиллесъ крѣпцѣ ратуя убиваетъ. Егда же Троилъ видѣ Ахиллеса тако сѣкуща Троянъ, жестока

его

его и неправедна позна быти, и сего ради противу его конь свой понуди на теченіе, хотя крѣпцѣ сразитися съ нимъ. Ахиллесъ же видѣвъ Троила противу себе грядуща, жестоцѣ устремися навъ съ копіемъ своимъ. Троилъ же Ахиллеса толь жестоцѣ копіемъ своимъ порази, яко и съ коня сверже его, и тяжцѣ уязви; и тако Ахиллесъ неволею преста отъ брани, и имѣлъ нужду чрезъ многіи дни отъ тоя раны лежати на своей постелѣ. брань же настоитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ паки въ бѣгъ обратиша, и даже до шатровъ ихъ усты меча гонятъ люто сѣкуще, и се абіе нощь наступила и отъ брани престаша. Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему утверждено.

Царь же Пріамъ егда услыша, яко Ахиллесъ противу обѣщ нія своего на брань изыти дерзнулъ, зѣло оскорбѣ, и Царицѣ Еккубѣ многія поносительныя словеса изрече. Отъ язвы же оныя Ахиллесъ лютое и ненавистное разженіе на Троила зачатъ, яко крѣпцѣ уязви его, и лежаше страждущи; рече бо во умѣ своемъ: нужда есть, да отъ моихъ рукъ Троилъ срамно умретъ,

---

О ДЕВЯТОЙНАДЕСЯТЪ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

По прошедшихъ же двухъ мѣсяцѣхъ срочныхъ, данныхъ въ перемиріе, паки Трояне препоясуются на брань: Греки же оружія своя такожде пріемлютъ, и исходятъ на ополченіе. Ахиллесъ же прежде пришествія своего на брань предъ себе Мирмядоняны своя призва;

ва , и на Троила тяжку жалобу имъ сказуетъ , и заповѣдуя имъ и повелѣваютъ , да ни къ чему иному тако сердецъ своихъ не приложатъ , но токмо Троила сына Царева прилѣжнѣ да улучатъ, и отвсюду его да обыдутъ , и посреди себе его удержатъ , и удержавъ да не убіютъ , донелѣже самъ пріидетъ къ нимъ , иже и всегда недалече бѣ отъ нихъ: И сія изрекъ имъ пойде на брань. Тогда Мирмядоняне числомъ двѣ тысящи , смѣли вкупѣ и союзни , повелѣніе господина своего исполняюще , на Троянъ усты меча нападаютъ. Тогда Троилъ въ велицѣ множествѣ и весьма въ жестокомъ смѣльствѣ на брань приходитъ , и на Грековъ сильнѣ находитъ , убивая ихъ и смертнѣ уязвляя. Тогда Мирмядоняне отвсюду его обыдоша , и посреди себе его поставиша , но Троилъ многихъ уби отъ нихъ ,

многихъ же и язвленныхъ умножи, но ни единъ ему отъ своихъ подоспѣлъ. Мирмядоняне же коня его убиваютъ, и копіями своими много кратъ его уязвляютъ, шеломъ со главы его силою сторгаютъ, досиѣхъ раздираютъ; тѣмъ же Троилъ стояше съ открытою главою, и коренными силами отъ нихъ себе мужески защищаетъ. Егда же пріиде Ахиллесъ, и видѣ Троила главу имуща безоружну, и стояща пѣша, нападе нань яростенъ, и главу его лютѣ отсѣче, тѣло же его руками своими взятъ, къ хвосту коня своего крѣпцѣ привяза, и чрезъ войско все за конемъ безсрамнѣ лютѣ влечаше.

Но Омиръ стихотворецъ въ книгахъ своихъ Ахиллеса весьма многими похвалами и проповѣдьми описалъ. Кое же искусное разсужденіе приведе тя, Омире, еже сопле-

тати

тати похвалу толику злу и безчеловѣчну мучителю, и вѣнчати цвѣты похвальными, звѣриную ону главу, а не человѣческу, еже и срамъ есть вельми мудру мужу тако безъ разсужденія творити, яко же прилучися? Рекль бо еси, Омире, въ написаніи своемъ, яко Ахиллесъ храбростію силъ своихъ двухъ Гекторовъ уби, еже есть самого онаго Гектора, также и сильнѣйшаго Троила брата его, его же ты храбрости силъ его вторымъ Гекторомъ имянуеши. Поистиннѣ о семъ ни едино есть къ тебѣ порицанія слово, но сего ради крѣпцѣ порицаемъ еси, яко неправедно хвалиши Ахиллеса, мужа укоризны и отвращенія достойнаго, безчеловѣчія его ради и лютости. Но аще убо братія оныи храбрый по истиннѣ Гекторъ, и чудный во ополченіяхъ Троилъ, сынове Царевы, и Ахиллесовымъ оружїемъ падоша;

но не храбростїю силъ его сїе содѣяся, точїю лукавымъ и измѣннымъ умышленїемъ своймъ Ахиллесъ уби ихъ. И слыши да возвѣщу ти како сотворися се. Гекторъ бо на брани пребывая, изыма Царя нѣкоего, и того ради щитъ свой себѣ за хребетъ поверже, да лучшаго онаго Царя отъ полковъ извлещи возможетъ; о семъ бо онъ мысль свою токмо вперенну имѣлъ, а о иномъ ни о чемъ помышляше. И се лукавнѣ усмотри Ахиллесъ, яко Гектору предъ грудьми щитныя помощи не имѣти, того ради внезапу нападе нань, и уби его. И аще бы Гекторъ лаятельство его уразумѣлъ, то бы щитъ свой предъ себе обратилъ, и самъ бы такожде обратился въ лице ему, еже онъ и множицею тяжкими браней незгодїями отягчати Ахиллеса обычай имѣлъ. Такожде и Троила сильнѣйшаго брата его и

чуднаго

чуднаго воина, его же не онъ своею силою уби, но отъ двою тысящъ воинъ одолѣна убити не устыдѣся, на немъ же никоего защищенія ратнаго обрѣте; и сего ради не живаго человѣка, но яко мертва убалъ. Потомъ же разумѣй паки, какову и колику лютость и безчеловѣчіе на немъ показа, яко толь сильна и толь храбра славнаго Царя сына, мужа толикою храбростію и смѣльствомъ цвѣтуща, ни поимана ни побѣждена отъ него, къ хвосту коня своего привязавъ по полкомъ оставя срамъ влечаше. И аще бы его царское благородіе украшало, и аще бы храбрость его вела бы; то никогда бы онъ на сицевая лютая уклонился, ни онъ на сіе подвигнутися не могъ бы, зане по истиннѣ не бѣша та въ немъ. И того ради похвалъ ли честныхъ достоинъ еси, пагубниче и мучитель мерскій?

 никако

никако же, но токмо велія хулы и укоризны и отвращенія. И сице убо Ахиллесу тѣло Троилово безстудно влачащу, сказася о семъ Парису и Енею и Полидаму. О смерти же Троиловѣ обмираетъ Парисъ, такожде Енея и Полидамъ зѣло оскорбишася, и съ великимъ тщаніемъ ищуще Ахиллеса, никако же обрѣсти его возмогоша, зане брань въ то время зѣльнѣ распаляшеся. Ахиллесу же безстудно тѣло оно влекущу, се найде нань Царь Мемнонъ съ великою яростію, и перѣе поносными словесы рече ему сице: о лукавый изрядца! откуду тебѣ произыти возможе толикія лютости омерзѣніе, да толь благородна, толь храбра, славнаго Царя сына, мужа толикою славою и храбростію цвѣтуща, къ хвосту коня своего привязалъ еси, и влещи по землѣ никако же ужаснулся? Поистиннѣ бо то никако же

безъ

безъ вреда твоея персоны къ тому можеши избыти : и по словесѣхъ устремився нань съ копіемъ своимъ, съ коня сверже его, и скоро храбрый Царь Мемнонъ извлече мечь свой, и толь мощнѣ удари его во главу, яко паде на землю едва живъ, его же Мирмядоняне вземше отъ ногъ конскихъ, яко бездушна отнесоша въ шатры своя. И тако Трояне тѣло Троилово пріобрѣтоша, но не безъ велика труда брани. Въ то же время брань бѣ острѣйшая, и Трояне Грековъ сильнѣ утѣсняютъ сѣкуще, и въ бѣгство обратишася; и абіе нощь наступи и брань разлучися. Седьми же дней Трояне и Греки непрестанну брань твориша; во осьмый же день егда Ахиллесъ отъ ранъ своихъ укрѣпися, и на отмщеніе Царю Мемнону дыша, Мирмядонянамъ своимъ крѣпцѣ заповѣдуетъ, да Царя Мемнона

отвсюду обыдутъ, яко же и Троила, и посреди себе его задержатъ, да отмщеніе свое на немъ пріиметъ. брань же настоитъ острѣйшая между Грековъ и Троянъ, и отъ обою страну множество воинъ падаетъ. Въ то же время Мирмядоняне Царя Мемнона отвсюду обшедше посреди себе его поставиша, и коня его подъ нимъ убиша; Ахиллесъ же ту абіе ускори, и нападе нань яростенъ, и уби его; но безъ тяжкія своея бѣды Ахиллесъ не возмогъ сего сотворити, зане самъ Мемнонъ многими ранами его озлоби, и кровь его течаше по пятамъ. Сего ради онъ смерти себѣ уповаше паче, нежѐ о животѣ мысляше. Внимай, о бѣдный Омире, никогда бо Ахиллесъ мужа храбра, токмо измѣнно уби. брань же въ день той зѣло крѣпка бысть даже и до нощныя тьмы. Нощь же найде

и

и брань престпа. Тогда Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, и паки на два мѣсяца перемирія прошаше, яко же и дано бысть ему перемиріе оно.

О ДВАДЕСЯТОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ; И О СМЕРТИ АХИЛЛЕСОВѢ И ПАРИСОВѢ И ЕАКСОВѢ.

Тѣлу же Троилову въ домъ Царя Пріяма принесену бывшу, плачь бываетъ велій во гражданѣхъ, болѣзнуетъ Царь Пріямъ не мало, болѣзнуетъ Царица Еккуба, болѣзнуетъ Кассандра, болѣзнуетъ Поликсена, болѣзнуетъ Елена, болѣзнуетъ Парисъ, болѣзнуютъ вси Трояне болѣзнію неизреченною. Послѣди же Царь Пріямъ тѣло Троилово во гробѣ зѣло дражайшемъ положи, токожде и тѣло храбраго Царя Мемнона во гробѣ зѣло

 дра-

дражайшемъ же положи, Царица же Еккуба о смерти сыновъ своихъ зѣло скорбїю ожесточися, наипаче же о смерти Троиловѣ, иже толико по смерти пострада, безчестное влаченїе. Призвавъ къ себѣ тайно Париса, сына своего, и со многими слезами сице рече ему: дражайшїй сыне мой! ты вѣси, како злочестивый онъ Ахиллесъ братїю твою любимѣйшихъ сыновъ моихъ, Гектора и Троила, измѣнно убилъ, лишивъ мя бѣдную родительницу дражайшихъ чадъ моихъ, ихъ же жизнь была мнѣ едино токмо утѣшенїе. Нынѣ же егда воспомяну неправедное заколенїе ихъ, еже пострадаша отъ лютаго онаго и безчеловѣчнаго мучителя, изнемогаю духомъ, и сокрушаюся печалїю великою. Множицею же сей неблагодарный Ахиллесъ просилъ у мене Поликсены, дщери моея, еже бы отдати ему въ законную жену,

жену, юже азъ въ надеждѣ извѣстнѣй отдати ему хотѣла, яко же и ты добрѣ вѣси. онъ же неблагодарный вся сїя отвергль, и клятвы своя поправъ, къ толицѣ лютости обратися, и въ ней пребывая стоитъ. И того ради праведно быти мню, да яко же онъ измѣннѣ убиваетъ сыновъ чужихъ, тако и самъ онъ измѣннѣ да убїется, и казнь подобную потѣрпитъ. Умышляю бо къ нему посланника своего послати, да прїидетъ ко мнѣ во храмъ Аполлоновъ о брацѣ ономъ глаголати. Хощу же да ты, сыне, съ вѣрными нашими воины тамо тайно сокрыешися и ждеши его; и ему тако приходящу, вамъ же нань нападшимъ, избыти не можетъ смерти, но да убїется тму. Парисъ же къ словесемъ матернимъ подвижеся, такожде плачеся матерню изволенїю благоговѣйнѣ покаряется. Бысть же тогда

Парисъ по совѣту матерню съ двадесятію воины зѣло смѣлыми во храмѣ Аполлоновѣ тайно скрытъ, и скоро отъ Царицы Еккубы послану бывшу посланнику ко Ахиллесу, да пріидетъ во храмъ Аполлоново глаголати съ Царицею. Неблагодарный же Ахиллесъ безумною любовію обузданъ егда услыша отъ посланника глаголы сія, неизреченною радостію возрадовася: тако бо похотѣнія страсть ослѣпи его; не предразумѣваетъ бо, что хощетъ ему случитися за злобу его, юже сотвори лютостію своею, но токмо страстію упився влекомъ бываетъ, яко же волъ на заколеніе, со Артилогомъ, Несторовымъ сыномъ, въ Трою иде, и во храмъ вниде. Тогда абіе Парисъ отъ закрытія своего явѣ изшедъ, и три стрѣлы храбро испусти на Ахиллеса, и порази его во чрево. Ахиллесъ же извлече мечъ свой, и платомъ обви руку свою, не

не вооруженъ бо бѣ , и нападшихъ наиъ седмь воиновъ уби , послѣди же Ахиллесъ и Артилогъ во храмѣ Аполлоновѣ умросита , отъ Париса лукавнѣ убіенны. Парисъ же тѣло Ахиллесово и тѣло Артилогово повелѣваетъ враномъ и псомъ дати , но моленіемъ и предстательствомъ Елениными изверженны токмо на улицу. Радуются убо Трояне о смерти толикаго ихъ врага , и стецаются во многомъ веселіи зрѣти его. Егда же услышаша Царіе Греческіи погубленіе Ахиллесово и Артилогово , ужасошася вельми , и въ недоумѣніи быша. Царь же Агамемнонъ абіе ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла моляше его , да повелитъ тѣлеса ихъ отдати ему. Царь же Пріямъ повелѣ отдати ихъ : по повелѣнію же Царя Пріяма веземше Грекове тѣлеса ихъ , отнесоша въ станы своя. Егда же принесоша , тогда

плачь

плачь вельми великъ и рыданїе зѣльно въ полцѣхъ Греческихъ умножися. Глаголаша бо : яко аще Ахиллесъ отъ житїя сего оскудѣ, то отселѣ вся наша надежда ужѐ тщетна будетъ о взятїи града, Ахиллесу не сущу съ нами. Послѣди же Царь Агамемнонъ, и прочїи Царїе во гробѣхъ зѣло дражайшихъ тѣлеса ихъ положивше, паки молятъ Царя Прїяма, да во градѣ Трои тѣлеса ихъ вмѣстити повелитъ. Царь же Прїямъ по прошенїю ихъ подлѣ сыновъ своихъ Деиѳеба и Троила тѣлеса оны положити повелѣ. И тако повелѣнїемъ его Греки тѣло Ахиллесово и тѣло Артилогово во градѣ Трои погребше отыдоша. По смерти же Ахиллесовѣ воста несогласїе велико въ войскѣ Греческомъ. Тогда Царь Агамемнонъ видя несогласїе оно, всѣхъ Царей и Князей призвати повелѣ, и рече имъ :

друзи

друзи, Царіе, и Князи и начальницы! мнози нынѣ отъ воинства нашего смерти ради Ахиллесовы изнемогше, въ малодушіе уклонишася брани не хотяще творити со враги нашими и отчаявшеся совершенно побѣду воспріяти: и что намъ отнынѣ творити подобаетъ, во брани ли пребывати, или миръ вземше съ Трояны, во свояси возвратитися ко отечествомъ нашимъ? Возвѣстите намъ о семъ да слышу. Они же сія слышавше въ разная хотѣнія раздѣляются, ови убо отъ нихъ брань хотятъ, друзіи же возвратъ добро быти повелѣваютъ, и тако несогласни пребываху. Царь же Аяксъ посреди рече: аще бо и Ахиллесъ отъ житія сего оскудѣ, но не оскудѣетъ намъ истинна и обѣты боговъ; нынѣ же да пошлется убо по сына Ахиллесова, иже у Царя Ликомеда во оружіяхъ воинскихъ написуется, и

той

той пришедъ ополчится съ нами о побѣдѣ Троянъ. Тогда вси Царіе и Князи слышавше сія похвалиша совѣтъ его, и паки въ помышленіяхъ своихъ соединишася, и абіе отпустиша Царя Менелая, да приведетъ въ войско ихъ Пирра сына Ахиллесова. Онъ же пріимъ отъ Царей отпущеніе отъиде въ путь свой: и сему сице бывшу, се день брани приближися имъ. Тогда Трояче и Греки двадесятую смертную брань поставляютъ; исходитъ первое Діомидъ, потомъ Царь Теламонъ, потомъ Менестей, Аѳинскій Князь, потомъ Царь Агамемнонъ, потомъ и прочіи Цари съ полки своими, и пріидоша до мѣста Троянъ. Парисъ же изъ града изыде подъ чернымъ знаменемъ во множествѣ слезъ подъ щитомъ его изливаемыхъ въ невѣденіи своихъ, потомъ Полидамъ, потомъ Енея, потомъ Царь Ѳилименъ,

по

потóмъ Царь Екстръ, потóмъ и прочіи военачальницы съ полкѝ своими, но коликимъ страхомъ уже Троянскій сражается языкъ; видя себе на брань входящихъ безъ воеводства сильнѣйшаго Гектора, и храбраго Деиѳеба и Троила зѣло смѣлаго! но зане нужда есть, да Трояне животъ ихъ защитятъ, въ пагубу бранную животъ свой полагаютъ, и сшедшеся со Греки велику сѣчу абіе составиша, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Тогда отъ страны Греческія Аяксъ Царь нѣкоимъ жаломъ буйства пострекаемъ главою нагою безоруженъ, не имѣя шлема, ниже доспѣха, ниже копія, ниже щита, но мечь единъ въ десницѣ своей имѣя, и скочи между Троянъ съ великимъ и жестокимъ устремленіемъ, и смяте крѣпко полкѝ Троянскія, и многихъ Троянъ уби. Таже скочивъ межъ полковъ Парисовыхъ и без-

численно

численно уби отъ нихъ, да яко вси отъ него разбѣгошася. И сего ради Парисъ терпѣти не моги бываемыхъ отъ Аякса на брани, напрягъ крѣпкій свой лукъ, и на Аякса стрѣлу свою испусти и жестоцѣ его порази межъ плечъ его и ребръ, да яко о семъ добрѣ уразумѣ Аяксъ, яко неложно ему отъ тоя раны умрети, Париса прилѣжнѣ ищетъ, хотя мстити ему, и пріединися ему рече: Парисъ, Парисъ! ты мя пораженіемъ стрѣлы своея лютѣ погубилъ еси, и прежде даже умру азъ, во адъ ты мнѣ да будеши предпутникъ, треба бо есть, да отъ неправедныя любви Еленины, за нея же толико благородныхъ умертвишася, скоро да отлучишися! и по словесѣхъ своихъ, порази его въ лице мечемъ своимъ толь лютѣ, яко обѣ челюсти его отъ мозгу отдѣли, и абіе храбрый Парисъ умре, и падъ

на

на землю скончa послѣднія дни своя. Аяксъ же недалече отгедъ, такожде мертвъ паде на землю. Трояне же видяще Париса мертва, ослабѣша отъ недоумѣнія руцѣ ихъ: того ради брань скончеваютъ, и поле оставляютъ, и въ бѣдѣ лицъ своихъ во градъ входятъ, вонъ же тѣло Парисово мертво принесше, предъ лицемъ Царя Пріяма полагаютъ, еже яко узрѣ Царь Пріямъ болѣзнію многою мучится, такожде и Царица Еккуба и сестры его неизреченною тугою скорби сокрушахуся. Плачутъже-ся неизреченнымъ плачемъ и вси Трояне, понеже всякъ путь отчаянія непщуютъ себѣ явѣ быти откровенъ, зане вси сынове Царевы толикою храбростію свѣтлыя отъ нихъ же защищеніе граду висяше на бранѣхъ убіени оскудѣша. Что же сотворися о Еленѣ, яко множицею умираше отъ великія туги надъ тѣломъ Парисовымъ?

рисовымъ ? двадесять бо кратъ отъ тѣла его въ ту нощь сильно отвлекоша ю ; хотяше бо отнюдь умрети съ нимъ , нежели по немъ жити. Царь же Прїямъ и Царица забывъ уже своя болѣзни , Елену отъ болѣзней ея утѣшаху , и къ тому уже Царь Прїямъ и Царица Елену паче дщери любимую у себе имяху. Послѣди же Царь Прїямъ тѣло Парисово во гробѣ зѣло дражайшемъ положи , и честно погребе , и ко Царю Агамемнону Царь Прїямъ пословъ своихъ посла , на два мѣсяца сроку перемирїя прошаше , еже и дано бысть ему.

О ПРИШЕСТВІИ ВО ТРОЮ АМАЗОНСКІЯ ЦАРИЦЫ ПАНТАЗАЛЕИ.

Двѣма же мѣсяцемъ цѣло прошелшимъ , Царь Прїямъ не восхотѣ къ тому вратъ градскихъ отво-

отворити, ниже воинству своему повелѣ на брань исходити, но пребываше въ заключеніи. Царь же Агамемнонъ въ то время Царя Пріяма многажды послы своими взыска, да на брань языку своему изыти повелитъ. Царь же Пріямъ отрече.я, боя я языку своему раззоренія. Во странахъ же восточныхъ страна нѣкая бѣ, яже Амазонская нарицашеся, въ ней же едины жены безъ мужей живяху, ихъ же юныхъ женъ попеченіе сильнѣйше бѣ во оружіяхъ бранныхъ потѣти, и брань творити, откуду бы себе храбрости хвалу и ополченія славу изыскати могли. Противу же сего нѣкій бяше островъ зѣло красенъ, въ немъ же едини токмо мужіе безъ женъ живяху. Обычай же тѣхъ женъ по три мѣсяцы въ году Апрѣль, Май, Іюнь, приходити во онъ островъ, и съ мужи того острова пребывати; и сего

ради

ради непраздни отъ нихъ бываху и непраздни къ себѣ возвращахуся. рожденію же бывшу, аще приключашеся мужескъ полъ, то по трехъ лѣтѣхъ во стровъ онъ къ мужемъ своимъ отсылаху, аще ли женскъ полъ, то убо у себе въ странѣ задерживаху. Сея же страны въ то время бѣ нѣкая Царица дѣва благородна, именемъ Пантазалея, зѣло избранна во ополчимыхъ сраженіяхъ, смѣльствомъ крѣпости вельми процвѣтшая, яже Гектора зѣло другомъ себѣ имяше ради зѣльныя его храбрости; но услыша, яко Греки противу Царя Пріяма съ воинствы своими пріидоша, тогда и оная со тысящію отроковицами зѣло бранными любве ради Гекторовы пріиде воевати за Трояну, и вниде во градъ; невѣдяще бо Гектора уже умерша, о его же смерти егда бысть ей сказано, зѣло возжалѣ, и по многіи дни о немъ непре-

непрестанно упражняшеся въ рыданіи и слезахъ.

О ДВАДЕСЯТЬ ПЕРЬВОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Послѣди же Царица Пантавалея отъ плача онаго отдохнувъ во благодушіе облечеся, и молитъ Царя Пріяма, да въ послѣдующій день, уготовивъ своихъ всѣхъ на ополченіе, отпуститъ, зане она и сама со своими дѣвицами противу Грековъ на брань пойти мыслитъ, да Греки зря возмогутъ искуситися, что могутъ на бранѣхъ десницы отроковическія творити. По повелѣнію же Царя Пріяма, Царь Филименъ съ Паѳлагоняны, и Енея и Полидамъ съ своими полки, и Пантазалея съ своими отроковицами враты Дарданійскими исходятъ на брань. Греки же во оружіяхъ противу ихъ те-

текутъ, и первѣе Царь Менелай на Пантазалею нападе, и копїе свое о нея преломи, но изъ сѣдла не возможе ея изъяти. Пантазалея же Менелая Царя толь мощнѣ копїемъ своимъ порази, и съ коня сверже его, и коня у него отъемлетъ, и своимъ дѣвицамъ вдастъ. Дїомидъ же видѣвъ Менелая Царя съ коня сверженa, и смертнѣ уязвленна, яростенъ на Пантазалею нападе, и копїемъ своимъ порази ея. Пантазалея же усидѣ на крѣпкомъ своемъ конѣ; Дїомидъ же къ пораженїю ея весь потрясеся, и съ коня своего спаде, такожде и конь его на землю паде. Пантазалея же силою щитъ исторже у него изъ рукъ, и своимъ дѣвицамъ отдаде. Царь же Теламонъ не могїй терпѣти бываемыхъ отъ Пантазалеи Царицы на брани, жестоцѣ на нея нападе. Пантазалея же оставивши его направляется въ частыя полки Греческїя

ческія, и многихъ Грековъ убиваетъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ, яко въ малъ часъ Греки познавше ополченіе Царицыно, отъ лица ея вси бѣжатъ; безъ милости бо Пантазалея сѣчаше ихъ. Такожде и отроковицы ея зѣло храбро побѣждаху Грековъ. Грецы же падающе предъ ними, множество отъ меча ихъ умираху лютѣ; такожде и Полидамъ, и Енея, и Царь Филименъ, и прочіи Трояне силою Царицы Пантазалеи Грековъ дивнѣ побѣждаютъ, да яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, вси конечно на бѣгство обратишася, и отъ лица Троянъ бѣжаще въ шатры своя спѣшатъ, ихъ же Пантазалея Царица и прочіи Трояне въ шатрѣхъ ихъ убивающе немилостивно погубляютъ, и множества имѣнія ихъ Трояне грабленіемъ похищаютъ. И абіе нощь наступи и отъ

брани престаша. Трояне же богатства Греческія вземше во градъ свой съ веселіемъ отнесоша; а Царица Пантазалея съ великою славою побѣды вниде во градъ, ей же Царь Пріямъ самъ изыде во срѣтеніе, честь хвалы исплетая благородію ея, и дары зѣло многоцѣнныя принося ей, съ радостію и веселіемъ, зане тою вѣруя Царь Пріямъ отъ своихъ болѣзней упокоитися.

О ДВАДЕСЯТЬ ВТОРОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ, И О ПРИШЕСТВІИ ПИРРОВѢ, СЫНА АХИЛЛЕСОВА, ВЪ ВОЙСКО ГРЕЧЕСКОЕ.

Во утрій же день паки Агамемнонъ Царь ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на тридесять дней сроку перемирія прошаше у него. Царь же Пріямъ по прошенію его даде ему перемиріе утверждено. Въ тоже перемирія время

Пирръ,

Пирръ, сынъ Ахиллесовъ, въ войско Греческое пріиде, о его же пришествіи Греки зѣло возрадовашася, и молиша его, да во отмщеніе убійства славнаго отца своего восстати потщится крѣпцѣ. Царь же Агамемнонъ шатры и прочія вещи отца его абіе повелѣ вдати ему, и Мирмядоняне его радующеся себѣ въ господина пріемлютъ, и толико радуются Грецы пришествію его, яко отъ оныя своея великія радости въ честь ему два отъ великихъ Князей Греческихъ своима рукама приложиша ему остроги позлащенны. Егда же день брани приближися, Пирръ во отеческомъ оружіи на брань приходитъ, потóмъ Царь Менелай, потóмъ Царь Теламонъ, потóмъ Діомидъ, потóмъ Менестей Аѳинскій Князь съ полкй своими на брань приходятъ. Отъ града же Трои исходитъ первое Царь Филименъ, по-

то́мъ Полидамъ, пото́мъ Енея со своими полкѝ, Пантазалея со своими отроковицами приходитъ въ знаменахъ бѣлыхъ, подобныхъ снѣгу, и на Грековъ сильнѣ нападаетъ, убивая ихъ и уязвляя и съ коней низлагая, и Греческія полкѝ крѣпцѣ воюя. Пирръ же на Царя Филимена нападе, и его копіемъ свои́мъ порази, и съ коня сверже его, поимати его хотя. Пафлагоняне себе смерти вдаютъ, за избавленіе господина своего; но Мирмядоняне не оставляютъ, и абіе къ мѣсту оному Полидамъ Князь съ полкомъ свои́мъ приспѣ, и на Мирмядонянъ крѣпцѣ нападе, убивая ихъ. Пирръ же видѣвъ Полидама толь сильнѣ на Мирмядонянъ нападша, Филимена Царя остави и на Полидама нападе, и коня его низложи. Царь же Филименъ въ то время на конь свой взыде; и се абіе къ мѣсту оному Царица Пантазалея

лея пріиде, и на Мирмядонянъ сильнѣ нападе, и возмяте крѣпцѣ полкъ ихъ, и многихъ уби отъ нихъ, еже видѣвъ Пирръ Полидама остави, и на Мирмядонянъ своихъ мощнѣ возопи глаголя: срамъ есть вамъ, о храбріи Мирмядоняне, яко толь срамно убиваеми умираете, падающе отъ рукъ женскихъ. Прилѣжите убо со мною, да ихъ усты меча свирѣпаго смерти предадимъ. Пантазалея же Пиррово прещеніе слышавъ, небреже о немъ, но посѣкая Мирмядонянъ его, близъ самого Пирра пріиде, яко мощно бѣ ему добрѣ уже словеса ея разумѣти. Пантазалея же ему о смерти Гекторовой отъ его лица измѣннѣ сотворенной, словесы досадными поноситъ: къ словесемъ же ея Пирръ зѣло разгнѣвався, пріемъ копіе на Пантазалею наступи яростенъ, и порази ея крѣпцѣ, но изъ сѣдла не возможе

може ея изъяти. Пантазалея же Пирра толь мощнѣ копіемъ своимъ порази, яко съ коня сверже его. Пирръ же помощію своихъ абіе на конь свой взыде, и на Пантазалею нападаетъ: Пантазалея же противу его такожде устремительнѣ нападе, и толь мощнѣ копіями своими сразишася, яко оба съ коей своихъ низпадаютъ. Пантазалея же первѣе на конь свой взыде, и Пирра на землѣ оставя, на Грековъ сильнѣ нападаетъ, убивая ихъ. Подобно и прочіи Трояне сильнѣ сѣчахуся съ ними толь долго, донелѣ же въ бѣгство обратиша ихъ, и абіе нощь наступи, и отъ брани престаша. Чрезъ весь мѣсяцъ Трояне и Греки непрестанну брань сотвориша; множество же веліе отъ обѣихъ странъ падоша въ то время воиновъ, паче же отъ Грекъ, зане Царица Пантазалея въ

тѣ дни множество ихъ избила; и сама отъ своихъ дѣвицъ множество же потеряла. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ, на три мѣсяцы сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему со утвержденіемъ.

О ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТЕЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Скончавшуся же сроку данному въ перемиріе, оба войска на брань сходятся, и тяжка брань спускается въ нихъ. Пирръ на брань приходитъ; Пантазалея противу его. Пирръ на Пантазалею нападе, и копіе свое преломи о нея, но не вреди ея ничимъ. Пантазалея же толь жестоцѣ копіемъ своимъ Пирра порази, его же аще и не сверже съ коня, но изломокъ копія

своего въ немъ остави вонзенъ. Вопль убо велїй воспа о язвѣ Пирровѣ въ войскѣ Греческомъ, и на Пантазалею Греки мнози восстаютъ весьма, и нападше на ню, ременїе шлема Пантазалеина расторгоша. Пирръ же на Пантазалею паки нападе изломокъ копїя въ тѣлѣ своемъ нося и не разсмотряя, что ему отъ того случится. Пантазалея же видѣвъ Пирра, противу себе грядуща, прежде мняше его пронзити копїемъ своимъ, но Пирръ во ударенїи своемъ скорѣе ея предвари, и порази ея мечемъ голымъ, и руку ея отъ плеча родственнаго состава отдѣли, и тако храбрая оная Царица умре падъ на землю, и Пирръ во отмщенїе своея раны все тѣло ея на части изсѣче, и самъ многаго ради излїянїя крови отъ раны его текущїя паде на землю, яко мертвъ. Отроковицы же о ея смерти зѣло сму-

смутишася, на Грековъ усты мечи нападаютъ, и безчисленно погубляютъ ихъ, защитника ихъ не имущихъ, такожде и прочіи Трояне болѣе десяти тысящъ Грековъ въ то время изгубиша, но ужѐ что пользова Троянъ толико Греческое паденіе, понеже Греки зѣло множествомъ ихъ превосходятъ? Тѣмъ же Царь Менелай, и Царь Теламонъ, и Діомидъ Князь, и Менестей Аѳинскій Князь такожде и самъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воиновъ соединившеся, Троянъ съ поля згоняютъ, и того ради останцы отроковицъ и останцы Троянъ во градъ Трою вбѣгше съ великимъ трудомъ и со тщетою паденій своихъ, врата градская крѣпкими утвердиша запоры, и къ тому уже на битву не изходяху, зане отселѣ не было уже воли ни силы толики, еже исходити на брань.

О совѣщании предательства троянскихъ предателей, совѣщавшихъ измѣну со цари греческими.

Трояне же пребывающе въ заключеніи ни въ чемъ иномъ упражняхуся, но токмо непрестанному прилѣжаху воздыханію и плачу. Антенорь и Енея сшедшеся вкупѣ совѣтоваху, како могутъ соблюсти животъ свой, и ни коего же инаго совѣта спасенію своему обрѣтаху легкаго и скораго, токмо градъ предати Грекамъ на расхищеніе, и сіе совѣтованіе зѣло тайно сплетше, клятвами страшными себе утвердили, быти отнюдъ совѣту ихъ не произносну никому же. И сія сотворше, времене подобна къ совершенію умышленнаго ими зла искали, и пришедше вкупѣ ко Царю Пріяму начаша ему глаголати лукавнѣ, дабы миръ сотворилъ

со

со Греки : ту же бѣ и Акѳимакъ, юный сынъ со Царемъ Прїамомъ отцемъ своимъ сѣдяше, и перьвѣе Антеноръ рече ко Царю : о благородный великїй Царю! се уже явѣ зримъ, яко лютая сїя обстоянїя постигоша градъ сей, и живущихъ въ немъ всѣхъ насъ, и ни откуду же къ тому надежды избавленїя себѣ чающе, врази наши уже по правдѣ крѣпчае насъ явишася; облегоша бо всѣхъ насъ во градѣ семъ, яко же во крѣпцѣй нѣкоей сѣти емше удержаша, ниже нынѣ уже кая въ насъ мощь есть, ею же бы могли ополчитися противу враговъ нашихъ толикїя крѣпости, ниже предводителей и военачальниковъ, ниже воинства имуще, зане вси сынове твои, толикою храбростїю свѣтлые, отъ нихъ же поистиннѣ защищенїе града зависѣло. на бранѣхъ убїени оскудѣша, и часть сильная людей твоихъ оружїемъ

 непрї-

непріятельскимъ скончася, и сего ради, великій Царю, да благоволитъ благородіе твое пощадѣти оставшія люди твоя, и сотворити миръ со враги нашими, и отдати Елену Царю Менелаю, мужу ея, такожде и грабленная богатства, яже во островѣ Ситарійскомъ взятая, подобаетъ ему Царю цѣло возвратити. Парисъ бо сынъ вашъ Царскій, удержавый оную въ жену, нынѣ ужѐ заключи день послѣдній, и отселѣ ужѐ Елена кія ради потребы живетъ въ Трои, Парису мертву сущу. Тѣмъ же, великій Царю, благоволи послушати совѣта нашего, и сотворити тако, и себе и насъ всѣхъ отъ толикія настоящія явныя нашея всеконечныя погибели избавити. И въ сихъ Антеноръ слово свое скончa.

Аѳимакъ же, сынъ Царевъ, егда услыша отъ Антенора глаголы

сія

сїя , абїе уразумѣ лесть преда-
тельства , и тако рече Антенору:
воспомяни, о Антеноре ! отечество
града твоего , въ немъ же родился
еси , такожде и милость толику
благороднаго отца моего , юже
творяше лицу твоему во вся дни
твоя ; коликою бо честїю отъ
благородїя его возвышенъ и воз-
несенъ еси , и коликою славою
преимѣеши прочихъ братїю твою ,
и коликимъ богатствомъ во гра-
дѣхъ же и въ селѣхъ обогащенъ
еси , и должно ти есть присно
благодѣянїя царская поминати ,
и печальное сердце его благоразу-
мїемъ словесъ здраваго совѣта
твоего ко благодушїю приводити
и во всѣхъ полученїяхъ , радо-
стныхъ же и печальныхъ , едино-
душно къ нему прилѣжати , яко
же обычай есть благоразумнымъ
Княземъ и вѣрнымъ слугамъ цар-
скимъ творити , а не печаль къ
печали прилагати , и скорбь ему
умно-

умножати, яко же зрю тя сице творяща днесь. Словомъ бо твоимъ показуется дѣло вещи, яко ищеши себе отъ печали покоя царскою бѣдою, и не помышляеши коль люто есть царю по толицѣхъ своихъ незгодіяхъ и пагубахъ, мира искати со Греки въ поношеніи толикаго своего уклоненія, ты же еще къ тому не усрамился еси безтудія лица твоего съ толикою зѣльностію открыти, и благородіе Царя нашего вельми ужасити, и въ недоумѣніе привести неблагороднымъ своимъ словомъ, яко по истиннѣ совѣта твоего слово, отъ невѣрныя ровности изыде, яко же не пщую, но мерскія измѣны отъ заблужденія. Сицевая же и иная поносная словеса изнесе на Антенора Аноимавъ и умолче; но Енея сладкими словесъ реченіи и честнолѣпными Аноимака, сына Царева, покусися обуз-

обуздати, обаче не возможе. Уразумѣ бо онъ добрѣ лесть предательства ихъ: того ради и слышати не восхотѣ. Царь же Пріамъ нача со гнѣвомъ обличати ихъ; сице бо рече Антенору: господине Антеноре! возвѣсти ми, что когда сотворихъ безъ вашего совѣта, или кое дѣло мое сокрыхъ, еже не явити вашему вѣденію, но вся начинанія моя предъ вами полагахъ? почто же тогда ни что сицево рекосте ко мнѣ? азъ бо поистиннѣ въ молчаніи хотѣлъ обиду сію пренести нанесенную ми отъ Грекъ, но лукаваго вашего послушавъ совѣта, къ сему ополченію уклонихся. Нощію бо и днемъ поощряюще мя на се, да брань воздвигну со Греки, и въ толико мя приведосте, яко ниже сыновъ моихъ благородныхъ, премудростію сіяющихъ, ниже иныхъ мудрыхъ мужей полезная совѣщающихъ ми любезнѣ послушахъ,

но

но вся сія отвергши къ вашему совѣту уклонихся. Ты же, господине Антеноре, егда посылахъ тя азъ ко Греческимъ Царемъ, моля ихъ о отданіи сестры моея, и тамо ничто же благо сотворилъ еси, токмо болѣзни моя усугубилъ еси. Такожде и ты, господине Енея, егда съ Парисомъ во Греки поѣхалъ еси, и тамо первый начальникъ совѣта его былъ еси, да Парисъ восхититъ Елену и въ Трою приведетъ. Аще ли же бы не ты совѣтовалъ ему тако сотворити, то никогда бы Елена видѣла стѣнъ Троянскихъ; во всѣхъ бо начинаніяхъ нашихъ вездѣ предстательми и приводцами быти показастеся. Нынѣ же по убійствѣ дражайшихъ сыновъ моихъ, толикою храбростію свѣтлыхъ, и по убіеніи гражданъ моихъ, на совѣтъ безстудно восстаете, вину написующе мнѣ по толицѣхъ моихъ незгодіяхъ.

Тогда

Тогда Енея противу Царя Пріяма многая надменная словеса изнесе, и тако отыдоша отъ Царя въ словесѣхъ зѣло гнѣвныхъ. Царь же Пріямъ по отшествіи ихъ весьма оскорбися, видѣвъ къ себѣ толику невѣрность ихъ, и помышляше о предательствѣ ихъ, весьма ужасаяся и скорбя вельми о семъ, како моглъ бы животъ свой соблюсти отъ нихъ, и отшедъ въ тайную камору свою вельми плакаше. Потомъ же призва къ себѣ Анѳимака сына своего, и тако рече ему: дражайшій сыне мой! ты вѣси, яко азъ тя родихъ, ты же отъ мене родился, нынѣ же обща бѣда обоихъ постиже насъ, и аще пребудемъ не радяще о себѣ, то абіе погибнемъ. Ты бо вѣси извѣстно, яко тіи два Антеноръ и Енея мышлятъ предати насъ въ руки Греческія; обаче елико есть намъ мощно, да хитротвуемъ

емъ полевная, да не напрасно погибнемъ; умышляю бо ихъ на совѣтъ къ себѣ призвати единыхъ: хощу же паки, да ты сыне мой съ вѣрными нашими воины тайно сокрыешися, и егда они пріидутъ; ты да нападеши на нихъ со онѣми воины, и да побіеши ихъ, и умрутъ, и тако избавимся лукавства ихъ.

Анѳимакъ же обѣщася сотворити тако, но не вѣмъ како Антенору и Енею совѣтъ Царевъ вѣдомъ сотворися. Они же противу сего тако сотворити умыслиша, егда ключится имъ позваннымъ быти отъ Царя, то да не пойдутъ просто, но во множествѣ оружныхъ; бѣ бо Енея весьма богатъ, во градѣхъ же и весѣхъ, въ златѣ же и сребрѣ, и во прочихъ имѣніяхъ, и многолюденъ вельми и честенъ, яко во градѣ Трои ни единъ бѣ отъ

человѣ-

человѣкъ толико славенъ, яко же онъ, такожде и Антеноръ во множѣ сродствѣ цвѣтяше, и богатствомъ великимъ обогащенъ, и многими людьми отвсюду огражденъ.

Царь же Прїамъ хотя къ совершенїю привести совѣщанїе свое, по Антенора и Енею послалъ, да къ нему прїидутъ; они же прїидоша къ нему во множествѣ оружникъ.

Царь же Прїамъ видѣвъ ихъ въ толикомъ множествѣ воинъ пришедшихъ, усумнѣся, и изыде къ нимъ изъ палаты своея. Тогда Енея рече ко Царю Прїяму: о великїй Царю! хощеши ли ты или не хощеши, но убо всѣ Трояне мира хотятъ со Греки, и на то обще соизволяютъ. Трояне же абїе по словесемъ Енеинымъ вси кликнуша вкупѣ, яко же отъ

нихъ

нихъ научени быша : хощемъ , о благородный Царю , и вельми желаемъ искати Греческаго мира ; что же ты повелѣваеши намъ ? Видѣвъ же Царь Пріамъ , яко не сбыться начинаніе его , и въ дѣло совѣтъ его не произыде , но въ сопротивное обратися , горько воздохнувъ , рече Енею и Антенору : яко же согласистеся творити противная , творите , яко же хощете ; не имате бо возбраняющаго вамъ . и мнѣ отъ вашего творимаго совѣта что ни учините , любезно есть. Тогда абіе Антенорь избирается въ послы , его же Трояне пріемше свѣсиша по стѣнѣ. Антенорь же пріиде ко Царю Агамемнону и предъ лицемъ его ста , сказуя себе посла Троянскаго быти. Царь же Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей на совѣтованіе къ себѣ призвати повелѣ , и яко же пріидоша къ нему вси , тогда Царь Агамемнонъ вину посольства Антенора

тенора

тенора предъ Царьми вопрошаетъ. Антеноръ же рече имъ, благороднiи и пресвѣтлiи Царiе и Князи, и начальницы всего Греческаго ополченiя! аще благоволитъ благородiе ваше показати милость совершенну ко мнѣ рабу вашему, и ко всѣмъ сродникомъ моимъ, такожде и къ Енею, и ко всѣмъ сродникомъ его и къ людемъ нашимъ, и аще повелите сохранити домы наша и имѣнiя наша, и села наша вся въ цѣлости соблюдете, и аще о семъ вѣрно и истинно намъ подадите слово, и руку милости благородiя вашего неослабну простреге рабомъ вашимъ о всѣхъ сихъ, о нихъ же глаголю; то мы раби ваши безъ сомнѣнiя сотворимъ, да градъ сей Трою великую; и вся, яже въ немъ, владычеству вашему извѣстно предадимъ; послушати бо насъ имать Царь Прiямъ во всемъ, мы же сотворимъ по воли вашей; яко

яко же повелитъ благородіе ваше.

Сія слышавъ Царь Агамемнонъ и прочіи Царіе весьма возвеселишася о словесѣхъ его и клятву вѣрну подаша ему во всемъ, еже ничимъ же вредити ихъ, наипаче же соблюдати ихъ и благодѣтельствовати во всемъ. Антенорь же такожде имъ присягу вѣрну даде. Тогда Греки отрядиша лукавнѣ послы своя ко Царю Пріяму, Уликса и Діомида, и со Антеноромъ вкупѣ отпустиша во Трою: они же егда пріидоша ко Царю Пріяму, тогда Царь повелѣ пріяти ихъ лицемъ чести, и съ ними о всемъ Антенору и Енею дѣло посольскаго доконченія творити. Повелѣ же абіе и посломъ онымъ палаты чудныя дати, идѣже дѣло посольства онаго совѣршати имутъ. Въ ту же нощь Антенорь и Енея со Уликсомъ и Діомидомъ,

омидомъ; лукавыми послы Греческими, умыслиша, Палладу изъ города Трои тайно изнести въ войско Греческое: рѣша бо, яко аще неизнесемъ изъ Трои Паллады, ничто же успѣти можемъ. Уликсъ же прилѣжно увѣдати хотя о Палладѣ, что есть; тогда явнiи они предатели отечества Антенорь и Енея повѣдаша ему о ней явственнѣ, яко въ прежнiя лѣта, господiе, еще Царь Илiусъ, иже первѣе былъ онъ основатель Трои, той и сiю чудную хитрую вещь сотвори, состроенiе же ея бѣ отъ древа не гнiюща хитростнымъ нѣкоимъ видомъ съ великими нѣкiими волшебными силами состроено. Дѣйство же имать толикiя силы, да егда оная Паллада въ стѣнахъ града донелѣже будетъ; то убо Трояне никакоже повредиться всеконечно могутъ: нынѣ же оная Паллада за стражбою жреца Тоанта,

 и по-

яко же повелитъ благородіе ваше.

Сія слышавъ Царь Агамемнонъ и прочіи Царіе весьма возвеселишася о словесѣхъ его и клятву вѣрну подаша ему во всемъ, еже ничимъ же вредити ихъ, наипаче же соблюдати ихъ и благодѣтельствовати во всемъ. Антенорѣ же такожде имъ присягу вѣрну даде. Тогда Греки отрядиша лукавнѣ послы своя ко Царю Пріяму, Уликса и Діомида, и со Антеноромъ вкупѣ отпустиша во Трою: они же егда пріидоша ко Царю Пріяму, тогда Царь повелѣ пріяти ихъ лицемъ чести, и съ ними о всемъ Антенору и Енею дѣло посольскаго доконченія творити. Повелѣ же абіе и посломъ онымъ палаты чудныя дати, идѣже дѣло посольства онаго совѣршати имутъ. Въ ту же нощь Антенорѣ и Енея со Уликсомъ и Діомидомъ,

омидомъ; лукавыми послы Греческими, умыслиша, Палладу изъ го́рода Трои тайно изнести въ войско Греческое: рѣша бо, яко аще неизнесемъ изъ Трои Паллады, ничто же успѣти можемъ. Уликсъ же прилѣжно увѣдати хотя о Палладѣ, что есть; тогда явнїи они предатели отечества Антеноръ и Енея повѣдаша ему о ней явственнѣ, яко въ прежнїя лѣта, господїе, еще Царь Илїусъ, иже первѣе былъ онъ основатель Трои, той и сїю чудную хитрую вещь сотвори, состроенїе же ея бѣ отъ древа не гнїюща хитростнымъ нѣкоимъ видомъ съ великими нѣкїими волшебными силами состроено. Дѣйство же имать толикїя силы, да егда оная Паллада въ стѣнахъ града донелѣже будетъ; то убо Трояне никакоже повредиться всеконечно могутъ: нынѣ же оная Паллада за стражбою жреца Тоанша,

 и то-

и того ради прежде всѣхъ потщатися намъ подобаетъ о прїобрѣтенїи ея, и аще возможемъ взяти ю, и изнести изъ града, то абїе Троя конечнымъ раззоренїемъ низложится и погибнетъ. Тѣмъ же въ нощь сїю да идемъ немедленно къ жрецу Тоанту, и его всячески умолимъ, да предастъ намъ Палладу, и въ той часъ воставше поидоша во храмъ Палладинъ къ жрецу оному, и сказаша ему вину пришествїя ихъ, моляще его да предастъ имъ Палладу. Онъ же весьма отрицался, и отнюдь не хотѣлъ склониться на ихъ прошенїе. Царь же Уликсъ обѣща ему дати велїе количество злата, и прилѣжно належаше нань, такожде и Енея и Антенорь, крѣпко принуждающе его склонитися къ волѣ ихъ; онъ же пребысть сопротивляяся имъ даже и до полунощи, послѣди же ослѣпися похотїю злата, и веземъ е предаде

имъ

имъ Палладу. Уликсъ же въемъ ю, тояже нощи отосла въ станъ свой, и тако сотворше въ веселіи быша: сицево бо злодѣйство граду своему сотвориша Антенорь, и Енея, и жрецъ Тоантъ, явніи своего отечества предатели, его же Грекове никогда бы сотворити могли.

Видѣвше же Царіе пришедшіи на помощь Трои, яко Царь Пріямъ толь худъ миръ со Греки нача, отыдоша отъ Трои Пріяма оставя. Тѣмъ же Царь Филименъ, иже прежде съ двѣмя тысящами воинъ пріиде ко Трои, съ двѣмя же сты и пятьюдесятъ отыде во своя, такожде и отроковицы Пантазалеины, ихъ же со Царицею своею тысяща пріидоша ко Трои, но четыре ста ихъ съ тѣломъ ея возвратишася, такожде и иніи Царіе вси во своя царствія возвратишася. Предреченніи

нїи же они продатели Антеноръ и Енея прїидоша ко Царю Прїяму, сказующе ему сице: согласихомся, о Царю великїй, миръ учинить со Греки, еже дати имъ сто тысящей гривенъ злата за потраты ихъ, и сто тысящей мѣръ пшеницы; на семъ бо миръ содѣяся, и что ты о семъ повелѣваеши быти, великїй Царю? Тогда Царь Прїямъ повелѣ на семъ словеси миръ онъ присягою клятвы неподвижимо утвердити, и злато и пшеницу Грекомъ дати. И тако по повелѣнїю Цареву послы Греческїя ко Царю Прїяму присягою клятвъ страшныхъ лукавнѣ заклятася; во умѣ же сице помышляюще глаголаху: нѣсть се зло, ниже укорно врага своего клятвою прельстити, аще случится; хитростнѣ бо кленыйся, хитрость паче, нежели клятву преступаетъ. И сицевая лукавая лестцы онїи сотворше,

прїяша

пріяша злато и пшеницу, и повелѣша на корабли своя возити И сему сице бывшу, паки оніи прелестницы Греки со предатели Троянскими инъ образъ лукавства умыслиша; повелѣша бо сотворити конь зѣло великъ мѣдянъ тощъ. Величество же мѣднаго онаго коня бяше по размѣру вратъ градскихъ, дабы мощно ему внити во врата града, извратитися же бы во вратѣхъ ему было не возможно, умышленнаго ради ихъ сокровеннаго ими лукавства. Сотвориша же конь онъ зѣло хитрѣ, и входъ въ него сверьху быти устроиша тако лукаво, яко ни како же мощно внѣшнима очима входа онаго дозрѣтися. И яко уже совершися конь онъ, молятъ вельми Греки Царя Пріяма, дабы изшелъ изъ града видѣти коня онаго. Онъ же послушавъ ихъ изыде, и видѣвъ коня удивися величеству его и хитро-

 сти

сти дѣла. По семъ паки молятъ его Царіе Гречестіи, да повелитъ во градъ вмѣстити коня онаго въ честь Паллады, дабы милостива была намъ во отечествіи нашемъ отъ Трои. Царь же Пріямъ ничто же о семъ рече имъ, непщуя во умѣ своемъ лукавство быти нѣкое устроено отъ нихъ къ руганію града. Тогда вышереченніи градопредатели, Антеноръ и Енея, тако Царю рѣша: пріими, великій Царю, отъ толикихъ Царей даръ благородію своему къ лѣпотѣ града вѣчной, яко зѣло потребенъ есть къ похвалѣ величества твоего. Царь же Пріямъ послушавъ лукаваго совѣта ихъ, прія его, и тако честно отпустиша его Царіе и Князи далече провождающе, и поклонившеся ему возвратишася; онъ же отыде во градъ. По отшествіи же Царя Пріяма Греки отвезоша коня онаго, и всадиша въ него тысящу

сящу воинѣ вооруженныхѣ, сѣ ними же и Синона нѣкоего, яко начальника ихѣ, во оружіи же посадиша, ему же и ключи онаго Греки даша, да заключится оттуду, и кораблеными орудіи поволекоша ко граду коня онаго. Просиша же Синона прилѣжно, да егда ощутитѣ Троянѣ спящихѣ, тогда подастѣ имѣ знаменіе пламенемѣ огня вожженна. Греки же егда вовлекоша коня онаго во врата градскія, и хотяху его извратити, дабы вовлещи его во градѣ, но не возмогоша, и много трудившеся ничтоже успѣша, и рекоша Трояномѣ: се уже мы отходимѣ во свояси, вы же послѣди по отшествіи нашемѣ, яко же хощете о конѣ семѣ, тако и сотворите, яже о немѣ. И тако оставльше его во вратѣхѣ отыдоша, и на корабли своя вси Греки возшедше поидоша отѣ Трои. Трояномѣ же зрящимѣ ве-

селымъ, но послѣднее ихъ веселіе; се бо плачь неутѣшимый абіе постигнути ихъ хощетъ. Отшедшимъ же Грекомъ, и Трояномъ въ домы своя вшедшимъ въ веселіи, абіе нощь наступи, Трояне же возлегоша въ домѣхъ своихъ, и въ радости безъ всякаго опасенія.

О РАСХИЩЕНІИ ТРОИ.

Уразумѣвъ же Синонъ Троянъ спати отшедшихъ, и безъ всякаго опасенія почивающихъ, отомкнувъ коня онаго, знакъ Грекомъ даде пламенемъ огня.

Греки же узрѣвше оный знакъ въ молчаніи ко брегомъ присташа, и въ молчаніи паки оружія своя емлютъ, и во градъ тихо вшедше запалиша градъ, и нападе на

гражданъ

гражданъ враждебными и лютыми душами, немилостивнѣ мечи своими погубляя ихъ. Вопль убо велій воста въ нощномъ молчаніи отъ гласовъ убиваемыхъ, огнь же крѣпцѣ разгарашеся, поядая домы, и разсыпая палаты. Тѣмъ же Троя велика дымится, и домы великія сгорѣвше падаютъ, и погибаютъ зданія въ трескающихъ искрахъ, кромѣ домовыхъ предателей давшихъ знакъ отъ зажженія; ихъ же домы блюдоми суть.

Царь же Пріамъ егда услыша гласъ страшнаго вопля, ужасенъ вскочи отъ ложа, разумѣя себе быти предана отъ Антенора и Енеи, и одѣявся ризами, ими же можаше, тече во храмъ Аполлоновъ. Дымъ же великъ восхождаше, и пламень великъ разливаяся по воздуху, весь градъ освѣщаше. Убійство же гражданомъ звѣль-

нѣ умножашеся, и прежде даже день не просвѣтися множае двадесяти тысящъ Троянъ мечемъ погибоша. Егда же день наста, тогда Пирръ вшедъ во храмъ Аполлоновъ, идѣже Царь Пріямъ смерти своея ждаше, нападе на Царя, и мечемъ своимъ главу его лютѣ отсѣче. И тако славный оный и великій Царь Пріямъ умре, и кровію его большая часть храма обагрися; протчихъ же людей, вбѣгшихъ въ храмъ той, Греки всѣхъ мечами изсѣкоша. На палаты же Царя Пріяма нападше; царская сокровища его грабленіемъ похищаютъ. Пирръ же Андромену жену Гекторову, и Кассандру, дщерь Пріяма Царя, веемъ отведе ихъ въ станы своя: а Менелай Елену, жену свою, изъ палатъ Царскихъ извлече, о ней же дивнѣ бысть веселъ, и отведе ю во многой радости въ шатры своя. Егда вся Царскія палаты грабленіемъ

леніемъ изпразднша; тогда повелѣша Царіе гражданскія домы пограбляти, людей же не убивати. Царица же Еккуба со дщерію своею Поликсеною бѣгающе сѣмо и овамо, ни мало вѣдяху, камо уклонитися. бѣжащимъ же имъ срѣте ихъ Енея, ему же Царица, Еккуба въ нестерпимой своей ярости тако рече: о лукавый изрядца! откуду отъ тебе произыти возможе толикая лютость и немилосердіе, яко на Царя Пріяма, отъ него же толикія чести воспріялъ еси, за толикую его милость привелъ еси убійцъ къ нему, и тако отвергася еси отечества своего и града, въ немъ же родился, и въ немъ же толико время былъ еси славенъ, да паденіе его зря не ужасаешися сердцемъ? нынѣ же хотя къ сей бѣдной Поликсенѣ яви милосердіе, и твое лукавое око ея да поща-

 дитъ

дитъ, да поне въ сицевыхъ злыхъ содѣянныхъ тобою могло бы сотворитися сїе малое добро вмѣсто всѣхъ злыхъ твоихъ, еже соблюсти ея, да не впадетъ въ руки Греческія, да не убїютъ ея, или да не обесчестятъ, да потщишися о ней скоро промыслити. Къ словесемъ же Царицынымъ Енея весь подвижеся, такожде плачася Поликсену прїемлетъ, и ея невнаемо водитъ, и приведъ ея въ нѣкую ветхую стрѣльницу, и ту посади ея, и соблюдаше ю. И егда сицевая лютая убїиства во Трои творимая престаша, тогда Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей Греческихъ призвати повелѣ, и егда прїидоша къ нему, тогда о двухъ нѣкїихъ вопроси ихъ, аще подобаетъ предателемъ Антенору и Енею соблюсти вѣру? и паки о плѣненныхъ Троянѣхъ, что подобаетъ о нихъ сотворити? Тогда вси Царїе и Князи рекоша,

яко

яко предателямъ града Антенору и Енею, ими же мы наслѣдницы быхомъ Трои, о всемъ достоитъ соблюсти вѣру, такожде о всѣхъ плѣненныхъ Троянъ достоитъ по волѣ ихъ на свободу совершенну пустити, и да ходятъ и приходятъ, яко же хотятъ. Паки же Царь Агамемнонъ грабленная богатства Троянская зѣло мудрѣ раздѣли комуждо по достоинству труда ихъ. Пирръ же хотя смерть отца своего мстити, зѣло прилѣжно Поликсену взыскуетъ, ея же ради убіенъ бысть храбрый Ахиллесъ, и Енею претительнѣ повелѣваетъ, да сыщетъ ея. Онъ же отрицашеся не вѣдѣти отнюдъ: тогда Пирръ Царю Агамемнону, и прочимъ Царемъ о Поликсенѣ на него воспомянулъ, да принудятъ его сыскати ея. Тогда вси Царіе рекоша Енею, да представитъ ю; аще ли же ни, и той да

 умретъ

умретъ. Видѣвъ же Енея себе въ толицѣ бѣдѣ суща, представи предъ Цари Поликсену: они же отслаша ю абіе къ Пирру. Пирръ же абіе веде ю на гробъ отца своего, и тамо отсѣче главу ея, и кровію дѣвическою гробъ отца своего довольнѣ напои. Царица же Еккуба егда узрѣ убійство Поликсенино, абе природнаго своего ума изступи, и нача метатися и наскакати на всякаго человѣка, и побивати каменіемъ ово того, ово иного, иныхъ же зубы своими кусаше обычаемъ звѣринымъ, и многихъ Грековъ уязви. Греки же вземше каменіе убиша ю, и насыпаша на ню могилу каменну весьма велику, и даша имя мѣсту тому Еккубино наскаканіе, еже и до днесь именуется. Енея же повелѣша Царіе вѣчно отслати, да не живетъ къ тому во Трои, занеже Поликсену крыяше повинну

винну сущу смерти. Онъ же прилѣжно просилъ Царей, да дадутъ ему время собратися со имѣніи своими: и тако Царіе послушаша моленія его, и даша ему время пожити въ Трои, донелѣже соберетъ вся имѣнія своя: даша же ему и корабли оны на отхожденіе его, въ нихъ же Парисъ во Грецію ходилъ. По семъ Царь Теламонъ и Аяксъ Елену Царицу единаче осудили на смерть, ихъ же совѣту мнози отъ Царей и Князей приложишася, и едва ю Царь Агамемнонъ и Царь Менелай, наипаче же Царь Уликсъ сладкими словеси и мудрыми бесѣдами чуднаго разума своего отъ горькія оныя пагубы возмогоша защитити, и всѣхъ Царей и Князей на сіе изволеніе привести, яко да пощадятъ ю, и по многомъ словопрѣніи своемъ рекоша Царіе: како можетъ быти право разсу-

жденіе наше, аще пощадимъ ю? аще бо мы сами судихомъ прежде единыя ради смерти Ахиллесовы толику благородчую дѣвицу, такова славнаго Царя дщерь, прекрасную Поликсену Царевну и съ матерію ея смерти предати, ниже старости Царицыны, ниже благородія ея устыдѣхомся, ниже возраста юности девическія помиловахомъ, но судъ смертный на нихъ изнесше обоихъ вкупѣ умертвихомъ, ниже паки Енею Князя толико намъ послужившa въ завладѣніи Трои пощадѣхомъ, но въ заточеніе вѣчно остлахомъ, сего ради, яко токмо крыяше ихъ, таково осужденіе на него изнесохомъ. Помыслимъ убо опаснаго разсужденія совѣтомъ, колико благородныхъ Греческихъ Царей и Князей Елены ради умертвишася, и колико прочихъ воиновъ для пріобрѣтенія ея погибоша: чесо же ради она сама жива будетъ, и не

умретъ

умретъ такожде? Уликсъ же Царь вельми премудрыми словесы удержа Царя, и понуди ихъ сотворити надъ нею милость. И тако Царїе совѣтамъ Уликса Царя отъ гнѣва онаго умягчишася, и Царицу Елену простиша, и свободу совершенну ей дароваша. Царь же Агамемнонъ и Менелай Уликсу Царю о семъ многая благодаренїя воздаша, обѣщевающеся къ тому всякимъ добродѣтельствомъ животъ его соблюдати. Пирръ же Андромену, жену Гекторову, въ жену себѣ взялъ, а Кассандру, дщерь Прїяма Царя, вси Царїе и Князи Царю Агамемнону, начальнику своему и воеводѣ, во мзду труда его поручиша.

О СМЕРТИ ЦАРЯ ТЕЛАМОНА И АЯКСА.

По взятіи убо града Трои, Греком не могущим отплыти от Трои ради зѣлныя бури и свирѣпства вѣтров, Теламон жалобу изложи на Уликса Царя пред Цари и Князи, глаголя, яко в раздаемых грабленных сокровищах Троянских зѣло бѣ равен чин храним, в даяніи же Палладинѣ не бѣ равен чин храним, зане Паллада Уликсу бѣ поручена, иже толикія мзды не бѣ достоин, он же того лишен, его же ради храбрости и немалых трудов все войско Греческое во изобиліи пребываше, зане аз (рече) храбростію сил моих Царя Полимнестра убив, вся благая его в войско Греческое привезох, в его же стражбу приставил Царь Пріям сына своего Полидора: тому Поли-

Полидору отъ мене такожде убіену бывшу, богатство его все въ войско же Греческое привезохъ, и оттолѣ войско наше во своихъ провіантахъ зѣло преизобильствовало: потóмъ же вся окрестная царства крѣпцѣ повоевахъ, Гаргаръ, и Крепизію, Ариссу и Ѳаризду, и прочая вся около ихъ добрѣ обладахъ, вся же паки блага въ войско Греческое привезохъ отъ всѣхъ странъ тѣхъ, и оттолѣ уже все войско наше въ великомъ изобиліи пребываше, и вкратцѣ рещи, ни единъ инъ тако во всемъ войскѣ Греческомъ толь доблественнѣ сотвори, яко же азъ самъ со Ахиллесомъ многая побѣдительная совершихъ. А сей Уликсъ Царь поистиннѣ не имѣя всякія храбрости воинскія, единымъ токмо плодорѣчіемъ цвѣсти и преизбыточествовати видится, и аще онъ речетъ намъ, яко его промысломъ Трою пріобрѣтше одержа-

жахомъ, и то не отъ силы его и храбрости содѣяся, но отъ измѣнныхъ, и лживыхъ словесъ его, и сего ради вѣчныя укоризны безславïемъ постраждемъ во языцѣхъ и Троянехъ: ихъ. же бы могли силою нашею побѣдити, тѣхъ побѣдихомъ неправеднымъ умышленïемъ и лестïю. И тако Теламонъ слово свое сконча. Уликсъ же къ словесемъ Теламоновымъ смѣло отвѣща: господине Теламоне! ты ли своею храбростïю Троянъ побѣдилъ еси, или промысломъ мудраго ума твоего Трою низложилъ еси? ни како же, но аще не бы азъ единъ былъ въ войскѣ семъ въ велицѣ промыслѣ ума своего, то еще бы Троя во своей твердости стояла, и граждане бы его еще были въ крѣпости своего чина. Поистиннѣ, господине Теламоне, не твоею такожде силою Грекомъ Паллада снискалася, но паче моимъ прилѣжанïемъ

лѣжанїемъ и мудростїю сїе сокровище Грекомъ обрѣтеся : ниже бо доселѣ тебѣ самому, ниже прочимъ Грекомъ, ниже самѣмъ Трояномъ вѣдома сея силы мощь, какова бѣ. И того ради самъ азъ вельми тайнѣ и зѣло крѣпцѣ о семъ потрудихся, яко Палладу ону взяхъ, и въ войско Греческое приведохъ, и отъ сего мудраго и попечительнаго моего промысла всѣмъ намъ владычество града прїобрѣтеся. Егда же Уликсъ слово свое скончa; тогда Теламонъ, и Аяксъ словесы досадными наскакаше крѣпцѣ на Уликса : Уликсъ же единаче противу его. Тѣмъ же между собою быша славнїи врази, Теламону явѣ глаголющу : нужда есть, да отъ моихъ рукъ Уликсъ срамнѣ умретъ. И егда угодися Царемъ Агамемнону и Менелаю поставити ихъ на судѣ, и судити, кто отъ нихъ единъ Палладу да имать, Теламонъ

монъ, или Уликсъ; тогда мнози отъ Царей крѣпцѣ глаголаху о одержанїи Палладинѣ, Теламону быти достойнѣе Уликса, но Царь Агамемнонъ, и Царь Менелай, Палладу ону Уликсу отсудиша, Теламона же отщетиша. болѣзнуетъ убо сердцемъ Теламонъ о неправедномъ ономъ судѣ, яко неразсмотрительнѣ о немъ сотвориша Агамемнонъ и Менелай, сего ради, яко Уликсъ Елену словесы премудрости своея отъ рукъ того Теламона и прочихъ Царей избави, они же на Теламона о семъ гнѣвающеся, Уликсу же благодать воздающе, тако не праведнѣ сотвориша. Тѣмъ же Теламонъ крѣпцѣ на нихъ негодуя сердцемъ, къ тому паки себе глаголетъ имъ быти главнаго недруга. По семъ же дню оному скончавшуся и нощи прошедшей, и утру настоящу, обрѣтеся тоя нощи на постели своей убїенъ

Тела-

Теламонъ , и Аяксъ , и тѣло на многихъ мѣстѣхъ иссѣчено. Вопль убо велій по всему войску бываетъ о смерти Теламоновѣ. Греки люто болѣзноваху , вину истиннаго безчеловѣчія на Агамемнона Царя и Менелая возлагающе , наипаче же на Уликса. Пирръ же Уликсу многая изрече словеса претительная , и того ради Уликсъ о смерти своей уповаше паче , неже о животѣ. Въ нѣкую же нощь зѣло темну Уликсъ тайно въ кораблехъ своихъ отыде отъ Трои , Діомиду другу своему Палладу оставя. По семъ же Пирръ лаятельсто творяше Агамемнону и Менелаю о смерти Теламоновѣ и о бѣжаніи Уликсовѣ потязая ихъ , и они такожде Пирру лаятельство творяху , и сего ради быша между собою главныи врази. Пирръ же тѣло Теламоново огнемъ сожещи повелѣ , и пепелъ его

его въ сосудъ златъ собрати, и запечатавъ печатію своею, въ сущее его царствіе отслати повелѣ.

О СОКРУШЕНІИ КОРАБЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ.

Во оно же время бѣ во Греціи Царь нѣкій великъ и благороденъ, именемъ Наулъ, и богатъ весьма имѣя воинство великое и храброе; царство же державы его во Греціи долготою великою и широтою во вся страны на мнозѣ протязашеся, многолюдно же вельми царство оно бяше и богато. Сей же Царь Наулъ, о немъ же нынѣ слово есть, имяше во время Троянскія брани сына два, отъ нихъ же перьвородный нарицашеся Паламидъ, мужъ многія храбро-

храбрости и смѣльства на брани ;
иже бысть нѣсколько время на
бранѣхъ Троянскихъ воеводою все-
го Греческаго ополченія : тамо-
же онъ Паламидъ въ бранномъ
ополченіи послѣди умре. Другій
же сынъ Наула Царя , именемъ
Оетесъ , во время Троянскія брани
во царствіи со отцемъ своимъ бѣ.
По смерти же Паламидовѣ воини
его пріидоша въ землю свою , и
на Грековъ Царю своему зѣло лу-
кавну лжу сплетше сказаша , и
духъ его возмутиша , и къ не-
нависти Гречестѣй крѣпцѣ его
поостриша образомъ сицевымъ :
рѣша бо ему Паламида на брани
быти убіена , но сокровенно и
тайно отъ Уликса Царя и сооб-
щника его Діомида , наученіемъ
Агамемноновымъ и Менелаевымъ.
Умыслиша бо предреченные сла-
гатели двѣ лживыя грамоты на-
писати , едина бяше Паламидо-
ва отъ лица его ко Царю Пріяму

написана; въ грамотѣ же оной слово сицево бѣ: Яко прислалъ еси, великій Царю Пріяме, по завѣщанію нашему оное количество злата, и азъ пріяхъ его отъ посланника твоего цѣло, и се готовъ есмь волю твою твсрити, яже о предательствѣ Греческаго войска; ты же паки да возвѣстиши ми писаніемъ, въ кое время самъ готовъ будеши съ воинствы, яко да и азъ увѣдавъ сіе, великъ ти поспѣшникъ буду на враги твоя, и крѣпокъ ратникъ обрящуся на злобу ихъ. Въ другой же лукавствомъ ихъ составленной грамотѣ, яже написана бяше отъ лица Царя Пріяма, сицево лукавство составлено бѣ: Яко же писалъ еси, господине Паламиде, что воспріялъ еси посланное отъ мене оное количество злата цѣло, еже азъ послахъ ко благородію твоему, и сего ради, вселюбезный, потщися сотвори-

ти по обѣщанію твоему, да не замедлимо настоящей нашъ залогъ къ совершенію дѣла пріити. И аще сицевая сотворимъ, то совершенную отъ мене добродѣйства своего мзду воспріимеши: азъ же къ твоему благородію готовость мою паки писаніемъ возвѣщу. И сія лукавыя грамоты предреченнія лестцы они сложивше, къ странѣ нѣкоего Троянскаго убіеннаго воина приложиша тайно, и отыдоша. Егда же сицевая лукавствія сотвориша; тогда Уликсъ Царь повелѣ къ себѣ призвати секретаря Паламидова, и обѣща ему дати веліе количество сребра, да злато оно подъ возглавіе постели Паламидовы тайно сокрыетъ. Секретарь же съ радостію обѣщася ему сицевая сотворити. Уликсъ же даде ему насыпанъ сосудъ злата, его же число бѣ противу предреченныхъ онѣхъ грамотъ, и отнесѣ его въ

шатерЪ ПаламидовЪ, и время улучивЪ, тайно сокры его вЪ возглавіе постели Паламидовы, оному ничто же вѣдущу. И егда сія соверши секретарь ПаламидовЪ, пришедЪ ко Уликсу сказа ему, яко повелѣніе его совершилЪ есть, и обѣщанное ему сребро пріяти прошаше. УликсЪ же абіе вЪ томЪ же мѣстѣ повелѣ его убити: послѣди же грамотамЪ онѣмЪ отЪ ГрековЪ обрѣтеннымЪ бывшимЪ и прочтеннымЪ, Греки не сомнѣвающеся о Паламидовой измѣнѣ, пріидоша кЪ шатру его, и повелѣша всѣ вещи его изыскати, и обрѣтоша оное злато вЪ томЪ числѣ, еже предреченныя грамоты содержали. И сего ради Греки зѣльнѣ разгнѣвашася, и душами своими крѣпцѣ огорчившеся, на Паламида враждебно напасти восхотѣша, и яко предателю сицевая сЪ яростію

стію рекоша ему : тако ли , Паламиде , добрѣ правиши воеводство твое , да толико благородныхъ Царей и Князей со всѣми воинствы ихъ злата ради сего на заколеніе предаеши ? что убо помышляеши , или кое оправданіе принести можеши ? сама бо злоба сотворенная тобою довольнѣ обличи тя. Паламидъ же противу словесъ ихъ смѣло отвѣща : тако ли и вы праведни мнѣ явистеся быти судіи , съ толикою яростію пришедше обесчестити мя , ничтоже зло сотворша ? Укористе мя не испрошавше , ни истинны уразумѣвше , и осудисте мя уже толикимъ гнѣвомъ лютости своея подвигшеся , яко и предателемъ нарекосте мя , и воинства Греческаго совершеннымъ отступникомъ , и явныя измѣны дѣйственникомъ ; но убо аще вы и не хощете , но азъ самъ о себѣ

да отвѣщаю, яко азъ всего сего начинанія отнюдъ не знаю, ниже грамотъ сихъ, о нихъ же поемлете мя, вѣмъ, ниже злато очое, его же ради понявуете мя, пріяхъ: и что много глаголю, яко аще вамъ неимовѣрни мнятся быти глаголы моя, то да изберете себѣ мужа бранна отъ всего войска вашего, и да ратуется со мною; азъ бо готовъ есмь защититися на конѣ, и невинность мою бранію онсю очистити. И егда ни единъ бѣ отъ Грекъ, иже бы смѣлъ противу его ополчитися, но вси стояху просто молчаще, тогда видяще сіе предреченніи его клеветники, яко тѣмъ путемъ напасти на него не возмогоша, инъ ѡбразъ лукавства умыслиша. Уликсъ Царь укроти люди, творяся быти пріятель Паламидовъ, и словесы краснорѣчія своего всѣхъ паки Царей и Князей на се приведе,

не

не токмо, еже бы ихъ къ Паламиду примирити, но и воеводство ему Греческое паки даша. Не по мнозѣ же времени, во едину нощь прїидоша въ шатеръ къ Паламиду Уликсъ и Дїомидъ, и тако рѣша ему: увѣдѣхомся, господине Паламиде, и извѣстно и истинно увѣрихомся, яко есть въ нѣкоемъ ветхомъ кладязи сокровище велїе злата, и аще хощеши съ нами ити, тамо да идемъ, и возмемъ его въ нощь сїю. Паламидъ же помраченныя лести ихъ отнюдъ не разумѣ, и повѣривъ сему пойде съ ними. Егда же прїидоша тамо ко оному суху кладязю, и начаша другъ ко другу глаголати; кто отъ нихъ первѣе снидетъ на дно онаго кладязя? Тогда Паламидъ ничто же разсуждая изувся, и лишнее съ себе платье снявъ, смѣло на дно кладязя сниде: они же ощутивше его быти на днѣ кладязя, наметаша нань каменїе,

и умертвиша его, и тоя же нощи въ молчаніи къ шатромъ своймъ ускориша. Сего ради Царь Наулъ и сынъ его Оетесъ о смерти Паламидовѣ лютѣ болѣзнующе, пути многія взыскуютъ, ими же бы могли противны быти, да о смерти сына и брата ихъ на Грековъ восстати имутъ крѣпцѣ, и желаемое свое возмогутъ надъ ними наслѣдовати отмщеніе. Слышаша бо, яко Греки въ зимнее время пути своему вдашася, и тако умыслиша на нихъ сицевъ лукавства образъ къ погубленію ихъ: нужда бо бѣ Грекомъ возвращающимся во своя си мимо царства Наулова итти, и того ради въ нощныя темноты на горахъ близъ каменныхъ ярыхъ мѣстъ прельщенія ради повелѣша возжизати великія огни, да прельщени будутъ Грекове во тьмахъ нощныхъ, мняще ту быти мирная пристанища, и уклонятъ

кораб-

корабли своя безъ всякаго бреженія, и ту да погибнутъ безъ останковъ, еже и бысть. болѣе бо тамо двою сотъ кораблей и съ людьми погрязоша, прочіи же корабли, послѣдующія имъ, слышаще на томъ мѣстѣ сокрушеніе кораблeное, далече отъ мѣста онаго уклоняющеся бѣжаху, въ нихъ же бѣ Царь Агамемнонъ, и Менелай и Діомидъ, иже корабленаго онаго сокрушенія и лютаго истопленія избавишася, и во своя царствія здрави достигоша.

О СМЕРТИ ЦАРЯ АГАМЕМНОНА.

Предреченный же Оетесъ или Пелей, зане двою имяны нарицашеся, сынъ Наула Царя, Агамемновы и Діомидовы желая смерти, или тяжкихъ ихъ погибелей, ко Клитемнестрѣ Царицѣ женѣ Агамем-

мемноновѣ, [еще не пришедшу Агамемнону Царю во свое царство,] посла своего прислалъ, и грамоту свою съ нимъ, имѣющу образъ написанія сицевъ: Да вѣсть благородіе твое, прекрасная Царице, яко Царь Агамемнонъ мужъ твой, едину отъ дщерей Царя Пріама Троянскаго любя зѣло, ведетъ во свое царствіе, а тебе сущу свою истинну Царицу, неложно хощетъ смерти предати. И того ради преславная госпоже, щадя благородіе твое, сицевая возвѣщаю ти, яко да отъ сказанныхъ ловитвъ мужа твоего брежнѣ опасаешися, да не напрасно погибнеши. Повѣривъ же Клитемнестра Царица писанію Оетесову, любовныя ему о семъ благодаренія воздаетъ, на Агамемнона же Царя ненавистну и тяжку мысль стяжа, наипаче же сего ради, яко и прежде писанія Оетесова ненависть писаше ко

Ага-

Агамемнону вины ради сицевыя: Сія бо Царица Клитемнестра по отшествіи мужа ея Царя Агамемнона, оставивъ благородства своего стыдъ, расторгнувъ бракъ, обесчестивъ Царскій санъ, согрѣшивъ на законъ, и укорное прелюбодѣйство сотворивъ, сообщила любовь свою съ нѣкоимъ Егистомъ, и толико Клитемнестра Царица разжеся во Егистову любовь, яко зачатъ отъ него и роди дщерь, Егирону именемъ. И того ради сама крѣпцѣ гнѣвашеся отъ писанія, еже писа ей Оетесъ на мужа ея; такожде и стыденіемъ дерзости своея срамляшеся, еще же и сего бояшеся, да не лишена будетъ отъ сообщенія любве Егистовы. Аще бо Егистъ и не бяше Царскимъ, ни Княжескимъ, ни Комитскимъ благородіемъ украшенъ, но женское скотолѣпное и необузданное стремленіе, еже любитъ влещися

 къ

къ нижайшимъ поползновенїямъ похоти своея во услажденїе. Не внимаютъ бо ни о чемъ сице, егда въ блужденїе своего тѣла поползнутся, ниже честемъ, ниже славѣ, ниже благородїю, ниже дѣтопитательству, ниже помнятъ брачнаго союза, ниже любве мужескїя, ниже помышляютъ грѣха, ниже укоризны, ниже смѣха, ниже самыя смерти, но вся сїя въ мерзость въ нечуствїи своемъ погрузившеся полагаютъ, и токмо къ единому прилѣжно устремленїю плоти своея бодрствуютъ, нощїю и днемъ въ семъ упражняющеся, и присно во умѣ своемъ помышляюще мужнее умертвїе, и неистоваго своего рачителя любленїе. Егда же Царь Агамемнонъ отъ морскихъ озлобленїй здравъ избыть, дойде благополучно во свое царствїе, и уже къ готовому своему приста истопленїю; срѣте его оная лу-

кавая

кавая ехидна , образомъ лицемѣрія и льсти отвсюду ограждена , и пріемъ его рукама своима , притворнѣ цѣлова и плакася , и многія виды прелестныя любве являющи , внутрь же смертнаго убійства ядъ ему крыюще , и начатъ ему крѣпцѣ ласкати , глаголющи : да причастимся въ веселіи съ нею брашна и питія , да возвеселимся днесь , господине , о пришествіи благородія твоего, яко многое , рече , время не видѣхъ царскаго преславнаго лица твоего , ниже паки отъ многихъ лѣтъ наслаждахся слаткоглаголивыя бесѣды устъ твоихъ , ниже паки отъ растоянія толика времяни со благородіемъ твоимъ насладихся любовію союза брачна ; нынѣ же зря благородія твоего величество радуюся духомъ , яко получихъ желаніе мое. Тѣмъ же отъ великія оныя радости пришествіе твоего благородія поминая , чувствую внѣ себя

отъ веселія ; и сицевыя прелестныя глаголы вѣщая , упоила его , и возлеже спати на ложи своемъ. И егда Царь Агамемнонъ отъ морскихъ озлобленій утружденъ сый , къ тому же и виномъ упився , успе зѣло крѣпко , тогда Егистъ нападе нань, и удавленіемъ смерти предаде его. Не по мнозѣ же времени Клитемнестра Царица Егиста онаго въ мужа себѣ поятъ , и сотвори его Царемъ во Агамемноново мѣсто. Царю же Агамемнону остася сынъ во отроческихъ лѣтѣхъ , отъ сея Царицы Клитемнестры рожденъ , именемъ Орестъ , его же Царь Тальсибій , сродичъ его , [боя ся безумія Егистова , да не убіетъ его Егистъ , яко же и отца его] тайно восхитивъ ко Царю Идуменею Критскому отсла , и тамо пребывая живяше до лѣтъ возраста юношества своего.

О ИЗГНАНІИ ДІОМИДОВѢ.

Той же паки Оетесъ, сынъ Наула Царя, къ Эгеѣ, Діомидовѣ женѣ, тѣмъ же паки чиномъ приступи, иже мысль Клитемнестрину о своемъ мужѣ вѣрити наведе, и такожде посла своего къ ней съ грамотою прислалъ. Сія же бѣ дщи Полиниса, Царя Аргивскаго, и имяше у себе брата Ассандра. Умершу же отцу ихъ Полинису, раздѣлиша между собою царство Аргивское: Ассандръ убо во своей половинѣ царствія живяше, Эгея же во свою половину царствія пріятъ въ мужа онаго Діомида. Но егда братъ ея Ассандръ пойде въ войско Греческое съ Діомидомъ, сестры своея мужемъ, пріидоша они въ землю Царя Толефа: тогда Царь не восхотѣ дати имъ путь чрезъ свою державу, и изыде во стрѣтеніе ихъ во множествѣ воинъ.

инъ. Ассандръ же многихъ уби отъ нихъ; Царь же Толефъ не могій терпѣти бываемыхъ отъ Асандра на брани,埋 веземъ копіе, Ассандра смертнѣ уязви, и мертва съ коня сверже, еже видѣвъ Діомидъ, яростенъ вдася промежъ воиновъ Царя Толефа, и многихъ уби отъ нихъ. Послѣди же тѣло Ассандрово отъ ногъ конскихъ силою изъятъ, и въ шатры своя отнесе. И сія бѣ рѣчь истинна, яже о смерти Ассандровѣ, брата Эгеина. Оетесъ же, сынъ Наула Царя, въ писаніи не тако ей сказа, рече бо: яко убитъ бяше Ассандръ наученіемъ Діомидовымъ, сего ради, дабы и другая половина царства Аргивскаго, его же Ассандръ владычествова, Діомиду же была бы подручна, имъ же бы совершенъ владѣтель нарекся царства Аривскаго. Эгея же тако любляше Ассандра, брата своего, яко зельми паче желаше своея половины лишитися

шитися царства, нежели Ассандра мертва слышати : и сего ради ненавистну мысль на Дїомида воспрїя; умысли бо съ людьми Аргивскими Дїомида въ царство свое не прїяти, еже и сотвори. Дїомидъ же егда прїиде въ царство свое, тогда повелѣнїемъ жены его вси граждане изшедше на него со оружїемъ, отслаша его отъ земли своея. Дїомидъ же видя несчастїе сїе, внезапу на него нападшее, удивися, и въ недоумѣнїи бывъ отыде, ничто же могїй сотворити имъ, и живяше сѣмо и овамо преходя, яко же нѣкїй хищникъ скитаяся.

Енея же по повелѣнїю Царей и Князей Греческихъ остася въ Трои, чинити корабли своя, въ нихъ же бы отыти ему, и того ради еще ему ту пребывающу, многая бранная нашествїя претерпѣваше отъ живущихъ окрестъ Трои

Трои иностранныхъ насельникъ, покушающихся Троянскія остатки разграбити, ихъ же Енея ополченіемъ своимъ сильнѣ защищая, рати творяше съ ними, его же Трояне крѣпцѣ держахуся, и моляху, да не оставитъ ихъ въ день толикаго оскорбленія ихъ, но да и владычествуетъ ими, защищая ихъ отъ враговъ ихъ. Енея же глаголаше имъ: не мощно ми есть тако сотворити, и навести туне бѣду сію на себе самого, и на всѣхъ васъ, сами бо вы добрѣ вѣсте, яко отъ вашего сожитія вѣчнѣ отосланъ есмь, и аще не отыду, и буду здѣ владычествуя вами, презрѣвъ повелѣніе толикихъ Царей и Князей, тогда услышавъ сіе Царіе, яко не токмо неотыдохъ отсюду, но уже и владычествую вами, идѣже ми жити просто не повелѣно есть, въ дерзость быти велику вмѣнятъ дѣло се, своему же бла-

благородїю въ безчестїе напишутъ
дерзнутїе наше, и пошлютъ воин-
ства своя, и изсѣкутъ всѣхъ
насъ, и никто же будетъ помо-
гаяй намъ, или изимая насъ отъ
оружїя ихъ, и того ради всяче-
ски съ вами быти не могу, со-
вѣтъ же мой даю вамъ, аще хо-
щете послушати: послите убо по
Дїомида Князя, мужа суща сильна,
иже нынѣ изгнанїе терпитъ, мо-
ляще его да прїидетъ сѣмо, и
да господствуетъ надъ вами. И
аще онъ послушаетъ моленїя ва-
шего, и прїидетъ; то поистиннѣ
защититъ васъ отъ враговъ ва-
шихъ. Они же послушавше совѣ-
та Енеина, съ радостїю идоша
по Дїомида, моляще его, да прї-
идетъ къ нимъ, и владычествуетъ
ими. Онъ же съ радостїю послу-
шавъ моленїя ихъ, прїиде съ ни-
ми ко Трои, его же Енея прїимъ
радостнѣ цѣлова; прочїи же Тро-
яне въ господина его себѣ воспрїяша
радо-

радостно. Во утрій же день Енея и Діомидъ противу враговъ на ополченіе препоясуются: горитъ убо въ нихъ жестоко ополченіе, еже чрезъ седмь дней непрестанно продолжалось.

Во осмый же день храбрый Діомидъ ве мнозѣ ополченія коварствѣ враговъ своихъ отвсюду сильнѣ заключи, и безчисленное ихъ множество мечемъ посѣче, и многихъ отъ нихъ живыхъ изыма, и больши осми сотъ воиновъ къ разнымъ висѣлицамъ пригвоздивъ, наложи втому страхъ великъ и трепетъ врагомъ Троянскимъ, покушающимся остатки Троянскія разграбити. И того ради врази Троянстіи вси умолкоша, не смѣюще стужати имъ. Слышавже сіе жена Діомидова, яко Діомидъ отъ Троянъ пріятъ бысть, и какову казнь наложи врагомъ Троянскимъ, убояся вельми, да не

не како Діомидъ собравъ силу ратную пріидетъ на царство ея и поплѣнитъ. Сего ради умысли со гражданы своими, послати по Діомида съ великимъ моленіемъ, да возвратится во свое царство, и прощеніе подастъ имъ о приключшихся къ нему прегрѣшеніяхъ ихъ. Такожде и жена его написа ему сице: Молю тя, рече, пресвѣтлый и дражайшій господине мой, да не прогнѣвается на мя благородіе твое, воспоминая дерзость безумія моего; вѣмъ добрѣ, яко зѣло прогнѣвахъ тя послушавъ совѣта злыхъ крамольниковъ, ищущихъ погибели нашея, и глаголющихъ мнѣ лукавая на благородіе твое, но во всемъ явися самая истинна дѣяній твоихъ чудныхъ, оболганіе же оное принесенное ми нынѣ обличися къ стыдѣнію лица моего, яко неразсмотрительнѣ нанесохъ безчестіе пресвѣтлому лицу твоему, и осуе-

шихся

тихся горестію печали безумныя. И того ради прилѣжнѣ молю благородіе твое, благоволи, яко премудръ и чуденъ, помиловати безуміе моего прегрѣшенія, и прости ми неправду мою, и возвратися въ радости во свое царство; азъ бо, пресвѣтлый мой и сладчайшій господине, въ радости со стыдѣніемъ лица моего пріяти жду тя. Посла же къ нему и Оетесову лукавую грамоту. И егда пріидоша послы жены Діомидовы къ нему, и падше поклонишася ему, и вдаша ему посланныя грамоты отъ жены его и отъ гражданъ, и грамоту онаго лукаваго Оетесова умышленія; Діомидъ же пріимъ грамоты оны, и добрѣ уразумѣвъ отъ нихъ вину изгнанія своего, зѣло возрадовася, и вся прегрѣшенія жены своея и гражданъ своихъ съ радостію отпустилъ имъ, и возвратися съ ними въ радости во свое царство.

Такожде

Такожде и Енея отыде отъ Трои, и камо уклонися, настоящая исторія не изъявляетъ; но аще кто хощетъ о семъ извѣстное вѣденіе имѣти, да чтетъ Виргилія.

О ОТМЩЕНИИ СМЕРТИ АГАМЕМНОНОВЫ.

Орестъ же, Агамемноновъ сынъ, живяше у Идуменея, Критскаго Царя, и пріиде въ возрастъ юношества своего; бяше бо ему лѣтъ двадесять четыре, и уже воинъ храбрый являшеся. Молитъ Царя Идуменея убо, да дастъ ему помощь воинства на Егистa, еже бы пріяти отъ руки его царство Мессенанское, отца своего. Царь же Идуменей послуша его,

его, даде ему тысящу воинъ. Не по многѣ же времяни Орестъ и другую тысящу воинъ къ первымъ присовокупи, и во градъ Тирезу смѣлъ вниде, идѣже Царь Θоренсинъ живяше. Сей же Царь Θоренсинъ Царю Агамемнону сердечною дружбою и сладкою любовію союзенъ, и ненавистенъ бѣ Егисту; вина же ненависти его сицева бѣ, яко той Царь сообщивъ любовь со онѣмъ Егистомъ, восхотѣ дати за него дщерь свою. Егистъ же любве ради Клитемнестрины отъ дщери его уклонися, книгу ей распутную посла; и того ради Царь Θоренсинъ молитъ Ореста, да въ сообщеніе его съ тремя тысящами воинъ пріиметъ себе въ помощь на Егиста. Орестъ же о семъ Царю Θоренсину много благодарствова; и тако Орестъ съ воинствы своими пріиде къ Месенайску граду, и ту во градѣ мати его бѣ, Егиста

же

же во градѣ не обрѣте; иде бо Егистъ собрати воинство противу Ореста для защищенія града. Орестъ же егда пришедъ обступи градъ отвсюду съ великимъ утвержденіемъ, да не избѣгнетъ отъ него никтоже: воинства же своего половину посла на срѣтеніе Егисту, и повелѣ битися съ нимъ, самъ же о взятіи града весьма прилѣжаше. Во едину же отъ нощей, спящу Оресту, явишася ему бози во снѣ глаголюще, яко вскорѣ пріимеши градъ отца твоего, и царство его, токмо руками своими надъ матерію своею сотвори отмщеніе смерти отца твоего. Орестъ же имъ тако обѣщася сотворити. Бысть же егда возвращашеся Егистъ съ воинствомъ своимъ, и крѣпцѣ скоряше защитити градъ, внезапу впаде въ руцѣ воиновъ Орестовыхъ, иже спустивше съ ними брань поимаша Егиста, и вся воины его

мечи изсѣкоша, самого же связана ко Оресту приведоша. Возвеселися же о сихъ Орестъ, и крѣпцѣ облеже градъ, иже не бяше крѣпцѣ утвержденъ: и того ради гражданомъ трудно бѣ зѣло защищати его. Орестъ же крѣпцѣ разоряше его отсюду, яко граждане не možaху терпѣти уже нощныхъ и дневныхъ нападеній. Въ пятый же надесять день со всѣмъ отъ ополченія престаша, и градъ отъ Ореста взятъ бысть. Вниде же Орестъ во градъ плѣненный, и въ палату царскую вшедъ на престолъ отца своего сяде, и повелѣ привести предъ себе матерь свою, ея же не видяше. Приведеннѣй же ей бывши, Орестъ съ яростію скочивъ съ мечемъ на ню, и своими руками сосцы ея отторже, и чрево ея мечемъ прободе, и вся внутренняя ея на землю испроверже, и и тако повелѣ извлещи трупъ ея внѣ града, и поврещи въ ровъ на снѣде-

снѣденіе псомъ ; а Егиста коньми по граду влачима повѣсити повелѣ , такожде и иныхъ вельможъ Месенайскихъ , иже на смерть отца его Царя Агамемнона со Егистомъ душаху , лютыми казньми смертными осуди. И тако отъ злодѣйства онаго изчищену бывшу Месенайскому граду , Орестъ мирно уже съ гражданы своими нача жити , и царствовати надъ ними. Не по мнозѣ же времени Царь Менелай , дядя Орестовъ , братъ же Агамемнона Царя , отца его , поимъ съ собою нѣколико Царей и Князей пріиде ко Оресту во градъ Месенайскій , и предъ Цари онѣми и Князи державными Ореста со многою зѣльностію крѣпцѣ истяза , и отъ царствія изметаше , глаголя : не достойно ти есть такову сурову и безчеловѣчну мучителю власть царскую имѣти , и на престолѣ благороднаго

отца своего сидѣти, яко толику лютость и немилосердія своими руками надъ матерію своею показалъ еси, и самъ себе воспріятія отча престола недостойна сотвори. Орестъ же отвѣщавъ рече ему сице: почто господине мой, гнѣваешися на мя? аще бо азъ и сотворихъ таковая злая надъ матерію своею, и то поистиннѣ не своею волею, ниже гнѣвомъ мучительства коего подвигохся, но сами бози повелѣша ми надъ нею смерть благороднаго моего отца своими руками жестоко отмстити: и тако сотворихъ азъ по волѣ ихъ, не возмогохъ бо противитися имъ? Ты же почто порицаеши мя, господине, самъ сопротивляяся волѣ ихъ? Тогда вси Царіе и Князи слышавше сія, рѣша Менелаю: поистиннѣ достоинъ есть Орестъ на престолѣ отца своего быти, яко сотво-

ри

ри сія по власти и по повелѣнію боговъ. Такожде и самъ Царь Менелай миръ крѣпокъ подаде Оресту: даде же ему и Ермонію дщерь свою въ жену, и утвердивше царство Оресту, сами во своя царствія паки отыдоша.

О ПРИШЕСТВІИ ПИРРОВѢ ОТЪ ТРОИ.

Толика поприща словесъ настоящая исторія сія прейде, и путемъ своимъ еще грядущи къ Пирру достиже, вечеряти съ нимъ, и глаголати о немъ. Сей убо Пирръ отца имѣ у себе Ахиллеса, дѣда же Царя Пелея. Той же Царь Пелей дѣдъ его, имѣ у себе Царицу именемъ Ѳетиду; матерь Ахиллесову, бабу же Пиррову. Сія же Ѳетида Царица имѣ у себе отца Царя Акаста: той же паки Царь Акастъ имѣ у себе двy сыновъ, братію Ѳетидину,

дину, единъ звашеся Полестенъ, а другій Менаплитъ. По отшествіи же паки Ахиллесовѣ и Пирровѣ въ войско Греческое, Царь Акастъ, прадѣдъ Пирровъ, съ сынами своими изгна Царя Пелея, дѣда Пиррова, отъ царства Ѳессалійскаго, на Пирра же ловленіе умысли сотворити, егда возвратится отъ Трои. Царь же Пелей егда изгнанъ бысть, побѣже изъ града, и въ лѣсахъ нѣкоихъ въ потребныхъ зданіяхъ крыяшеся, ожидая пришествія Пиррова, когда возвратится отъ Трои; не доумѣвашебося, что сотворити, и въ печали велицѣй пребывая, ждаше Пирра, и пришедъ на брегъ мо́ря своимъ мѣряше зракомъ, аще Пирра видѣти можетъ, и паки обращашеся въ предреченное оное потаенное зданіе. Еще же и бояшеся крѣпцѣ, да не усмотрятъ его нѣціи, и возвѣстятъ о немъ Царю Акасту, и умретъ; не далече

лече бо лѣсы оны бяху отъ царства Ѳессалійскаго, яко осмь поприщъ: часто же въ нихъ сынове Акаста Царя ловитвы ради звѣрей прихождаху, и ту ловы своя дѣюще возвращахуся. Пирръ же егда возвращашеся отъ Трои, и близъ уже царства Ѳессалійскаго пріиде, ничто же оттюдъ о незгодіи семъ вѣдущи, и се внезапу рыболовъ нѣкій пришедъ къ Пирру, рыбу нѣкую велику зѣло, яко бы почести ради принесе Пирру, и вся случившаяся безъ него въ Ѳессаліи подробну ему возвѣсти. Пирръ же паки вопроси его: гдѣ есть нынѣ Царь Пелей? Онъ же отвѣща, не вѣмъ. Пирръ же рече ему: буди нынѣ рука твоя со мною; не повѣждь о мнѣ ничто же во градѣ, азъ бо воздамъ ти за добротy твою возмездіе достойно, егда минетъ неправда сія. Онъ же отвѣща ему: ей, господине мой, яко же повелѣлъ ми еси, со-

сотворю ; и тако Пирръ отпусти его , и отыде. По отшествіи же его нача Пирръ помышляти , како можетъ животъ свой отъ толикихъ навѣтовъ избавити , и не доумѣвашеся. Приста же съ корабли своими къ лѣсамъ онѣмъ , и вземъ мечь свой препояса его , и изыде единъ въ лѣсы оны проходитися унынія своего ради. Вшедъ же въ лѣсы оны , идяше просто забавляяся въ помышленіяхъ своихъ о приключившихся напастѣхъ о нихъ , о нихъ же сказа ему рыболовъ : не узрѣвъ же пути предъ собою належащихъ ради травъ , впадеся въ яму , и ста на степени , и се паки узрѣ степени каменны. Пирръ же утвердивъ нóги своя по степенемъ онѣмъ , увидѣти хотя , что есть тамо ? Сшедшу же ему съ лѣствицы оныя , и се внезапу изъ потаеннаго мѣста изскочи Царь Пелей , внука своего позна ,

и

и объемъ его цѣлова любезнѣ, и зряще нань прилѣжно, мнитъ видѣти Ахиллеса: тако бо Пирръ отцу своему бысть подобенъ образомъ зрака. Сѣдшимъ же имъ и глаголющимъ о настоящемъ своемъ несчастливомъ обстояніи, и се внезапу въ лѣсахъ оныхъ слухъ шума возгреме глаголющъ, яко сынове Царя Акаста въ лѣсы оны приходятъ на ловитву; и абіе Пирръ оставивъ дѣда своего, со многою скоростію къ кораблемъ своимъ отыде, и пришедъ тамо, изыска нѣкую ветхую и весьма худую одежду, и облече на ся, и препоясався по ней мечемъ своимъ, сыновомъ Царевымъ во срѣтеніе изыде. Они же вопросиша его: ты кто еси? онъ же падъ поклонися имъ, и воставъ абіе рече къ вопрошенію ихъ: единъ есмь азъ, господине мой, отъ воиновъ Греческихъ, шествіе творю отъ Трои, въ бѣду же

истопленія впадохся , и съ сообщники моими , и погубихъ тy вся имѣнія моя , яже ношахъ ; самого же мя крѣпцѣ волны морскія биша , и чрево мое отъ воды зѣльнѣ надмеся , и яко мертвъ изверженъ быхъ на брегъ моря , и лежавъ часы довольны , никако же могохъ что сотворити , и по многомъ изблеваніи воды сланыя , юже отъ моря глотахъ , едва добрѣ оздравѣхъ. И се нынѣ нищъ и убогъ есмь , прошу по дворамъ , донелѣже пріиду во своя домы : вы же , господіе мои , аще имате что снѣдно здѣ , отъ того ми на пищу пожалуйте ; они же рѣша ему , пребуди съ нами. Въ то же время елень нѣкій явися , ходя въ лѣсахъ онѣхъ , и абіе Менаплитъ отлучися отъ нихъ на гнаніе еленя , брата же своего съ Пирромъ остави единыхъ. Полестенъ же сниде съ коня своего , и возлѣже на травѣ

хотя

хотя мало опочинути : Пиррѣ же нападе нань и уби его. Менаплитѣ же егда возвратися отѣ онаго еленева гнанія , Пиррѣ изыде во срѣтеніе ему , и уби его , и пріиде паки кѣ кораблемѣ своимѣ , идѣже вѣ красныя камчатыя ризы облечеся. И се Царь Акастѣ вѣ лѣсы очы пріиде ; Пиррѣ же паки пришедѣ тамо поклонися ему. Царь же абіе вопроси его : ты кто еси ? Пиррѣ же отвѣщавѣ рече ему : единѣ есмь азѣ , господине мой , отѣ сыновѣ Царя Пріяма Троянскаго , плѣненѣ есмь отѣ Трои , и веденѣ бываю во Грецію подѣ властію Пирровою. Паки же вопроси его Царь Акастѣ : гдѣ же есть нынѣ Пиррѣ ? Онѣ же рече : Пиррѣ зѣло отѣ морскихѣ озлобленій утружденѣ есть и приведши его кѣ той ямѣ , показа ему рукою на той погребѣ , идѣже Царь Пелей крыяшеся. Акастѣ

же Царь восхотѣ тамо приникнувъ посмотрѣти: Пиррѣ же абіе извлече мечь свой хотяше его убити. И се абіе внезапу явися ту Θетида, баба Пиррова, и Пирра крѣпцѣ емъ за руку ону, ею же мечъ держаше, сице рече ему: любимѣйшій мой внуче! что помышляеши творити, лишивъ мя двухъ братій моихъ; дадей своихъ? и нынѣ уже хощеши лишити мя Царя Акаста отца моего: Пиррѣ же отвѣщавъ рече ей: почто Царь Акастъ, отецъ твой, Пелея мужа твоего отъ царства его изгна, и не удоволився тѣмъ, на мене самого ловленіе смертное сотворити умыслилъ? И того ради да пріиметъ дѣлъ своихъ достойное возмездіе, и да впадется самъ въ яму ону, юже инѣмъ лукавнѣ ископа. Ему же Θетида тако рече: ни, дражайшій мой внуче; да не сотвориши тако, но да поща-

пощадиши старость благородія его; нынѣ бо и животъ ему отнюдъ горекъ есть, убійства ради сыновъ его. Тогда Пирръ рече ей: се ради моленія твоего отпущаю ему всю неправду его; и тако вложи мечь свой во влагалище. Сѣдшимъ же имъ вкупѣ, Царь Пелей, и Царь Акастъ, и Царица Өетида: Пирръ начаша бесѣдовати о царствѣ, и перьвѣе убо Царь Пелей рече: се убо азъ много время царствіемъ державы Өессалійскія наслаждахся, и нынѣ уже старъ есмь, сына же наслѣдника царствію моему не имѣю, и никому же иному царстія сего скипетръ по правдѣ отдатися можетъ, токмо Пирру, любимѣйшему моему внуку. Такожде и Царь Акастъ сице рече: и азъ всяку правду на немъ полагаю, не токмо еже о царствіи Өессалійстѣмъ, но по смерти моей и своего царствія скипетръ вручаю

 ему,

ему, яко убо умершимъ сыновомъ моимъ, такожде наслѣдника царствію не имѣю: онъ же пощади животъ мой, и помилова мя, достойна суща смерти за неправду мою. И сице завѣщавше о царствіи возвратишася во градъ.

О смерти пирровѣ.

Егда же пріидоша во царство Ѳессалійское, тогда Царь Пелей и Царь Акастъ облекоша Пирра во своя царскія утвари, и вѣнчаша его на царство, и скипетръ державы Ѳессалійскія ему вручиша, и Царемъ его прославиша, и вси людіе ему поклонишася, и присягу вѣрну ему сотвориша, и на престолъ царствія Пирръ сяде, отъ всѣхъ прославляемъ, и добрѣ царствуя, живяше со Андроменою Царицею, бывшею женою Гекторовою. Послѣди

слѣди же вознесеся сердцемъ, и безмѣрною гордостію тщеславяся, отъ благоразумія, яко же отъ тихаго пристанища, отлучися, и ко злоумію, яко же къ нѣкоему страшному треволненію, прибѣже, и стремленіемъ волнъ безумія своего погрузився, умре смертію смѣха достойною: образъ же безумія его сицевъ бѣ. Видѣ бо Пирръ въ нѣкое время Ермонію, жену Орестову, дщерь Менелаеву и Еленину, восхитився любовію на ню, и восхотѣ имѣти ю себѣ женою, и много о семъ тщашеся, како бы желаніе свое исполнити, и толико прилѣжаніе показа, яко ея восхитивъ, во свое царство отведе. Не по мнозѣ же времени возненавидѣ ю, понеже единыя Андромены любовію плѣненъ бяше, а о ней мало прилѣжаше, и того ради Ермоніи тяжко случися отъ Пирра. Пирръ же егда изыде отъ гра-

града своего, вѣ немѣ же живяше, и иде во иныя своя грады потребѣ ради нѣкїихѣ, тогда Ермонїя время обрѣтше благополучно, пишетѣ ко отцу своему Царю Менелаю, моля его, да прїидетѣ кѣ ней, и Андромену Царицу и сѣ сыномѣ ея смерти предастѣ; мняше бо Ермонїя убїйствомѣ ихѣ Пирра вѣ любовь кѣ себѣ привлещи: сицево бо есть скотолѣпное безумїе женское. Не сего бо ради ко отцу своему писаше, дабы ея паки отѣ насилїя онаго кѣ мужу возвратилѣ, но ради сего, дабы пришедѣ убїйство сотворилѣ, и прелюбодѣйство утвердилѣ. Менелай же по словесемѣ дщери своея прїиде кѣ ней, и хотѣ напасти оружїемѣ на Андромену, и на сына ея: она же уразумѣвѣ злодѣйственное умышленїе его, тече и сѣ сыномѣ своимѣ во многѣй скорости на улицу града; и высокимѣ гласомѣ возо-

возопивъ, помощи людскія прошаше. Граждане же услышавше ю вопіющу, оружія своя пріемлютъ, и вооруженною рукою гонятъ Менелая; и тако Царь Менелай съ великимъ безчестіемъ отбѣже во свое царство. Орестъ же Царь за восхищеніе жены своея на Пирра тяжку злобу имяше; но умолчавъ во умѣ своемъ оную скрываетъ, и пути многіе взыскуетъ, како бы моглъ противенъ быти Пирру, и како бы жену свою къ себѣ обратити, и времени подобна искаше, еже и обрѣте образомъ сицевымъ. Егда Пирръ умысли пойти во островъ Дельфъ благодарити Аполлона за побѣду, юже щастливо получи во Трои, Оресту же се вѣдомо бяше; тогда Орестъ устроився съ воинствомъ своимъ изыде во слѣдъ его, и егда Пирръ оттуду возвращашеся во свое царство, нападе на него Орестъ съ великимъ устрем-

устремленіемъ брани, и уби его, и вся воины его мечемъ посѣче, и жену свою обрѣте и во царствіе свое обрати. Өессалійскаго же царства людіе Лаомедонта, сына Гекторова, на престолъ царства Өессалійскаго вѣнчаша Царемъ въ Пиррово мѣсто, и бѣ мужъ благъ, и правя царство Өессалійское добрѣ, любимъ бысть зѣло отъ гражданъ, и Троянъ въ велицѣй свободѣ и чести имяше, и царство его во многіе роды простреся въ Өессаліи.

О ПРИШЕСТВІИ УЛИКСОВѢ ОТЪ ТРОИ.

Не по многихъ же днехъ Царь Уликсъ нищъ и убогъ ко Царю Идуменею Критскому пріиде. Царь Идуменей о толицѣй нищетѣ Уликсовѣ удивлся, случаевъ толикія его нищеты вопрошаетъ у него? Уликсъ же ему вся случившаяся ему на пути повѣдуетъ,

гла-

глаголя : азъ рече , о Царю ! егда отъ Трои отыдохъ , велію поистиннѣ часть имѣхъ отъ богатствъ Троянскихъ , и по четыре дни здраво плыхъ. Въ пятый же день близъ девятаго часа возвѣя внезапу зѣло жестокъ и силенъ вѣтръ , яко ни вмалѣ могохомъ противитися ему , и вдахомся волнамъ , и амо же хощетъ вѣтръ несетъ насъ. Принесе же насъ той жестокій вѣтръ во островъ нѣкій зѣло великъ , въ немъ же царствоваху два брата Цари , единъ звашеся Стригонъ , а другій Сикаонъ , иже и нападоша на мя съ великимъ устремленіемъ во множествѣ воинства , и поставиша съ нами брань весьма жестокую , и много отъ воиновъ моихъ убиша , и того горши нападоша на мя два сына ихъ воини храбріи и зѣло убранніи , отъ нихъ же единъ звашеся Алиѳамъ , а другій Полиѳемъ , и толь лютѣ нападоша на воины

моя ,

моя, и сто убиша отъ нихъ, и самого изымаша, и Антенора Князя, обѣщника моего, и затвориша насъ въ нѣкоемъ городкѣ въ темницѣ лютѣй. Городокъ же той бѣ власти Полиѳемовы, въ немъ же и самъ живяше. Послѣди же онъ Полиѳемъ помилова мя, и много ми добра и чести показа, и корабли моя со всѣми богатствы моими повелѣ ми отдати, ничто же поистиннѣ вземъ отъ нихъ, но вся цѣла предаде ми. Той же Полиѳемъ имѣ у себе чудныя красоты сестру дѣву, юже видѣвъ Антенорѣ Князь, обѣщникъ мой, вельми пожела ея, и толико прилѣжанія и труда показа о ней, яко ея вземъ во свой корабль приведе. Мнѣ же отнюдь не вѣдущу бывшаго, и се внезапу нощію самъ Полиѳемъ со множествомъ зѣло воиновъ пріиде къ кораблемъ нашимъ, и повелѣ обыскати ихъ, и абіе обы-

обыскавше обрѣтоша Полиѳемову сестру. Полиѳемъ же видѣвъ толику дерзость неправды нашея, измѣнися гнѣвомъ лице его , и тоя же нощи вооружися , и нападе на мя съ великимъ устремленіемъ ; хотя всѣхъ погубити насъ. Азъ же настояхъ себе защитити отъ него , едино око ему исторгохъ , и со всѣми своими безъ пакости отыдохъ отъ него , и пучинѣ морстѣй вдахся ; и понуди насъ паки вѣтръ во островъ нѣкій великъ пристати. Въ томъ же островѣ державствующе бяху двѣ Царицы сестры , того о́строва госпожи ; едина же отъ нихъ Сирса именовашеся , а другая своимъ именемъ Калифа нарицашеся. Во область же сихъ двухъ Царицъ вѣтръ мя принесе и не хотяща ; и паки едина отъ сихъ , сирѣчь Сирса , моею любовію плѣнися : смѣсила питія обаваній своихъ , и толь безумнѣ

мя къ себѣ привлече, яко годъ цѣлъ не бѣ мнѣ воли отыти отъ нея. Въ той же годъ Сирса бысть отъ мене непраздна, послѣди же и роди сына, и возрасте, и бысть мужъ зѣло бранноносецъ, азъ же паки о отшествіи своемъ пекохся, и хотѣлъ отыти. Тогда Сирса разгнѣвася жестоко на мя, и волшебствомъ своимъ задержати у себе хотяше, но и азъ сему довольно самъ быхъ наказанъ, противу хитростей Сирсиныхъ свою хитрость учинихъ, и толико хитрости моя превозмогоша волхвованія Сирсины, яко со всѣми своими Сирсѣ зѣло озлобленнѣй бывши, отыдохъ отъ нея невредимъ. Но убо что ми пользова оно отшествіе? пріидохомъ бо въ землю Царицы Калиѳы, сестры ея, и она такожде обаянми своими прихвати мя, и держала у себе лѣто едино и полъ, но то задержаніе не зѣло мнѣ

мнѣ докучно было за красоту оныя Царицы, въ ней же чудно цвѣтяше и за склонность великую, юже обрѣтохъ у нея, зане мнѣ самому и моимъ во всемъ благоугодиши зѣло прилѣжа. Азъ же паки о отшествіи своемъ рекохъ ей; она же вельми зѣло разгнѣвася на мя, и крѣпцѣ волшебствомъ своимъ отягчи мя, яко едва мои хитрости противу ея хитростей дѣйствовати возмогоша, и тако отъ нея безбѣдно отыдохъ. Во островъ же паки нѣкій пристахомъ, и тамо разбойницы лютѣ зѣло нападоша на мя жестокими и немилостивыми и воистинну свирѣпыми душами, и половину воинства моего мечемъ посѣкоша, и кораблей м[illegible] ихъ половину отняша, и едва самъ азъ съ оставшими моими корабли утещи возмогохъ, и паки по пучинѣ морстѣй вдахомся. Плавающимъ же намъ многое время

время прiидохомъ на мѣсто нѣкое исполнено Сиренъ, яже суть чудовища морская въ пучинѣ плавающе глумятъ. Сiи бо Сирены, отъ пупа въ верьхъ бяху образы дѣвичьи ѕѣло благообразни, отъ пупа же внизъ бяху рыбы : гласъ же пѣнiя ихъ толико красенъ бяше, яко егда его услышатъ плавающи человѣцы, плѣняются сладостiю пѣнiя ихъ, и себе самыхъ отнюдъ забываютъ, и своя вещи, и въ томъ забвенiи ихъ слова своя отлагаютъ : таже и сонъ нѣкiй дивенъ нападаетъ на нихъ, имъ же крѣпцѣ уснутъ, отнюдъ себе не помняще. Сирены же они егда ощутятъ ихъ спящихъ, тогда множество ихъ собравшеся, корабли ихъ опрометываютъ и топятъ ; въ таковыя бо мы Сирены впадохомъ, и хитрость сiю сотворихъ противу ихъ сладкаго и пагубнаго пѣнiя сицевымъ образомъ. Мой

слухъ

слухъ заткохъ, и главу крѣпцѣ обязахъ, яко никакоже ми бѣ отнюдь мощно слышати пѣнія ихъ, такожде и всѣмъ сотворити повелѣхъ, и тѣмъ совершенно избавихомся ихъ, и болѣе тысящи убихомъ отъ нихъ, и то мѣсто благополучно прейдохомъ. Во островъ же нѣкій пустъ приставше, и тамо мольбище нѣкое ветхое обрѣтохомъ, въ немъ же капище нѣкое чудно стояше, и отвѣты просящимъ даваше. Азъ же тамо о многихъ вещахъ вопрошеніе творяхъ, между же сими вопрошеніями и о семъ наипаче увѣдѣти желахъ, что убо нашимъ душамъ по изшествіи отъ тѣлесъ нашихъ будетъ? О всѣхъ убо вопросѣхъ моихъ совершенны отвѣты пріяхъ, кромѣ члена душевнаго, о немъ же ни единаго отвѣта возмогохъ получити; и тако оттуду отъидохъ, и пучинѣ морстѣй вдахся, и

впадохъ въ руки Наула Царя, иже ради смерти Поламида, сына своего, ненавистію жестокою гоняше мя, и нападши на мя, половину воиновъ моихъ мечемъ изсѣче, самого же мя срамнѣ повѣсити хотяше, послѣди же помысливъ самъ отпусти мя. Отшедшу же ми оттуду впадохъ такожде въ руки Теѳусера Царя, иже для смерти Теломона, брата своего, гоняше мя, и поимавъ мя въ темницу заключити не повелѣ, но бѣхъ за стражею, и нощію избѣгохъ тайно къ кораблемъ моимъ. Оттуду паки отбѣгше, пучинѣ вдахомся, вѣтръ же насъ восхити зѣло великъ и крѣпокъ, и не возмогши ему сопротивитися, пустихомъ корабли наша аможе несетъ насъ дыханіе вѣтра. Принесе же насъ вѣтръ онъ ко острову нѣкоему зѣло велику, идѣже обрѣтохомъ дивна языка мучителя, иже и нападе на мя со

со всякою лютостію злобы своея ; и вся оставшаяся моя воинства немилостивнѣ мечемъ посѣче , самого же мя емъ въ жестокія темницы заключи , и держаше мя тамо затворенна много время , послѣди же отпусти мя , и ничесоже ми отдаде отъ моихъ вещей. И того ради , о Царю ! учинихся нищъ и убогъ , яко же нынѣ зриши мя. Царь же Идуменей слышавъ сія , наипаче удивися зѣло толикимъ несчастливымъ случаямъ, ихъ же претѣрпѣ Уликсъ Царь , и для его благородія и великаго разума спомоществова ему , и даде ему корабли сбремененны всякими брашенными обиліи : къ тому жа даде ему злата и сребра довольно , чѣмъ дойти ему во свое царствіе , и тако въ радости отпусти его и отыде. Слышавъ же Теламонъ , сынъ его , пришествіе Уликса Царя, отца своего , изыде во срѣтеніе

его, и возвѣсти ему вся, яже о царствіи, и како обиду Царицѣ наношаху вельможи его. Егда же Царь Уликсъ пріиде во царство свое, и срѣте его Царица во мнозѣ веселіи и радости, и сказа ему вся, како обиду творяху ей безъ него вельможи его; тогда Уликсъ нощію наступи на домы вельможъ своихъ, и крѣпцѣ испытавъ ихъ, повелѣ винныхъ казнити. И тако умиривъ царство свое добрѣ, царствова до дни смерти своея. Конецъ же житія его образомъ сотворися сицевымъ.

О СЫНѢ И О СМЕРТИ УЛИКСОВѢ.

Уликсъ же добрѣ во царствіи своемъ царствуя лѣта нѣкая по пришествіи своемъ изъ Троя, и въ здравіи и въ веселіи пребы-

вая,

вая, и се внезапу во едину отъ нощей видѣ сонъ зѣло страшенъ, и ужасеся духъ его, и вельми вострепета сердце его. И абіе вскочи отъ постели своея, и повелѣ призвати къ себѣ мудрыя волхвы своя, и возвѣсти имъ видѣніе сна своего, глаголя: мняшеся мнѣ быти на нѣкоемъ велицѣмъ полѣ, и зряшеся мнѣ тамо нѣкій образъ божественъ, въ руцѣ своей имущъ копіе зѣло остро и свѣтло, яко вода блещащаяся. Егда азъ хощу приближитися къ нему, и объяти, и онъ удаляшеся тогда; азъ же многажды покусихся приближитися къ нему, и паки удаляшеся. Тогда азъ рекохъ къ нему: стани, молю тя, да соединюся съ тобою. Онъ же отвѣщавъ, рече ми; о коль зло есть прошеніе твое, яко просиши, да соединюся тебѣ; не вѣси бо, яко единъ сего ради умретъ. И егда сія услышаша волхвы, рѣша

ему : о Царю ! добрѣ да вѣсть благородіе твое , яко сей сонъ твой знаменуетъ ти , яко отъ сына твоего имаши умрети , или въ заточеніе засланъ быти , а не можетъ инако се быти ; се бо есть самое доброе разсужденіе сна твоего. Тогда Царь Уликсъ Теламона , сына своего , изымати повелѣ , и твердо блюсти , и ни куда его не испущати , ниже къ нему оставити кого приходити. Самъ же повелѣ окрестъ своего царскаго дому стѣну каменну поставити , и подлѣ стѣны оныя абіе рвы велики ископати , и плинѳами оградити , и чрезъ той ровъ мостъ крѣпокъ устроити ; по конецъ же моста онаго башню велику каменну повелѣ поставити , и въ ней вѣрнымъ своимъ воинамъ и крѣпкимъ оружникамъ нощію и днію непрестанно быти , надъ ними же нѣкоего мужа ,

чудна

чудна воина и зѣло ему вѣрна; въ непрестанное назирательство постави, и крѣпцѣ наказа его, да ни единаго мужа чрезъ той мѣстѣ безъ повелѣнія Царскаго прейти оставитъ. Тако бо крѣпцѣ Уликсъ устрои ону стражу, самъ же изъ дому своего никамо же исхождаше, бояся Теламона, сына своего. Еще же Царь Уликсъ имяше у себе другаго сына, именемъ Телагона, отъ Сирсы Царицы рожденнаго; о ней же выше речено бысть. Той же Телагонъ бяше возраста своего пятинадесять лѣтъ, и часто вопрошаше матерь свою: чей бѣ онъ сынъ, и кто есть отецъ мой, возвѣсти ми, госпоже моя, да увѣмъ истинну, и гдѣ живетъ, да разумѣю ясно? Она же долго отрицашеся ему повѣдати, не вѣмъ чесо ради, зане или срамляшеся, или сего ради, да не оставитъ ея. Онъ же крѣпцѣ о семъ прилѣ-

прилѣжаше, вопрошая ея: да возвѣстиши ми, рече, дражайшая моя мати, пресвѣтлая Царице, да не смущаюся духомъ, и не сокрушаюся печалію, и твоему благородію къ тому да не стужаю о семъ. Она же видѣвъ его о семъ бывша въ велицѣй скорби, увы жалостію сыновнею, и сказа ему отца быти Царя Уликса Ахайскаго, возвѣсти же ему и о мѣстѣ, гдѣ живетъ Уликсъ. Онъ же егда слыша сія, вельми радостенъ бысть, и зѣло возгорѣся духомъ, отца своего хотя видѣти, и крѣпцѣ моляше матерь свою, да отпуститъ его видѣти Уликса. Видѣвъ же Сирса толикое желаніе его, пусти его ко отцу. Онъ же земъ съ собою нѣколико юношъ, и цѣловавъ матерь свою, пойде въ путь свой, и толь долго шествуя, тщашеся по странамъ, донелѣже въ желаемыя предѣлы царства Ахайскаго пріиде; и

и во градѣ вниде, и приста во входѣ моста предреченнаго, идѣже стражіе Уликсовы стояху, здравія его блюдуще, и восхотѣ чрезъ той мостъ прейти, и возбраниша ему стражіе. Онъ же моляше ихъ, да волею прейти ему ко Уликсу дадутъ; они же не послушаху его, но паче и досаждаху ему. Настоитъ Телагонъ умильными прошеніи, а они отвергаютъ его, и обидно и сильно погнѣтаютъ; и сего ради Телагонъ наносимыхъ ему обидъ терпѣти не могій отъ стражей онѣхъ, единаго отъ нихъ удари кулакомъ толь сильно, яко мертва повергъ его на землю. Се же видѣвше прочіи стражіе, абіе оружія своя пріемлютъ, и на Телагона нападаютъ со многою яростію Телагонъ же отъ единаго ихъ силою мечъ изъ рукъ исторже, нападе на протчихъ, и пятьнадесять отъ

нихъ воиновъ уби, и въ ровъ низверже. Вопль убо велій воста о смерти убиваемыхъ, и брань крѣпцѣ умножашеся. Слышавъ же вопль той самъ Уликсъ возстаетъ вскорѣ, мня яко отъ рабъ Теламоновыхъ нѣкто на присныхъ его стражей наступи, и сего ради спѣшно съ нѣкоею стрѣлою на вопль скоритъ, и притече къ мѣсту брани, и се зритъ воиновъ своихъ убиваемыхъ отъ юноши ему незнаема, и испусти стрѣлу свою нань, но не вреди его; вооруженъ бо бѣ. Телагонъ же восхитивъ тужe стрѣлу падшую на немъ напряженіемъ жесточайшимъ возврати на Уликса, и стрѣлою оною все тѣло его извры; не вооруженъ бо бѣ Царь. Уликсъ же отъ пораженія онаго на землю паде, и востати не можаше; вопль же велій и смятеніе зѣльно воста въ людехъ, и плачь великъ умножися о язвѣ царстѣй.

царствій. Телагонъ же видѣвъ толикое смятеніе и плачь, вопроси гражданъ: возвѣстите ми, жестоцыи и немилостивыи людіе и враждотворніи поистиннѣ человѣцы, почто смятеніе сіе великое и плачь воста въ васъ? и кто есть онъ мужъ, иже стрѣлою пораженный паде? Они же рѣша ему, яко той самъ Уликсъ есть. Сіе же слышавъ Телагонъ, поверже оружіе свое на землѣ, и крѣпцѣ возопивъ отъ великія горести руками лице свое біяше, и власы главы своея рваше, и припекши ко Уликсу, при ногахъ его себе простре, и высокимъ гласомъ вопіяше, глаголя: о горе мнѣ странному, дражайшій мой отче, преславный Царю: пріидохъ бо видѣти хотя въ радости лице пресвѣтлаго твоего благородія, нынѣ же вмѣсто радости печаль пріяхъ неутѣшиму. Азъ бо есмь неблагочестный Телагонъ, его же ты,

 люби-

любимѣйшій отче, отъ Сирсы Царицы родилъ неблагочестнаго; вина бо быхъ смерти твоей царствій. Уликсъ же утѣшаше его словесы, имиже можаше, и часто объемляше его цѣлуя. Телагонъ же паче на плачь преклонящеся, и рыданія умножая, слезами ноги отца своего смываше. И се Теламакъ, сынъ Царевъ, пріиде, ища Телагона, дабы ему отмстити за убійство отца своего. Уликсъ же словесы и помованіемъ запрещаетъ Телемаку, да не вредитъ его, но яко преискреннаго и любимаго брата его къ тому да имать. Телагонъ же рече: остави его, отче, да убіетъ мя; не воздвигну бо руку мою нань, яко единицею азъ повергохъ оружіе мое; и къ тому не пріиму его, яко отцеубійца есмь, и лучше ми есть, дражайшій мой отче, мертву быти, нежели отцеубивателемъ слы-

ти.

ти. Слышавъ же Телемакъ умиленные Телагоновы глаголы, всю вражду свою абіе отложи, и преискреннѣ обьемъ его, радостнѣ цѣлова. Ведется убо Уликсъ во своя царскія палаты язвенъ, ему же сынове его Телемакъ и Телагонъ послѣдуютъ плачущеся, и приведше его на одрѣ царстѣмъ положиша, идѣ же Уликсъ при дни болѣвъ умре; сынове же его Телемакъ и Телагонъ честію царскою погребоша. По смерти же Уликсовѣ, сынъ его Телемакъ воспрія царство отца его, и на престолѣ Ахайстѣмъ сяде царствуя, и брата своего Телагона великою честію почитая, и держа его у себе лѣто едино и полъ, въ радости и въ веселіи велицѣмъ. А егда Телагонъ восхотѣ отъити къ матери своей во царствіе ея; тогда Царь Телемакъ, братъ его, великими и многоцѣнными царскими дары одаривъ его

отпусти. И самъ Теламакъ Царь далече отъ града его проводи, и во множествѣ слезъ прощеніе сотворше, разыдошася во своя царствія.

Многая поистиннѣ и долгая поприща словесъ настоящая сія исторія прейде, и до здѣ путешествіемъ своимъ достигши умолча.

Воевахуся лѣтъ десять и мѣсяцевъ шесть. Отъ Грековъ было подъ Троею воинства 806000, сирѣчь, осмь сотъ и шесть тысящъ. Троянъ же ратующихъ, иже на защищеніе града Трои ополчахуся 670000, то есть, шесть сотъ и седмидесятъ тысящъ.

ИМЕНА

Имена Царемъ и Княземъ, кто отъ кого побіени суть.

Гекторъ уби Царя Протезилая, Царя Патрокла, Царя Мереона, Царя боетеса, Царя Артилога, Царя Протенора, Царя Умероса, Царя Ортонома, Царя Епистропа, Царя Седея, Царя Алпинора, Царя Динора, Царя Ѳилиса, Царя Ксантиппа, Царя Мемнона, Царя Ерипола, Царя Гастида; Царя Политена, Царя Леохида.

Парисъ уби Царя Ѳатрійскаго, Царя Артилога, и Ахиллеса; и Паламида, Греческаго воеводу, и Царя Аякса. Аяксъ же уби того Париса, зане оба между собою отъ ранъ падоша.

Енея уби Анѳимака Царя, и Царя Нерея.

Полидамъ уби Царя Селида, и Царя Мерея.

Ахиллесъ же уби Царя Сузимія, Царя Иппона, Царя Ѳеба, Царя Аустера, Царя Лигона, и Гектора, и Троила, и Царя Мемнона.

Паламидъ

Паламидъ же уби Сигамона, брата Царя Мемнона, и Деиеоба, сына Царя Прїама, и Царя Сарпедона.

Пирръ же уби Царя Прїама, и Царицу Пантазалею.

Дїомидъ же уби Царя Ксантиппа, и стрѣльца дивнаго вида, иже въ низъ бѣ конь, а въ верьхъ человѣкъ.

Троя великая создася въ лѣто Аода, судїи Израилева, и стояше лѣтъ сто и осмьдесятъ.

А конечнымъ раззоренїемъ паде въ лѣта Давида, Царя Израилева.

(o)

ОГЛАВЛЕНIЕ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъвѣтъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Той же

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

О

ОГЛАВЛЕНІЕ.

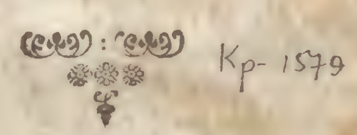
О

ОГЛАВЛЕНIЕ.

стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.



18/13

Всего поученїи при стро[illegible] бали в храмех
и церквах. л. 476000.

ГПБ Русский фонд
137
290